

ISSN 2949-5016 (print)
ISSN 2949-5008 (online)

**ПРО
СВЕТ**
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ПРОСВЕЩЕНИЯ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ

*205 лет
И. С. Тургеневу*

РОМАН И. С. ТУРГЕНЕВА «НАКАНУНЕ»
И ЕВАНГЕЛЬСКАЯ ПРИТЧА
О ПОЛЕВЫХ ЦВЕТАХ

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ
МОДАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ
НЕОБДУМАННОСТИ ДЕЙСТВИЯ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И. С. ТУРГЕНЕВА

«ГАММЫ ЛЮБВИ» В ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ
ПОВЕСТИИ. С. ТУРГЕНЕВА «АСЯ»

2023 / № 5

ISSN 2949-5016 (print)

2023 / № 5

ISSN 2949-5008 (online)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Отечественная филология» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 5.9.1 – Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки); 5.9.2 – Литературы народов мира (филологические науки); 5.9.3 – Теория литературы (филологические науки); 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России (филологические науки).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

"Russian Studies in Philology" is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into "the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree" (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) in Philological Sciences: 5.9.1 – Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation (philological sciences); 5.9.2 – Literature of the peoples of the world (philological sciences); 5.9.3 – Theory of literature (philological sciences); 5.9.5 – Russian language. Languages of the peoples of Russia (philological sciences).

ISSN 2949-5016 (print)

2023 / № 5

ISSN 2949-5008 (online)

RUSSIAN STUDIES IN PHILOLOGY

Учредитель журнала «Отечественная филология»:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

Выходит 5 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Шаповалова Т. Е. – д-р филол. наук, проф., ГУП

Заместитель главного редактора:

Герасименко Н. А. – д-р филол. наук, проф., ГУП

Ответственный секретарь:

Леденёва В. В. – д-р филол. наук, проф., ГУП

Члены редакционной коллегии:

Аврамова В. Н. – доктор филологии, проф., Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского (Республика Болгария);

Алексеева Л. Ф. – д-р филол. наук, проф., ГУП;

Воропаев В. А. – д-р филол. наук, проф., МГУ имени М. В. Ломоносова;

Гусман Т. Р. – д-р филол. наук, проф., Гранадский университет (Королевство Испания);

Киселева И. А. – д-р филол. наук, проф., ГУП;

Колларова Э. – доктор философии, проф., Католический университет в Ружомберке (Словацкая Республика);

Копосов Л. Ф. – д-р филол. наук, проф., ГУП;

Моторин А. В. – д-р филол. наук, проф., Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого;

Нагорный И. А. – д-р филол. наук, проф., Цзилиньский университет (Китайская Народная Республика);

Норман Б. Ю. – д-р филол. наук, проф., Белорусский государственный университет (Республика Беларусь);

Петров А. В. – д-р филол. наук, проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск);

Рацибурская Л. В. – д-р филол. наук, проф., Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского;

Супрун В. И. – д-р филол. наук, проф., Волгоградский государственный социально-педагогический университет;

Титаренко Е. Я. – д-р филол. наук, доц., Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского;

Шаталова О. В. – д-р филол. наук, проф., ГУП;

Шеншина В. А. – д-р филол. наук, науч. сотр., Хельсинки университет (Финляндская Республика);

Щедрина Н. М. – д-р филол. наук, проф., ГУП

ISSN 2949-5016 (print)

ISSN 2949-5008 (online)

Рецензируемый научный журнал «Отечественная филология» – печатное издание, в котором публикуются статьи по языкознанию (лексико-грамматический строй русского языка, язык художественной литературы), литературоведению (исследование творчества русских и зарубежных писателей, сопоставительный анализ их произведений, изучение теории литературы).

Журнал адресован учёным, преподавателям, докторантам, аспирантам и всем, кто интересуется достижениями филологической науки.

Журнал «Отечественная филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73348.

Индекс серии «Отечественная филология» по Объединённому каталогу «Пресса России» – 40718.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках «eLibrary» (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайте (www.philologymgou.ru).

При цитировании ссылка на журнал «Отечественная филология» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Отечественная филология. – 2023. – № 5. – 150 с.

© ГУП, 2023.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайт: www.philologymgou.ru

Founder of the journal "Russian Studies in Philology":
State University of Education

Issued 5 times a year

Editorial board

Editor-in-chief:

T. Ye. Shapovalova – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE

Deputy editor-in-chief:

N. A. Gerasimenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE

Executive secretary of the series:

V. V. Ledeneva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., SUE

Editorial Board:

V. N. Avramova – Dr. Sci. (Philology), Prof., University of Shumen Bishop Konstantin of Preslav (Bulgaria);

L. F. Alekseyeva – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE;

V. A. Voropayev – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

R. T. Guzmán – Doctor of Philological Sciences, Prof., University of Granada (Spain);

I. A. Kiseleva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., SUE;

E. Kollarova – Doctor of Philosophy, Prof., Catholic University in Ružomberok (Slovakia);

L. F. Kopusov – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE;

A. V. Motorin – Dr. Sci. (Philology), Prof., Yaroslav-the-Wise Novgorod State University;

I. A. Nagorny – Dr. Sci. (Philology), Prof., Jilin University (China);

B. Yu. Norman – Dr. Sci. (Philology), Prof., Belorussian State University (Belarus);

A. V. Petrov – Dr. Sci. (Philology), Prof., Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk);

L. V. Ratsiburskaya – Dr. Sci. (Philology), Prof., N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;

V. I. Suprun – Dr. Sci. (Philology), Prof., Volgograd State Socio-Pedagogical University;

E. Y. Titarenko – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Professor, Crimean V. I. Vernadsky Crimean Federal University;

O. V. Shatalova – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE;

V. A. Shenshina – Dr. Sci. (Philology), Helsinki University (Finland);

N. M. Shchedrina – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE

ISSN 2949-5016 (print)

ISSN 2949-5008 (online)

The peer-reviewed scientific journal "Russian Studies in Philology" is a printed edition that publishes articles on various issues, including but not limited to linguistics (lexicogrammar of the Russian language and the language of literature) and literature study (study of the works of Russian and foreign writers and comparative analysis of their works, study of theory of literature).

The journal is addressed to scientists, teachers, doctoral students, postgraduate students and anyone interested in the achievements of philology.

The journal "Russian Studies in Philology" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77-73348).

The subscription index of the "Russian Studies in Philology" is 40724 in the Press of Russia catalog.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's site (www.philologymgou.ru).

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Russian Studies in Philology. – 2023. – No. 5. – 150 p.

© SUE, 2023.

The Editorial Board address:

ul. Radio 10A, office 98, 105005 Moscow, Russian Federation

phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

site: www.philologymgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

205 ЛЕТ И. С. ТУРГЕНЕВУ

Представляем тему номера.....	6
Бельская А. А. Роман И. С. Тургенева «Накануне» и евангельская притча о полевых цветах.....	8
Волкова Е. П. Лексические средства выражения модального значения необдуманности действия в произведениях И. С. Тургенева.....	19
Шаталова О. В. «Гаммы любви» в языковом пространстве повести И. С. Тургенева «Ася».....	25

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Архипова И. В. Таксисные функции девербативных существительных русского языка (на материале высказываний с предложными конструкциями).....	33
Голосова Е. А. О своеобразии экспликации концепта «свой-чужой» в повести «Вилли» Н. С. Дашевской.....	40
Гукосьяни О. Ю. Сглаживание конфликта в интернет-опосредованной коммуникации (на примере комментариев к постам в Живом Журнале в период пандемии COVID-19).....	50
Колесников В. В., Логинов А. В. Политический дискурс топливно-энергетического комплекса: коммуникативно-прагматический аспект.....	59
Кытманова Е. А. Становление жанрового подхода к научному тексту в отечественном языкознании 60-х – 70-х гг. XX века.....	71
Молчанова М. М., Сеницына Ю. Н. Русский язык как объединяющая сила народов современной России.....	84
Нагорный И. А. Функционально-экспрессивный потенциал эмотивных междометий в текстовом диалоге (на материале рассказов В. М. Шукшина).....	91
Огольцева Е. В., Чжоу Юйфэй. Лексикализация соматизмов-димиутивов в русском языке.....	102
Проконова Д. В. Актуалема «Иркутск» в языке электронных текстов 2019 и 2020 гг. ...	115
Хуринова В. Ю. Функциональная роль средств коммуникативного уровня языка при создании изолированного комического эффекта (на материале эстрадного монолога Михаила Евдокимова «Лес»).....	124

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Чжан Жуй. Принципы создания словесного портрета в ранней прозе А. Грина.....	132
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

Дубова М. А. «Я знаю силу слов». Рецензия на книгу: Головина Т. А., Малинская Т. В., Халикова Н. В. Язык художественной литературы: история и теория: сборник упражнений. М.: Государственный университет просвещения, 2023. 103 с.	141
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Ковальчук Е. В., Кузнецова Е. А., Пименова М. В., Рыкин Е. Ю., Соколова О. И. XV Международная научная конференция «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект».....	145
--	-----

CONTENTS

205 YEARS OF I. S. TURGENEV

Introducing the Theme of the Issue.	6
<i>A. Belskaya</i> . I. S. Turgenev's Novel "On the Eve" and Gospel Parable about Wildflowers	8
<i>E. Volkova</i> . Lexical Means of Expression of the Modal Meaning of Thoughtlessness of Action in the Works of I. Turgenev.	19
<i>O. Shatalova</i> . "Scales of First Love" in the Linguistic Space of the Novel by I. S. Turgenev "Asya"	25

LINGUISTIC STUDIES

<i>I. Arkhipova</i> . Taxis Functions of Deverbative Nouns of Russian Language (Based on Statements With Prepositional Constructions)	33
<i>E. Golosova</i> . On the Peculiarity of the Explication of the Concept of "Friend-Foe" in the Story "Villi" by N. S. Dashevskaya	40
<i>O. Gukosyants</i> . Conflict Accommodation in Internet-Mediated Communication (The Study of Comments for the Livejournal Posts During the COVID-19 Pandemic)	50
<i>V. Kolesnikov, A. Loginov</i> . Political Discourse of the Fuel and Energy Complex: Communicative and Pragmatic Aspect	59
<i>E. Kytmanova</i> . The Formation of Genre Approach to Scientific Text in Russian Linguistics in the 1960s – 1970s.	71
<i>M. Molchanova, Yu. Sintsyna</i> . The Russian Language as a Unifying Force of the Peoples of Russia	84
<i>I. Nagornyy</i> . Functional and Expressive Potential of Emotive Interjections in a Text Dialogue (Based on the Material of V. M. Shukshin's Stories)	91
<i>E. Ogoltseva, Zhou Yufei</i> . Lexicalization of Somatic Diminutives in the Russian Language	102
<i>D. Prokopova</i> . "Irkutsk" Aktualema in the Language of Electronic Texts in 2019–2020.	115
<i>V. Khurinova</i> . The Functional Role of the Means of the Communicative Level of Language in the Creation of an Isolated Comic Effect (Based on the Material of Mikhail Evdokimov's Stage Monologue "Forest")	124

LITERARY STUDIES

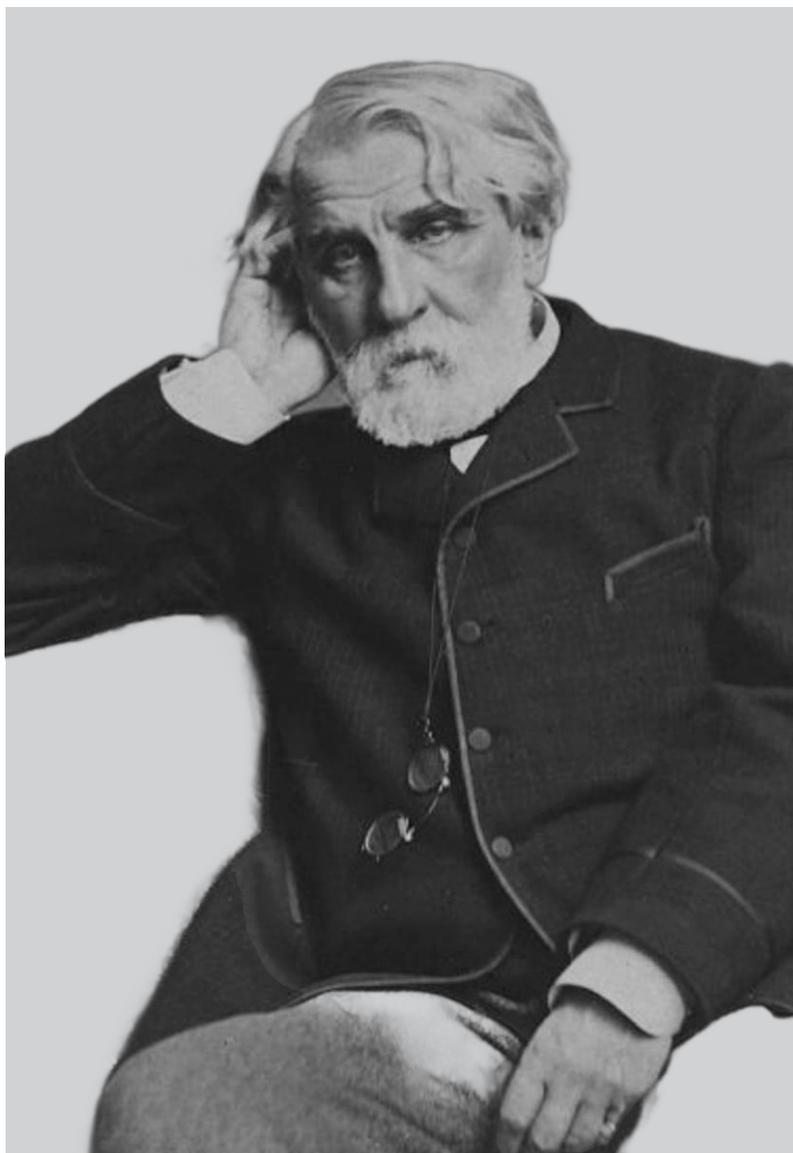
<i>Zhang Rui</i> . Principles of Creating the Verbal Portrait in A. Green's Early Prose	132
---	-----

REVIEWS

<i>M. Dubova</i> . "I Know the Power of Words". Book Review: Golovina T. A., Malinskaya T. V., Khalikova N. V. Language of Fiction: History and Theory. Moscow, State University of Education Publ., 2023. 103 p.	141
---	-----

SCIENTIFIC LIFE

<i>E. Kovalchuk, E. Kuznetsova, M. Pimenova, E. Rykin, O. Sokolova</i> . XV International Scientific Conference "Language Categories and Units: Syntagmatic Aspect"	145
---	-----

205 ЛЕТ И. С. ТУРГЕНЕВУ

Девятого ноября 2023 г. исполнилось 205 лет со дня рождения писателя-реалиста, публициста, поэта, драматурга, переводчика – одного из великих русских классиков второй половины XIX в. Ивана Сергеевича Тургенева. Его произведения известны на разных континентах, переведены на все европейские языки, поскольку творчество писателя является значимым не только для духовного развития русского общества, но и для мировой культуры. Романы и повести И. С. Тургенева экранизированы; насчитывается более ста экранизаций, причём многие из них созданы зарубежными кинематографистами.

Произведения великого мастера художественного слова, непревзойдённого стилиста и психолога пронизаны любовью к человеку из народа, передают его размышления о судьбе родины, её будущем. Хрестоматийными стали слова писателя о том, что «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без неё не может обойтись. Горе тому, кто это думает, вдвойне горе тому, кто действительно без неё обходится»¹.

Создатель русского психологического романа, И. С. Тургенев воспринимается философом, чутким гуманистом, глубоким и тонким мыслителем, проникшим в суть человеческой природы, создавшим неповторимые сюжетные линии и яркие диалоги персонажей, благодаря которым раскрыты их живые, самобытные характеры.

К юбилею И. С. Тургенева помещаем в нашем журнале статьи учёных, выявляющих и обобщающих актуализированные в текстах писателя традиционные и коннотативные смыслы. Публикации характеризуют систему мотивов духовного роста и странничества, духовного испытания и преображения, духовного подвига героев в романе «Накануне».

*Шаповалова Татьяна Егоровна,
доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой
современного русского языка имени профессора П. А. Леанты
Государственного университета просвещения,
академик Международной академии наук педагогического образования,
главный редактор научного журнала «Отечественная филология»*

¹ Тургенев И. С. Рудин // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 5. М.: Наука, 1980. С. 305.

УДК 82.091 – 4 Тургенев И. С.
DOI: 10.18384/2949-5008-2023-5-8-18

РОМАН И. С. ТУРГЕНЕВА «НАКАНУНЕ» И ЕВАНГЕЛЬСКАЯ ПРИТЧА О ПОЛЕВЫХ ЦВЕТАХ

Бельская А. А.

*Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева
302026, Орловская обл., г. Орёл, ул. Комсомольская, д. 95, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Исследование смыслового содержания флористических образов васильков и ландыша в романе «Накануне» и раскрытие их ассоциативной связи с образами полевых цветов в Священном Писании.

Процедура и методы. Для раскрытия темы используются аналитический и сравнительный методы исследования художественного текста. Особое внимание уделяется изучению художественных образов и деталей, их разнообразных функций в тексте и роли в раскрытии замысла и позиции автора.

Результаты. Результатом работы стали выявление концептуальной роли флоросемантики и флоропоэтики художественного текста и подробный анализ евангельского кода, который реализуется в романе Тургенева через систему мотивов духовного роста, духовного странничества, духовного испытания, духовного преображения и духовного подвига.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование флоротекстовых явлений позволило расширить границы интерпретации и анализа романа Тургенева, по-новому взглянуть на поэтику повествования и глубже понять особенности мировоззрения писателя.

Ключевые слова: ассоциация, васильки, евангельская притча о полевых цветах, ландыш, «Накануне», поэтика, семантика, флористический образ

I. S. TURGENEV'S NOVEL "ON THE EVE" AND GOSPEL PARABLE ABOUT WILDFLOWERS

A. Belskaya

*Orel State University named after I. S. Turgenev
ul. Komsomolskaya 95, Orel 302026, Orel Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To study the semantic content of the floral images of cornflowers and lily of the valley in the novel "On the Eve" and the disclosure of their associative connection with the images of wildflowers in the Bible.

Methodology. To reveal the topic, analytical and comparative methods of studying literary text are used. Special attention is paid to the study of artistic images and details, their various functions in the text and their role in revealing the writer's intention and position.

Results. The result of the work was identifying the conceptual role of florosemantics and floropoetics of a literary text and a detailed analysis of the Gospel code, which is implemented in Turgenev's novel through a system of motives for spiritual growth, spiritual pilgrimage, spiritual testing, spiritual transformation, and spiritual achievement.

Research implications. The study of florotextual phenomena allowed us to expand the boundaries of interpretation and analysis of Turgenev's novel, take a fresh look at the poetics of the narrative and better understand the features of the writer's worldview.

Keywords: association, cornflowers, gospel parable about wildflowers, lily of the valley, "On the Eve", poetics, semantics, floral image

Введение

Актуальность нашего исследования обусловлена интересом современного тургеноведения к вопросам флоро- и дендрографии И. С. Тургенева, с одной стороны [6; 7; 11; 16; 20; 21; 22; 24], и христианского подтекста произведений писателя, – с другой [1; 3; 4; 13; 14; 18].

Анализ показывает, что Тургенев в своих произведениях посредством использования различных визуальных образов стремится заострить в будничном существовании героев непреходящее, вечное. Флористические образы, в частности, служат в произведениях Тургенева выявлению характеров персонажей, вносят подтекст, способствуют раскрытию авторской позиции. Сошлёмся на авторитетное мнение Т. А. Касаткиной, убедительно доказывающей на примере творчества Ф. М. Достоевского, что позиция автора нередко проявляется в тексте на «уровне детали», которая в течение сюжета выступает как «*вещь*», а в «авторском кругозоре» становится «*символом*» [10, с. 196–227].

В настоящее время учёные много и плодотворно пишут о значимости в «Накануне» образа *венка из васильков* и объединяются в признании его существенной роли для понимания личности главной героини – Елены Стаховой. При этом исследователи по-разному определяют смысловое содержание этого цветообраза. Одни считают, что он вносит в роман мифологический подтекст и обращает к двум римским легендам: о прекрасном синеглазом юноше Цианусе и о *васильке* – цветке-«пастыре», являющемся в тургеновском тексте знаком избранничества, высокой пасторской миссии героини [3]. Другие полагают, что Тургенев исходит из древнегреческого мифа о Центавре, который обладал знаниями о целебных свойствах растений, и *венок из васильков* в романе – воплощение «подвижнического венца», знак будущего исцеляющего служения Елены Стаховой [17]. По мнению третьих, образ *василька* маркирует выбор героини в пользу «небесного Отечества» и, будучи

связан с символикой небес, обращает к средневековым христианским представлениям о цветке как орудии против дьявола и эмблеме Христа и Богородицы [14]. Четвёртые, отталкиваясь от русской народной традиции, соотносят *васильки* с образом заколдованного клада, которому в романе уподоблена Елена Стахова [9]. Думается, что точно так же, как многообразен в мировой культуре контекст *васильков* и амбивалентна их символика, неоднозначна семантика этого цветообраза в тургеновском тексте.

Надо отметить, что в индивидуальном сознании главной героини «Накануне», кроме *венка из васильков*, возникают такие цветы, как *ландыш* и *роза* («Кстати, и он и я, мы одни цветы любим ... Я ему отдала всю розу»¹), которые позволяют не только полнее разобраться в характере Елены Стаховой, её потаённых чувствах, но и глубже проникнуть в авторский замысел.

Наша цель – выявить смысловую нагрузку входящих в знаково-символическую систему романа Тургенева *венка из васильков* и *ландыша*, установить их ассоциативную связь с евангельскими полевыми цветами и раскрыть функции в тексте. Данный аспект позволит расширить границы интерпретации и анализа романа Тургенева, а также основательнее понять особенности мировоззрения писателя.

Ассоциативно-содержательное наполнение флористического образа васильков в романе

Нельзя исключать, что в «Накануне» в ретроспективном плане повествования о детстве Елены Стаховой *васильки* имеют традиционное для восточных славян значение «девичьей жизни» (ср.: у Н. А. Некрасова: «Толпа без красных девушек, / Что рожь без васильков»²). Вполне

¹ Тургенев И. С. Накануне // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 6. М.: Наука, 1981. С. 227.

² Некрасов Н. А. Кому на Руси жить хорошо // Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Т. 5. Кому на Руси жить хорошо. Л.: Наука, 1982. С. 126.

возможно, что выбор героиней *васильков* для венка («... думала о том, как она вырежет себе ореховую палку, и сумку наденет, и убежит с Катей, как она будет скитаться по дорогам в венке из васильков: она однажды видела Катю в таком венке»¹) во многом обусловлен популярностью этих цветов на Руси.

Несмотря на то, что в реальной жизни *васильки* – сорняки, они всегда были дороги русскому человеку. Издревле крестьянки плели венки из васильков, вышивали их на рушниках и праздничной одежде. У восточных славян существовало два праздника, связанных с васильками: первый – «пошёл колос на ниву» – отмечали в начале лета, в период появления первых колосьев на поле; второй – «именинный сноп» – в конце лета перед сбором урожая. Васильки часто упоминаются в народных песнях, и символика их у восточных славян положительная – «цветок – к счастью, на счастье» [12, с. 142]. В устном народном творчестве имеется несколько противоположных по смыслу мифов о *васильке*: старинное поверье о молодом пахаре Василии, влюблённом в русалку и превращённом ею в полевой цветок, своей окраской напоминающий прохладную синеву воды (аналог мифа о Нарциссе); и легенда о небесном происхождении цветка. Согласно последней, лазоревый цвет васильков означает, что они – посланцы Неба – растут среди хлебных колосьев, которые при каждом дуновении ветра склоняются к «осколкам Неба» и шепчут слова признательности и благодарности [15, с. 246].

Наряду с устным народным творчеством, *васильки* часто встречаются в произведениях отечественной литературы. И. А. Крылов в басне «Василёк» под именем полевого цветка изображает самого себя. В драме А. Н. Островского «Гроза», в которой Катерина Кабанова мечтает летать в поле «с василька на василёк по ветру, как бабочка»², образ *василька*, по

мнению К. И. Шарафудиной, приобретает «черты детской чистоты» и становится «воплощением девичьей доверчивости и безоглядности чувств» героини [25, с. 178]. В свою очередь, в рассказе Тургенева «Свидание» *васильки* – это знак нежности, преданности, любви крестьянки Акулины («А вот это я для вас, – прибавила она, доставая ... небольшой пучок голубеньких васильков...»³), а в романе «Рудин» *василёк* – «метафора нарциссизма Пандалевского» [11, с. 68].

В «Накануне» *венки* из *васильков*, будучи весьма значимым художественным образом, имеет у Тургенева иное смысловое наполнение. Появление в романном тексте *васильков* связано с возникновением доверия, благодарности Елены Стаховой десятилетней девочке Кате, «неведомые, новые» слова которой о Боге рождают у героини «тайное уважение и страх»⁴.

Вне сомнения, встреча с нищенкой Катей определяет духовный рост Елены Стаховой. Чрезвычайно значимо то, что в детских рассуждениях Кати о *божьей воле* маленькая Елена ощущает что-то особенное, чуть не священное, а значит, ощущает Божье присутствие. Не менее значимо то, что само духовное состояние Елены, связанное с осознанием Божественного присутствия в мире, сродни тайному уважению и страху. По сути дела, Тургеневу удаётся передать в романе сошествие на героиню, которой «страшно» и «сладко на сердце»⁵, Божьей благодати. Тогда как *венки* из *васильков* является в романе отражением коллективных народно-религиозных представлений о Боге и воле. Подтверждением этому служит контекстуальное соседство в тургеневском тексте *венки* из *васильков* с такими понятиями, как «*божья воля*» и «*священное*»: «Катя ... говорила о том, ... как будет жить на всей *божьей воле*; с тайным уважением

М.: Искусство, 1974. С. 234.

³ Тургенев И. С. Свидание // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 3. Записки охотника, 1847–1874. М.: Наука, 1979. С. 245.

⁴ Тургенев И. С. Накануне // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 6. М.: Наука, 1981. С. 183.

⁵ Там же. С. 184.

¹ Тургенев И. С. Накануне // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 6. М.: Наука, 1981. С. 183.

² Островский А. Н. Гроза // Островский А. Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 2. Пьесы. (1856–1866).

и страхом внимала Елена этим неведомым, новым словам ... и всё в ней ... казалось Елене чем-то особенным, чуть не священным»¹.

В то же время *васильки*, будучи маркером духовного роста мечтающей оставить свой след на земле Елены, её обращённости в сферу Небесную, выступают приметой духовного странничества героини. Заметим, что мотив добровольного странничества не однажды возникает в романе: и в мечтах маленькой Елены, жаждающей скитаться с Катей, и во время объяснения Стаховой с Инсаровым и заверений, что она пойдёт за ним всюду, на край земли. Напомним, что явление странничества складывается в России в русле христианской православной традиции и теснейшим образом связано с аскетизмом, отказом от мирских благ, жертвенностью и страданием, с одной стороны, и духовными поисками – с другой. Думается, что даже нищета девочки Кати имеет у Тургенева метафорический смысл и не столько служит характеристикой её социального положения, сколько направляет к христианскому странничеству как духовному исканию главной героини.

Дополнительную насыщенность повествованию придают такие образы, как *ореховая палка*, *сумка*, *венок*, которые тоже тесно связаны с мотивом духовного странничества. *Ореховая палка* отсылает, с одной стороны, к восточнославянской традиции, в которой *лещина* (*орех*) – оберег и указатель верного пути в жизни², с другой – к христианскому посоху, обязательному атрибуту паломника, символизирующему стремление к священному; тогда как посох из *орешника* в мифах, фольклоре, религиозных сказаниях – это символ личной власти, пророчества, увещания, утешения, излечения ран³. *Сумка* (*котомка*) в хри-

стианстве ассоциируется с сумой и предполагает сохранение деяний личности в ожидании дня Страшного суда⁴. Наконец, *венок* – традиционный жертвенный атрибут. Начиная с античных времён, возлагать *венок* на голову означает возводить человека в новое достоинство или звание. В христианстве венок символизирует победу над тьмой и грехом: «А теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный судия, в день оный; и не только мне, но и всем возлюбившим явление Его» (2 Тим 4: 8).

Таким образом, *венок* из *васильков* в тургеневском тексте – это, прежде всего, знак мечты Елены Стаховой воплотить в земной жизни «небесное» («священное»), возложить на себя «новое» звание – нравственную ответственность за всех «нищих, голодных, больных» в России. Неудивительно, что Елену так восхищает патриотизм Инсарова: «Освободить свою родину! – промолвила она. – Эти слова даже выговорить страшно, так они велики»⁵.

Христианский контекст в романе и позиция автора

Немаловажно, однако, что в своём романе Тургенев не проясняет судьбы Елены после смерти Инсарова. Возможно, она становится «пастырем», продолжателем «дела» мужа («... даму эту видели потом в Герцеговине при войске, которое тогда собиралось; описывали даже её наряд, чёрный с головы до ног»⁶). Но, возможно, Елена идёт «в сёстры милосердия» и ходит «за больными, ранеными», тем самым осуществляя своё «исцеляющее» назначение. Следовательно, нельзя исключать, что в романе Тургенева *васильки* обращают и к древнегреческой легенде, и к древнеримским мифам, прежде всего, мифу о васильке-пастыре. Очевидно одно: насыщенные различными мифологическими смыслами,

¹ Тургенев И. С. Накануне // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 6. М.: Наука, 1981. С. 183.

² См.: Агапкина Т. А. Деревья в славянской народной традиции: очерки. М.: ИНДРИК, 2019. С. 130.

³ Посох (символ) [Электронный ресурс] // Универсальная энциклопедия Кирилла и Мефодия. URL: [https://megabook.ru/article/Посох%20\(символ\)](https://megabook.ru/article/Посох%20(символ)) (дата обращения: 10.09.2023).

⁴ Котомка // Словарь символов: [сайт]. URL: <https://www.onlineslovari.ru/dic-symbol/k/kotomka.html> (дата обращения: 10.09.2023).

⁵ Тургенев И. С. Накануне // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 6. М.: Наука, 1981. С. 201.

⁶ Там же. С. 298.

васильки вносят в «Накануне» мифологический подтекст.

Индивидуальность Тургенева сказывается в том, в его произведениях флористические образы, как правило, продуцируют несколько значений и потому их ассоциативно-содержательное наполнение часто носит синтезирующий характер и объединяет различные контексты – мифологический, фольклорный, религиозный, эмблематический и др. Полагаем, что символика *василька* как «чистого образа тихой радости и твёрдой веры» и его «лазоревый» цвет, «цвет небесной тверди пастырского одеяния» как знак особой миссии цветка быть пастырями среди тучных колосьев, не клонить головы, подобно колосьям, не думать о хлебе насущном, а «свободно расти, весело цвести и смотреть с тихой радостью и твёрдой верой вверх, на вечно синее небо, на Божью обитель», т. е. быть служителем неба, посланным на землю «проповедовать людям веру, а богам – верность» [8, с. 269–270], позволяет обнаружить в «Накануне» ещё один интерпретационный контекст – христианский.

Заметим, что некоторые учёные рассматривают легенду о кентавре (центавре) Хироне, исцелённом с помощью *васильков* своим учеником Ахиллесом от раны, нанесённой стрелой, смоченной смертельной желчью лернейской Гидры, и миф о *васильке*-пастыре как предтече христианских притч и христианской символики. Так, в греческой мифологии Гидра, огромная ядовитая водная змея, нередко предстаёт гигантским слизнем, а в христианской символике слизи, согласно Л. Г. Бязрову, ассоциируются с дьяволом, защитой от которого является *василёк*, связанный «с девой Марией и Христом» [5]. В свою очередь, древнеримскую легенду о *васильке*-пастыре, по мнению Н. Б. Черепановой, вполне можно трактовать как один из мифологических прототипов евангельской притчи о полевых цветах, а *васильки* – как аналог евангельских *лилий* [23, с. 283].

Напомним, что *лилии* достаточно часто упоминаются в библейских и евангельских текстах. В книге Песни Песней *лилия* – «ли-

лия долин» («Что лилия между тернами...» (Песн. 2: 1) символизирует незабываемость взаимной любви (в христианском толковании – любви божественного жениха – Христа и невесты – соборной Церкви). В евангельской притче о *полевых лилиях* призыв «быть как лилии» означает уметь естественно и самоотверженно любить: «Итак, если и малейшего сделать не можете, что заботитесь о прочем? Посмотрите на лилии, как они растут: не трудятся, не прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них ... Не оденет ли Он и вас?» (Мф. 6: 26–27).

В «Накануне», помимо *васильков*, ассоциацию с евангельскими «полевыми лилиями» вызывает *ландыш*. В сцене поездки в Царицыно Елена спрашивает у Инсарова, как «на его языке называются ландыш, клён, дуб, липа»¹. Почему героиню интересует, в частности, слово *ландыш* по-болгарски: нравится ли ей этот красивый цветок, или Елену привлекает его нежный запах, – остаётся неясным. Вместе с тем *ландыш*, наравне с другими маркированными в тексте растительными образами, указывает на близость героини к природе, определяет её естественный характер. Столь же несомненно другое: все перечисленные растительные образы вносят в роман мифологический подтекст. *Дуб* у древних славян считался деревом Перуна², бога грома и молний, и в «Накануне» *гроза*, *молния* являются косвенной причиной рокового свидания Елены и Инсарова у часовни, последствия которого – болезнь и смерть болгарского патриота. *Клён* у разных народов – символ высокого звания³, и в тургеневском тексте он намекает на внутренние силы центральных персонажей. Наконец, *липа* в древнегреческой мифологии символизирует супружескую любовь⁴,

¹ Тургенев И. С. Накануне // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 6. М.: Наука, 1981. С. 215.

² См.: Агапкина Т. А. Деревья в славянской народной традиции: очерки. М.: ИНДРИК, 2019. С. 41.

³ Там же. С. 166–169.

⁴ См.: Шарафадина К. И. Дискурс «цветочного наречия» в культурно-бытовой практике и поэзии

и тургеневские Елена и Инсаров, став супругами, пытаются соединить долг, служение и любовь. Наиболее значим, на наш взгляд, культурный код *ландыша*.

В Болгарии *ландыш* называют «момина сълза»¹, т. е. «девичья слеза», и в тургеневском тексте упоминание о данном цветке – своего рода предвестие слёз, страданий, горя Елены Стаховой. Впрочем, в романе *ландыш* получает не только коннотацию слёз, он имеет ещё одно значение. Как известно², латинским (и английским) названием *ландыша* является «*лилия долин*» (lily of the valley) и означает «цветок смиренных». Помимо именованного *ландыша*, сами цветы вызывают ассоциацию с евангельскими «полевыми лилиями», которые символизируют смиренную любящую душу, сотворённую Богом и подчинённую Его воле, не знающей противоборства враждебных друг другу сил – добра и зла. Нил Синайский, поясняя символику евангельских *лилий*, пишет: «О совершенной душе сказано, что она, как лилия между тернами, а сие означает душу, которая среди заботящихся о многом живёт без попечений»³. *Полевые лилии*, которые не трудятся, не прядут, не знают суеты и беспокойства, не ведают временных забот и неизменно пребывают на том месте, которое им предназначено свыше, учат смирению и радости. В Нагорной проповеди *полевые лилии* – символ безоговорочного доверия к Богу. Примечательно, что одетые краше, чем Соломон во славе своей, *полевые лилии* названы в евангельской притче «полевой травой», которая засохнет через короткое время и будет брошена в огонь. В притче утверждается бренность и ничтожность полевой травы, тленность блеска её красо-

ты, но одновременно – вечность, которая обретается через смерть. Недаром изречение о *лилиях* и *птицах* (Мф. б: 33) завершается указанием на грядущее Царствие Божие.

Главную героиню «Накануне» едва ли можно назвать «полевой лилией», смиренно и радостно относящейся к миру. Хотя Елена Стахова чрезвычайно далека от стремления к материальному благополучию и её душа обращена к Небу, в то же время героиня горда и самолюбива, лишена истинной веры и потому всё окружающее воспринимает «бессмысленным и непонятным»⁴. Несмотря на то, что после смерти Кати Елена обретает главную ценность жизни – «деятельность, деятельное добро», основной особенностью её внутреннего мира оказывается «тоска взволнованной души»⁵. Жажда самопожертвования, сострадательная любовь («нищие, голодные, больные её занимали, тревожили, мучили»⁶), милосердие («милостыню она подавала заботливо, с невольной важностью, почти с волнением»⁷) сочетаются в Елене с нетерпимостью, прямолинейностью («Слабость возмущала её, глупость сердила, ложь она не прощала “во веки веков”»⁸), чрезмерной строгостью к людям («Стоило человеку потерять её уважение, – а суд произносила она скоро ... и уж он переставал существовать для неё»⁹) и страстным поиском личного счастья. Недаром желание героини уподобиться *птицам* и полететь «далеко, далеко» имеет в тексте отрицательную коннотацию («Отчего я с завистью гляжу на пролетающих птиц? Кажется, полетела бы с ними, полетела – куда, не знаю, только далеко, далеко отсюда. И не грешно ли это желание?...»¹⁰), а путь Елены Стаховой в мире отличает дуалистическая направленность: от *томления*

викторианской эпохи // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 311. С. 50–54.

¹ Томасик П., Горяев С. О. Ойкодомонимы болгарского города Руссе // Вопросы ономастики. 2021. Т. 18. № 1. С. 151.

² Дмитриев Ю. Д. Необыкновенное путешествие в обыкновенный лес. М.: Русский язык, 1991. 211 с.

³ Нил Синайский. О восьми лукавых духах // Нил Синайский. Творения. М.: Издательство Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2000. С. 121–132.

⁴ Тургенев И. С. Накануне // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 6. М.: Наука, 1981. С. 184.

⁵ Там же. С. 183–184.

⁶ Там же. С. 183.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 182.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 224.

к полёту – к небу – до падения – бездны («Я приведена на край бездны и должна упасть»¹).

Глубоко символично, что у Тургенева образ венка из васильков возникает на пересечении таких концептов, как «жизнь» («жить на всей божьей воле»²) – «смерть» («найду ... смерть»³). Острое столкновение противоположных начал в структуре личности Елены Стаховой, мечтающей скитаться в венке из васильков во благо «ближнего» – «нищих, голодных, больных», – но покидающей родину ради личного счастья, передано в тексте посредством запаха *созревающих нив*, где «воздух был душен и душист» (выделено нами. – А. Б.)⁴. «Душный» и «душистый» запах обретает в тексте переносный смысл и выступает метафорой противоречивости личности героини [2].

Конечно, готовность Елены пойти за Инсаровым «на край земли», посвятить себя «делу трудному», подвергнуться «не одним опасностям, но и лишениям, унижению», не противоречит жертвенной этике (православной этике, в частности). Однако в Елене, так же, как и в Инсарове, отсутствует «самопротивление» своему человеческому естеству и его страстям. Оба героя склонны к жертве во имя идеала, но только в соответствии со своими индивидуальными представлениями о жертве и долге, т. е. без отречения от собственного «я», а через личное определение собственного участия в преобразовании мира. Елена Стахова не только не знает покорности, но и постоянно притязает на «невозможное». Она то хочет скитаться с венком из васильков с нищей девочкой Катей, то стать птицей и улететь далеко-далеко, то мечтает о жертвенном служении, не отделяя его от любви и эгоистического счастья, которое, согласно автору, всегда «основано на несчастье другого» и «выгода и удобство» которого требуют, как «статуя – пьедестала, невыго-

ды и неудобства других»⁵. В личности тургеневской героини удивительным образом сочетаются созидательная и разрушительная стихии.

Симптоматично, что даже когда Елена Стахова просит помощи у Бога, то умудряется поставить под сомнение Его существование: «... зачем смерть, зачем разлука, болезнь и слёзы? или зачем эта красота, это сладостное чувство надежды ... Ужели мы одни... одни... а там, повсюду, во всех этих недосыгаемых безднах и глубинах, – всё, всё нам чуждо?»⁶ Ни гармония природы, ни «сладостное чувство» «бессмертного покровительства» не смягчают сердца героини («...окаменелая ... молиться не могла»⁷). Правда, она не дерзает «вопросать Бога, зачем не пощадил, не пожалел, не сберёт, зачем наказал»⁸. После смерти Инсарова, в момент запоздалого прозрения вины Елена всё же приходит к пониманию иллюзорности земного счастья: «Я искала счастье – и найду, быть может, смерть... Видно, так следовало; видно, была вина...»⁹. То, что желание героини остаться верной памяти мужа, «делу всей его жизни», носит жертвенный характер, не противоречит этической позиции Тургенева. Неожиданным у писателя является то, что Елена Стахова после смерти Инсарова, подобно евангельским «полевым цветам», полностью предаётся воле Бога, и самозабвение героини приобретает в тургеневском тексте христианский смысл.

Таким образом, сложные ассоциации, связанные с венком из васильков и ландышей, помогают выявить евангельский контекст и потаённый смысл романа Тургенева. В «Накануне» евангельский код, помимо вертикали *земля / небо*, реализуется через систему таких мотивов, как духовное странничество, духовное испытание, духовное преображение, духовный подвиг – отказ главной героини от земных благ.

Между тем при том, что уходящая в подтекст «Накануне» евангельская мак-

¹ Тургенев И. С. Накануне // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 6. М.: Наука, 1981. С. 298.

² Там же. С. 183.

³ Там же. С. 298.

⁴ Там же. С. 223.

⁵ Там же. С. 215.

⁶ Там же. С. 290.

⁷ Там же. С. 297.

⁸ Там же. С. 297.

⁹ Там же. С. 291.

сима самопротivления, собирания сокровищ не на земле, а на небе коррелируется с идеологическими установками Тургенева о необходимости самоотречения, примате «любви-жертвы» над «любовью-наслаждением», проблему счастья и нравственного императива писатель решает с секулярных позиций. Недаром в истории жизни главной героини романа акцент сделан автором на хрупкости и быстротечности существования человека в мире («маленькая игра жизни ... её лёгкое брожение»¹), а «след Елены» исчезает «навсегда и безвозвратно»². Напротив, в евангельской притче полевые цветы являют собою исполненное смысла и жизни существование, и размышления о «полевых лилиях» и «птицах небесных» завершаются в притче указанием на грядущее Царствие Божие, черты которого можно обнаружить в окружающей природе. Вместе с тем, хотя Тургенев разделяет, например, философские мысли А. Шопенгауэра о господстве в мире иррациональной, слепой «воли», иллюзорности, обманчивости личностных представлений о свободе и счастье, в романе присутствует идея «*божьей воли*» и жизни «на всей *божьей воле*». Несмотря на то, что само уподобление Еленой Стаховой себя *птице* и сопутствующие ей полевые цветы – *васильки, ландыши* – вскрывают трагическую сущность образа героини, которая так и не открывает для себя Божию мудрость и Божию силу в материальном мире, но избранный ею после смерти Инсарова путь знаменует собою новый этап жизни – жизни без попечений. Соответственно, в сюжете тургеневской героини имплицитно присутствует выраженная в евангельской притче о *полевых лилиях* вечная духовная истина о смирении человека, жизнь и смерть которого зависят от Бога.

Отсюда следует вывод, что сам Тургенев идёт навстречу христианству, поскольку разделяет его ключевую мысль о «земном наслаждении», которое «кратно и

непостоянно, а небесное – надёжно и вечно»³. Неудивительно, что в предшествующем «Накануне» романе писателя – «Дворянское гнездо» – уже присутствует образ «лилии долины», а в следующем – «Отцы и дети» – в завершающем авторском слове содержится признание того, что гармония, открывающаяся в природе, и молитвы двух дряхлых старичков, обращённые к Богу, направляют к Высшему миру, вечности. «Говорят» о «вечном примирении и о жизни бесконечной» у Тургенева *цветы*, которые растут на могиле героя-нигилиста и безмятежно глядят «своими невинными глазами». В могиле с *цветами* скрывается «страстное, грешное, бунтующее сердце»⁴ Базарова, который, пусть сам и не приходит к Богу, но Бог принимает его, а автор в сфере своего творческого духа находит «взволнованные и жаркие слова о бессмертии, утверждающие таинственную жизнь за роковой гранью могилы» [19, с. 82–105].

Заключение

Итак, в романе «Накануне» полевые цветы – *васильки, ландыши* – актуализируют в индивидуально-авторской картине мира известные в мировой культуре значения. В тургеневском тексте *васильки* и *ландыши*, внося разные культурные пласты, расширяют свою семантику за счёт ассоциации с евангельскими полевыми цветами. Помимо эстетической функции (эстетическое воздействие на читателя), данные цветообразы выполняют символическую функцию, которая возникает в результате высокой степени обобщения актуализированных в тексте традиционных и коннотативных смыслов. Играя концептуальную роль в романе, *венки* из *васильков* и *ландыши* становятся одним из способов характеристики главной героини (харак-

¹ Тургенев И. С. Накануне // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 6. М.: Наука, 1981. С. 299.

² Там же. С. 299.

³ Грешников спасение. Составлена общедоступной речью Агапием, иноком Критском, подвизавшемся на Святой Горе Афон (1641 год). Единец: Единецко-Бричанская Епархия, 2003. С. 291.

⁴ Тургенев И. С. Отцы и дети // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 6. М.: Наука, 1981. С. 188.

терологическая функция), средством проникновения в тайны человеческой психологии (психологическая) и способствуют развитию сюжета (сюжетно-композиционная) и, что самое главное, содействуют выражению авторской идеи о примирении (смирении) человека с непостижимым для него высшим законом бытия.

Статья поступила в редакцию 25.09.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барицкий Д. С. Метафизические основания мотива тоски в «таинственных повестях» И. С. Тургенева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Мытищи, 2021. 30 с.
2. Бельская А. А. Смысловая нагрузка запаха в контексте образа главной героини романа И. С. Тургенева «Накануне» // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 1 (70). С. 66–73.
3. Беляева И. А. Система жанров в творчестве И. С. Тургенева. М.: Московский городской педагогический университет, 2005. 250 с.
4. Белякова Е. Н. Христианская идея в художественном мире И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кострома, 2000. 18 с.
5. Бязров Л. Г. Растения-символы [Электронный ресурс] // Биология. 2010. № 3 (898). URL: https://bio.1sept.ru/view_article.php?ID=201000301 (дата обращения: 10.09.2023).
6. Дмитриева Н. Л. Роза у Пушкина и Тургенева // Русская литература. 2000. № 3. С. 101–105.
7. Доманский В. А., Кафанова О. Б., Шарафадина К. И. Литература в синтезе искусств: в 3 т. Т. 1: Сад и город как текст. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2010. 362 с.
8. Золотницкий Н. Ф. Цветы в легендах и преданиях. М.: Т-Око, 1992. 361 с.
9. Илюточкина Н. В. Мифопоэтический образ клада в романе И. С. Тургенева «Накануне» // Спасский вестник. Вып. 21. Тула: Гриф и К, 2013. С. 148–158.
10. Касаткина Т. А. Авторская позиция в произведениях Достоевского // Вопросы литературы. 2008. № 1. С. 196–227.
11. Козубовская Г. П. «Семантическая поэтика» И. С. Тургенева: пушкинско-фетовский код романа «Рудин» // Во власти культуры и текста: сборник научных трудов к юбилею доктора филологических наук, профессора Галины Петровны Козубовской. Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2021. С. 67–80.
12. Колосова В. Б. Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. М.: ИНДРИК, 2009. 344 с.
13. Коньшев Е. М. Христианские мотивы в творчестве И. С. Тургенева // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 1. С. 175–186.
14. Кулешова С. В. Христианский подтекст романа И. С. Тургенева «Накануне» [Электронный ресурс] // Филология и литературоведение. 2013. № 11. URL: <http://philology.snauka.ru/2013/11/601> (дата обращения: 10.09.2023).
15. Лаврова С. А. Царство Флоры. Цветы и деревья в легендах и мифах. М.: Белый город, 2010. 352 с.
16. Луцьян У. Семантическое поле «цветок» в языке русской художественной прозы второй половины XIX века (на материале произведений И. А. Гончарова, И. С. Тургенева, А. П. Чехова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 24 с.
17. Михайличенко Г. А. Мифопоэтический подтекст романа Тургенева «Накануне» // Филология и человек. 2008. № 2. С. 97–103.
18. Новикова-Строганова А. А. Христианский мир И. С. Тургенева. Рязань: Зёрна-Слово, 2015. 336 с.
19. Орловский С. О религиозных исканиях Тургенева // Русская мысль. 1911. № 9. С. 82–105.
20. Полтавец Е. Ю. Цветочки Лизы Калитиной: итальянский и французский контекст // Тургеневские чтения: сборник статей. Вып. 5 / сост. Е. Г. Петраш. М.: Русский путь, 2011. С. 350–367.
21. Проданик Н. В. Семиотический код флоры, его функция, принципы и поэтика в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети» // Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2021. № 2. С. 53–59.
22. Трофимова Т. Б. «Как хороши, как свежи были розы...»: Образ розы в творчестве Тургенева // Русская литература. 2007. № 4. С. 127–138.

23. Черепанова Н. Б. Христианская символика цветов в лирике В. В. Гофмана // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сборник научных трудов. Вып. 7. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 2012. С. 276–286.
24. Шарафадина К. И. Текстовый семиозис этнофитонимики и проблема её культурной адаптации при переводе (на материале произведений И. С. Тургенева) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2018. № 18. С. 5–23.
25. Шарафадина К. И. Флористическая «загадка» А. Н. Островского, либо этноботаническая интерпретация «венка весны для Снегурочки» // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2010. Т. VI. № 1. С. 164–188.

REFERENCES

1. Baritsky D. S. *Metafizicheskie osnovaniya motiva toski v «tainstvennyh povestiyah» I. S. Turgeneva: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Metaphysical Foundations of the Melancholy Motif in the “Mysterious Tales” of I. S. Turgenev: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Mytishchi, 2021. 30 p.
2. Belskaya A. A. [The Semantic Load of Odor in the Context of the Main Character of Turgenev’s Novel “On the Eve”]. In: *Uchyonye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki* [Scientific Notes of Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences], 2016, no. 1 (70), pp. 66–73.
3. Belyaeva I. A. *Sistema zhanrov v tvorchestve I. S. Turgeneva* [System of Genres in the Works of I. S. Turgenev]. Moscow, Moscow City Pedagogical University Publ., 2005. 250 p.
4. Belyakova E. N. *Hristianskaya ideya v hudozhestvennom mire I. S. Turgeneva i F. M. Dostoevskogo: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Christian Idea in the Artistic World of I. S. Turgenev and F. M. Dostoevsky: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Kostroma, 2000. 18 p.
5. Byazrov L. G. [Plants–Symbols]. In: *Biologiya* [Biology], 2010, no. 3 (898). Available at: https://bio.1sept.ru/view_article.php?ID=201000301 (accessed: 10.09.2023).
6. Dmitrieva N. L. [Rose in Pushkin and Turgenev]. In: *Russkaya literatura* [Russian Literature], 2000, no. 3, pp. 101–105.
7. Domansky V. A., Kafanova O. B., Sharafadina K. I. *Literatura v sinteze iskusstv. T. 1: Sad i gorod kak tekst* [Literature in the Synthesis of Arts. Vol. 1: Garden and City as a Text]. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design Publ., 2010. 362 p.
8. Zolotnitsky N. F. *Cvety v legendah i predaniyah* [Flowers in Legends and Traditions]. Moscow, T-OkO Publ., 1992. 361 p.
9. Ilyutochkina N. V. [Mythopoetic Image of a Treasure in I. S. Turgenev’s Novel “On the Eve”]. In: *Spasskij vestnik. Vyp. 21* [Spassky Bulletin. Vol. 21]. Tula, Grif i K Publ., 2013, pp. 148–158.
10. Kasatkina T. A. [Author’s Position in the Works of Dostoevsky]. In: *Voprosy literatury* [Questions of Literature], 2008, no. 1, pp. 196–227.
11. Kozubovskaya G. P. [Semantic poetics of I. S. Turgenev (Novel “Rudin”)]. In: *Vo vlasti kul'tury i teksta: sbornik nauchnykh trudov k yubileyu doktora filologicheskikh nauk, professora Galiny Petrovny Kozubovskoy* [In the Power of Culture and Text: A Collection of Scientific Works for the Anniversary of Doctor of Philology, Professor Galina Petrovna Kozubovskaya]. Barnaul, Altai State Pedagogical University Publ., 2021, pp. 67–80.
12. Kolosova V. B. *Leksika i simbolika slavyanskoj narodnoj botaniki. Etnolingvisticheskij aspekt* [Vocabulary and Symbolism of Slavic Folk Botany. Ethnolinguistic Aspect]. Moscow, INDRIK Publ., 2009. 344 p.
13. Konishev E. M. [Christian Motives in Turgenev’s Creative Work]. In: *Uchyonye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki* [Scientific Notes of the Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences], 2008, no. 1, pp. 175–186.
14. Kuleshova S. V. [The Religious Christian Overtones of the Novel “On the Eve of” by Ivan Turgenev]. In: *Filologiya i literaturovedenie* [Philology and Literature], 2013, no. 11. Available at: <http://philology.snauka.ru/2013/11/601> (accessed: 10.09.2023).
15. Lavrova S. A. *Carstvo Flory. Cvety i derev'ya v legendah i mifah* [Kingdom of Flora. Flowers and Trees in Legends and Myths]. Moscow, Belyj gorod Publ., 2010. 352 p.
16. Lucyan U. *Semanticheskoe pole “cvetok” v yazyke russkoj hudozhestvennoj prozy vtoroj poloviny XIX veka (na materiale proizvedenij I. A. Goncharova, I. S. Turgeneva, A. P. Chekhova): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Semantic Field “Flower” in the Language of Russian Artistic Prose of the Second Half of

- the 19th century (Based on the Works of I. A. Goncharov, I. S. Turgenev, A. P. Chekhov): Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2015. 24 p.
17. Mihaylichenko G. A. [Mythopoetic Subtext of Turgenev's Novel "On the Eve"]. In: *Filologiya i chelovek* [Philology and Man], 2008, no. 2, pp. 97–103.
 18. Novikova-Stroganova A. A. *Hristianskij mir I. S. Turgeneva* [Christian World of I. S. Turgenev]. Ryazan, Zyor-na-Slovo Publ., 2015. 336 p.
 19. Orlovsky S. [On Turgenev's Religious Quest]. In: *Russkaya mysl'* [Russian Thought], 1911, no. 9, pp. 82–105.
 20. Poltavets E. Yu. [Liza Kalitina's Flowers: Italian and French Context]. In: *Turgenevskie chteniya. Vyp. 5* [Turgenev Readings. Vol. 5]. Moscow, Russkij put' Publ., 2011, pp. 350–367.
 21. Prodanik N. V. [Semiotic Code of Flora, Its Function, Principles and Poetics in the novel "Fathers and Sons" by I. S. Turgenev]. In: *Filologicheskij vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Philological Bulletin of the Surgut State Pedagogical University], 2021, no. 2, pp. 53–59.
 22. Trofimova T. B. ["How Beautiful, How Fresh the Roses were...": The Image of a Rose in the Work of Turgenev]. In: *Russkaya literatura* [Russian Literature], 2007, no. 4, pp. 127–138.
 23. Cherepanova N. B. [Text Semiosis of Ethnophytomy and the Problem of Its Cultural Adaptation in Translation (A Case Study of I. S. Turgenev's Works)]. In: *Evangel'skij tekst v russkoj literature XVIII–XX vekov: citata, reminiscenciya, motiv, syuzhet, zhanr: sbornik nauchnyh trudov. Vyp. 7* [Gospel Text in Russian Literature of the 18th–20th centuries: Quotation, Reminiscence, Motive, Plot, Genre: Collection of Scientific Works. Vol. 7]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2012, pp. 276–286.
 24. Sharafadina K. I. [Text Semiosis of Ethnophytomy and the Problem of Its Cultural Adaptation in Translation (Based on the Works of I. S. Turgenev)]. In: *Tekst. Kniga. Knigoizdanie* [Text. Book. Book Publishing], 2018, no. 18, pp. 5–23.
 25. Sharafadina K. I. [Floristic "Riddle" of A. N. Ostrovsky, or Ethnobotanical Interpretation of the "Spring Wreath for the Snow Maiden"]. In: *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovatel'skikh rabot* [Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research], 2010, vol. 6, no. 1, pp. 164–188.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бельская Алла Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы XI–XIX вв. Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева;
e-mail: aa_bel@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alla A. Belskaya – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Department of History of Russian Literature of the 11th–19th centuries, Orel State University named after I. S. Turgenev;
e-mail: aa_bel@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Бельская А. А. Роман И. С. Тургенева «Накануне» и евангельская притча о полевых цветах // Отечественная филология. 2023. № 5. С. 8–18.
DOI: 10.18384/2949-5008-2023-5-8-18

FOR CITATION

Belskaya A. A. I. S. Turgenev's Novel "On the Eve" and Gospel Parable about Wildflowers. In: *Russian Studies in Philology*, 2023, no. 5, pp. 8–18.
DOI: 10.18384/2949-5008-2023-5-8-18

УДК 81.114

DOI: 10.18384/2949-5008-2023-5-19-24

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ НЕОБДУМАННОСТИ ДЕЙСТВИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И. С. ТУРГЕНЕВА

Волкова Е. П.*Независимый исследователь,**Московская обл., г. Лобня, Российская Федерация***Аннотация**

Цель. Исследовать лексические средства выражения модального значения необдуманности действия в произведениях И. С. Тургенева.

Процедура и методы. Проведён структурно-семантический анализ конструкций, извлечённых методом сплошной выборки из произведений И. С. Тургенева, а также использован метод обобщения.

Результаты. По итогам исследования выделены модальные глаголы, семантический тип, выявлены особенности структуры предложений с семантикой необдуманности действия и средства усиления данного значения в языке Тургенева.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость исследования определяется вкладом в методику лингвистического анализа текста. Материалы статьи могут быть использованы в практике преподавания современного русского языка.

Ключевые слова: контекст, модальные глаголы, необдуманность действия, отрицательная оценка, субъект и объект, субъектный инфинитив

LEXICAL MEANS OF EXPRESSION OF THE MODAL MEANING OF THOUGHTLESSNESS OF ACTION IN THE WORKS OF I. TURGENEV

E. Volkova*An Independent researcher, Lobnya, Moscow Region, Russian Federation***Abstract**

Aim. To investigate the lexical means of expressing the modal meaning of thoughtlessness of action in the works of I. Turgenev.

Methodology. The structural-semantic analysis of the structures extracted by the method of continuous sampling from the works of I. Turgenev is carried out along with the method of generalization.

Results. The result of the study was the identification of modal verbs, semantic type, the identification of features of the sentences structure with the semantics of thoughtlessness and the means of strengthening this meaning in the language of Turgenev.

Research implications. The theoretical significance of the article is determined by the contribution to the methodology of linguistic analysis of the text. The materials of the article can be used in the practice of teaching modern Russian.

Keywords: context, modal verbs, thoughtlessness of action, negative evaluation, subject and object, subject infinitive

Введение

Модальность – «это душа предложения» [1, с. 42]; этой категории посвящено огромное количество исследований. Однако интерес к ней не утихает.

Семантика необдуманности показывает отношение к нецеленаправленному действию, иногда приводящему к нежелательному или печальному результату [3].

В выражении модальности первостепенную роль играют модальные глаголы, которые содержат «самые различные оттенки суждения, чувства или воли» [1, с. 44].

В контекстах, извлечённых методом сплошной выборки из произведений И. С. Тургенева, проводится структурно-семантический анализ, выделяются модальные глаголы, тип необдуманного действия, выявляются средства усиления данного значения.

Необдуманность действия в данной ситуации

Поведение или действие субъекта может казаться необдуманным или быть таковым при определённых обстоятельствах.

Рассмотрим примеры:

имплицитно-эксплицитный субъект действия + модальный глагол + субъектный инфинитив + винительный прямого объекта

*Пользовался отличным здоровьем до пятидесятилетнего возраста, да вдруг **вздумал лечить** себе глаза, вследствие чего и **окривел**¹.*

В данной конструкции субъект определяется по широкому контексту.

Модальный глагол *вздумать* имеет значение: «(разг.) неожиданно осуществить намерение или решить что-либо сделать»².

Приставка *вз-* – продуктивная словообразовательная единица, которая образует глаголы совершенного вида со зна-

чением: «резко, внезапно или интенсивно совершить (иногда начать совершать) действие, названное мотивирующим словом», например: *взвизгнуть, взвить* и т. п.³.

Лексема *вдруг* подтверждает внезапность действия⁴, совершённого в один приём [11, с. 253].

Субъектный инфинитив *лечить* и объект, указывающий на орган зрительной системы человека, не содержат негативной коннотации. Однако последствия такого необдуманного действия очень печальны: *вследствие чего и окривел*.

Имплицитно-эксплицитный субъект поведения + субъектный инфинитив + модальный глагол

*Надысь ко мне полицейский капрал какой-то наехал: «Я, мол, до вас, ваше благородие... (вишь, чем **удивить вздумал!**.. я и сам знаю, что рождён благо...) имею до вас дело»⁵.*

*Как нарочно, о ту пору в гостиной Анны Васильевны сидела гостья, соседка протопища, очень хорошая и почтенная женщина, но имевшая маленькую неприятность с полицией за то, что **вздумала** в самый припёк жара **выкупаться** в пруду, близ дороги, по которой часто проезжало какое-то важное генеральское семейство⁶.*

В данных примерах субъект также представлен в широком контексте.

В первом контексте это лицо необдуманно ведёт себя по отношению к рассказчику.

«Невопросительное» слово *чем* = *зачем* = *незачем* используется для эмоционально-экспрессивного утверждения нецелесообразности выполнения действия [9, с. 13; 10, с. 127]. Модальная частица *вишь* употребляется для того, чтобы обратить

¹ Тургенев И. С. Гамлет Щигровского уезда // Тургенев И. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. М.: Правда, 1968. С. 255.

² Вздумать // Ширшов И. А. Толковый словообразовательный словарь русского языка. М.: АСТ: Астрель: Русские словари: Ермак, 2004. С. 297.

³ Вз- // Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М.: АСТ: Астрель, 2005. С. 97–98.

⁴ Вдруг // Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Иллюстрированный толковый словарь современного русского языка. М.: Эксмо, 2007. С. 57.

⁵ Тургенев И. С. Старые портреты // Тургенев И. С. Собрание сочинений: повести и рассказы. М.: Правда, 1949. С. 255.

⁶ Тургенев И. С. Накануне // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: Накануне. Гамлет и Дон-Кихот. Отцы и дети. М.: Академия наук СССР, 1964. С. 87.

внимание собеседника [2, с. 574] и подчеркнуть выражение удивления.

Бесполезность действия выражена лексемами *я и сам знаю*.

Во втором контексте субъектом является лицо, которое неудачно выбрало место и время действия, т. к. это было *близ дороги, по которой часто проезжало важное генеральское семейство*. Такое поведение субъекта привело к нежелательным последствиям: женщина имела *маленькую неприятность с полицией*.

Имплицитно-эксплицитный субъект речи + модальный глагол + субъектный инфинитив

– ... *какой там дурак вздумал ночью разговаривать?*¹

В представленном нами примере субъект не указан, а только дана его негативная характеристика, выраженная словом *дурак* – ‘(разг.) глупый человек’². Неуместность действия выражена лексемой *ночью*.

К местоименной частице *какой* присоединяется усиливающий элемент *там* [12; с. 99]. Фразеосинтаксическое сочетание *какой там* выражает несогласие в сочетании с возмущением³.

Именительный субъекта действия + модальный глагол + частица *было* + субъектный инфинитив + винительный прямого объекта

*Иные помещики вздумали было покупать сами косы на наличные деньги и раздавать в долг мужикам по той же цене; но мужики оказались недовольными и даже впали в уныние; их лишили удовольствия щёлкать по косе, прислушиваться, перевёртывать её в руках и раз двадцать спросить у плутоватого мещанина-продавца: «А что, малый, коса-то не больно того?»*⁴

В данном контексте субъект, в роли которого выступает коллективное лицо, начал осуществлять необдуманное действие, но оно продолжалось недолго, на это указывает частица *было* со значением ‘незавершённости действия’⁵.

Объектом является предмет, на который распространяется необдуманное действие субъекта.

Нежелательное состояние участников ситуации выражено словом *недовольные*, в котором приставка *не-* меняет значение лексемы на противоположное; на лексическом уровне при помощи слова *уныние* – ‘безнадёжная печаль, гнетущая скука’⁶. Эта лексема передаёт эмоциональное состояние [5, с. 11; 4, с. 32]. Объяснение такого состояния представлено словосочетанием *лишали удовольствия*.

Именительный субъекта поведения + модальный глагол + субъектный инфинитив + винительный объекта поведения (дательный объекта поведения)

*Я раз было вздумал заступиться за невесток, попытаться возбудить сострадание Хоря; но он спокойно возразил мне, что «охота-де вам такими... пустяками заниматься, – пускай бабы ссорятся...»*⁷.

*Свидания наши стали особенно часты после удаления мадмуазель Фрикэ, которую бабушка отправила обратно в Москву в наказание за то, что она вздумала пожаловаться заезжему армейскому штабс-капитану на скуку, господствовавшую в нашем доме*⁸.

В первом примере автор высказывания, который является субъектом, начал вести себя подобным образом по отношению к объекту, представленному коллективным лицом, недостаточно хорошо зная характер другого участника ситуации. Такое

¹ Тургенев И. С. Гамлет Шигровского уезда // Тургенев И. С. Записки охотника. М.: Наука, 1991. С. 359.

² Дурак // Ширшов И. А. Толковый словообразовательный словарь русского языка. М.: АСТ: Астрель: Русские словари: Ермак, 2004. С. 298.

³ Какой там // Меликян В. Ю. Словарь экспрессивных устойчивых фраз русского языка. Фразеосхемы и устойчивые модели. М.: Флинта: Наука, 2017. С. 73.

⁴ Тургенев И. С. Хорь и Калиныч // Тургенев И. С. Записки охотника. М.: Т8 RUGRAM, 2020. С. 18.

⁵ Было // Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы / под ред. В. В. Морковкина. М.: Астрель: АСТ, 2002. С. 39.

⁶ Уныние // Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Иллюстрированный толковый словарь современного русского языка. М.: Эксмо, 2007. С. 835.

⁷ Тургенев И. С. Хорь и Калиныч // Тургенев И. С. Записки охотника. М.: Т8 RUGRAM, 2020. С. 21.

⁸ Тургенев И. С. Пунин и Бабурин // Тургенев И. С. Рассказы. Стихотворения в прозе. Детгиз, 1958. С. 57.

поведение не дало нужного результата и было воспринято адресатом как бесполезное в данной ситуации: *спокойно возразил мне; пустяками заниматься*.

Во втором примере субъект – один из участников ситуации – совершает ошибку, когда необдуманно ведёт себя по отношению к объекту, в роли которого выступает лицо. Такое поведение приводит к печальным последствиям для субъекта: она была отправлена *обратно в Москву в наказание*.

Дательный субъекта действия + модальный глагол + субъектный инфинитив + винительный прямого объекта

... *Семёну Матвейчу вздумалось затеять бумажную фабрику*. В мануфактурном деле г. Ратч не смыслил ничего, и Семён Матвейч знал, что ничего не смыслит ...¹.

... *Правда, по уверению ... старухи, вся беда произошла оттого, что барину вздумалось заводить какие-то небывалые сыры и молочные скопы*².

В данных примерах субъект, в роли которого выступает лицо, проявляет пассивность. Дативная конструкция «полностью освобождает действующее лицо от какой бы то ни было ответственности за конечный результат» [6, с. 12]. Дательный существительного «связан с самой безличностью» [8, с. 332].

Безличный глагол *вздуматься* имеет значение: ‘сделать что-либо часто неоправданное обстоятельствами неожиданно для себя или для окружающих’³.

Приставка *вз-* и постфикс *-ся* – продуктивный формант, образующий непреходные глаголы совершенного вида со значением ‘интенсивно начать действие, которое названо мотивирующим глаголом’, например: *взахаться, всплакаться*⁴.

¹ Тургенев И. С. Несчастная // Тургенев И. С. Странная история: сборник повестей и рассказов. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. С. 106.

² Тургенев И. С. Отцы и дети. Стихотворения в прозе. М.: Юрайт, 2019. С. 112.

³ Русские глагольные предложения: Экспериментальный синтаксический словарь / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М.: Флинта: Наука, 2002. 464 с.

⁴ *Вз-* // Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М.: АСТ: Астрель, 2005. С. 98.

Субъект совершает действия, последствия которого трагичны, *беда произошла* или трудно предугадать, так как *лицо ничего не смыслит* в этом деле.

Модальный глагол *вздуматься* употребляется с субъектным инфинитивом, который имеет нейтральную оценку.

В роли объекта выступают предметы или предприятия, управление которым не знакомо субъекту.

Дательный субъекта речи + модальный глагол + творительный объекта речи + субъектный инфинитив

– *Признаюсь, ... хорошенько не понимаю, зачем это тебе вздумалось с нею объясняться?*⁵

Семантика необдуманности представлена в вопросе-удивлении (по классификации Е. В. Падучевой) [7, с. 233]. Лексемы *хорошенько не понимаю* подчёркивают нежелательность такого поведения субъекта, который является собеседником рассказчика, из-за указания на объект, в роли которого выступает лицо.

Дательный субъекта действия + модальный глагол + дательный объекта действия + субъектный инфинитив

*Только, я удивляюсь, с какого дьявола вам вздумалось ко мне с этим известием пожаловать...*⁶

Субъектом является собеседник говорящего, который, по мнению рассказчика, необдуманно ведёт себя и вызывает удивление. В роли объекта выступает рассказчик. Лексемы *с какого дьявола = зачем = для чего* (прост.) выражают неодобрение⁷. Частица *только* ‘употребляется для придания эмоциональной окраски’⁸ и усиления указанного значения.

⁵ Тургенев И. С. Дым. М.: Т8 RUGRAM, 2020. С. 221.

⁶ Тургенев И. С. Рудин // Тургенев И. С. Рудин. Ася. Дворянское гнездо. Отцы и дети. Записки охотника. Рассказы. Стихотворения в прозе. Из критического наследия. Лениздат, 1982. С. 83.

⁷ Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Иллюстрированный толковый словарь современного русского языка. М.: Эксмо, 2007. С. 165.

⁸ *Только* // Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы / под ред. В. В. Морковкина. М.: Астрель: АСТ, 2002. С. 349.

Заключение

Таким образом, проведённое исследование показало, что конструкции со значением необдуманности действия активно употребляются в произведениях И. С. Тургенева. При помощи этих конструкций передаётся действие, неуместное в данной ситуации.

Основным лексическим средством выражения данного значения являются модальные глаголы *вздумать*, *вздуматься* в сочетании с субъектным инфинитивом. Эти глаголы не выражают отрицательной оценки и оформляют указанное значение только в контексте.

В данных примерах субъектом является лицо, которое может быть не названо,

а определено из широкого контекста. Это лицо активно действует или проявляет пассивность и подчиняется обстоятельствам, снимая с себя ответственность за конечный результат. В роли объекта выступают коллективное лицо или один человек, человеческий орган, предмет. В подобных конструкциях объект может отсутствовать.

В контекстах встречаются слова и словосочетания, которые выражают отрицательную оценку и усиливают указанное значение.

Нежелательные и печальные последствия иногда представлены в рассмотренных примерах.

Статья поступила в редакцию 21.07.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / пер. Е. В. Вентцель, Т. В. Вентцель. М.: Издательство иностранной литературы, 1955. 412 с.
2. Виноградов В. В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1972. 614 с.
3. Волкова Е. П., Шаповалова Т. Е. Структурно-семантические особенности выражения модального значения необдуманности действия в конструкциях с инфинитивом. М.: Постатор, 2023. 76 с.
4. Герасименко Н. А. Бисубстантивные предложения в системе типов русского предложения // Синтаксические средства как экспрессивный ресурс текста: коллективная монография / отв. ред. Т. Е. Шаповалова, зам. отв. ред. В. В. Леденёва. М.: Постатор, 2022. 244 с.
5. Герасименко Н. А. Синтаксис дневниковых записей И. А. Бунина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 4. С. 7–14.
6. Григорьян Е. Л. Безличные предложения и «русский менталитет» // Вопросы филологии. 2008. № 2. С. 11–19.
7. Падучева Е. В. Высказывание и его соотносённость с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений / отв. ред. В. А. Успенский. М.: ЛКИ, 2010. 296 с.
8. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 432 с.
9. Романова В. Н. Выражение модального значения целесообразности / нецелесообразности действия в односоставных глагольных предложениях: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 20 с.
10. Шаповалова Т. Е. К вопросу о модально-временной характеристике безлично-инфинитивных предложений // Этюды о времени. Избранные статьи: сборник научных трудов / отв. ред. В. В. Леденёва. М.: Московский государственный областной университет, 2022. С. 127–129.
11. Шаповалова Т. Е. Темпоральные наречия в «Апокалипсисе нашего времени» В. В. Розанова // Этюды о времени. Избранные статьи: сборник научных трудов / отв. ред. В. В. Леденёва. М.: Московский государственный областной университет, 2022. С. 253–257.
12. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / отв. ред. В. В. Виноградов. М.: Азбуковник, 2003. 378 с.

REFERENCES

1. Bally Ch. Linguistique générale et linguistique française (Rus. ed.: Ventcel E. V., Ventcel' T. V., transl. Obshchaya lingvistika i voprosy francuzskogo yazyka. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoj literatury Publ., 1955. 412 p.).
2. Vinogradov V. V. *Russkij yazyk: (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian Language: (Grammatical Doctrine of the Word)]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1972. 614 p.
3. Volkova E. P., Shapovalova T. E. *Strukturno-semanticheskie osobennosti vyrazheniya modal'nogo znacheniya neobdumannosti dejstviya v konstrukciyah s infinitivom* [Structural and Semantic Features of

- the Expression of the Modal Meaning of Thoughtlessness of Action in Constructions with an Infinitive]. Moscow, Postator Publ., 2023. 76 p.
4. Gerasimenko N. A. [Bisubstantive Sentences in the System of Types of Russian Sentences]. In: Shapovalova T. E., Ledeneva V. V., eds. *Sintaksicheskie sredstva kak ekspressivnyj resurs teksta* [Syntactic Means as an Expressive Resource of the Text]. Moscow, Postator Publ., 2022. 244 p.
 5. Gerasimenko N. A. [Syntax of I. Bunin's Diary Records]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2020, no. 4, pp. 7–14.
 6. Grigoriyan E. L. [Impersonal Sentences and “Russian Mentality”]. In: *Voprosy filologii* [Questions of Philology], 2008, no. 2, pp. 11–19.
 7. Paducheva E. V. *Vyskazyvanie i ego sootnesyonnost' s dejstvitel'nost'yu: referencial'nye aspekty semantiki mestoimenij* [Statement and Its Correlation with Reality: Referential Aspects of the Semantics of Pronouns]. Moscow, LKI Publ., 2010. 296 p.
 8. Peshkovsky A. M. *Russkij sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian Syntax in Scientific Coverage]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. 432 p.
 9. Romanova V. N. *Vyrazhenie modal'nogo znacheniya celesoobraznosti / necelesoobraznosti dejstviya v odnosostavnykh glagol'nykh predlozheniyah: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Expression of the Modal Meaning of the Expediency / Inexpediency of an Action in One-Part Verbal Sentences: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2008. 20 p.
 10. Shapovalova T. E. [On the Question of the Modal-Temporal Characteristics of Impersonal-Infinitive Sentences]. In: *Etyudy o vremeni. Izbrannye stat'i* [Etudes about time. Selected Articles]. Moscow, Moscow State Regional University Publ., 2022, pp. 127–129.
 11. Shapovalova T. E. In: *Etyudy o vremeni. Izbrannye stat'i* [Etudes about Time. Selected Articles]. Moscow, Moscow State Regional University Publ., pp. 253–257.
 12. Shvedova N. Yu. *Ocherki po sintaksisu russkoj razgovornoj rechi* [Essays on the Syntax of Russian Colloquial Speech]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2003. 378 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Волкова Елена Петровна – кандидат филологических наук;
e-mail: helen8357@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena P. Volkova – Cand. Sci. (Philological Sciences);
e-mail: helen8357@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Волкова Е. П. Лексические средства выражения модального значения необдуманности действия в произведениях И. С. Тургенева // Отечественная филология. 2023. № 5. С. 19–24.
DOI: 10.18384/2949-5008-2023-5-19-24

FOR CITATION

Volkova E. P. Lexical Means of Expression of the Modal Meaning of Thoughtlessness of Action in the Works of I. Turgenev. In: *Russian Studies in Philology*, 2023, no. 5. pp. 19–24.
DOI: 10.18384/2949-5008-2023-5-19-24

УДК 81.373

DOI: 10.18384/2949-5008-2023-5-25-32

«ГАММЫ ЛЮБВИ» В ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОВЕСТИ И. С. ТУРГЕНЕВА «АСЯ»

Шаталова О. В.

Государственный университет просвещения

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Рассматривается роль звукового, цветового фактора, запахов в поэтике образов главных героев повести И. С. Тургенева «Ася».

Процедура и методы. Вырабатывается модель индивидуально-авторского описания звуковой, цветовой гаммы, обонятельного сегмента, основанная на формализованной сплошной выборке материала. Системное описание особенностей данных компонентов доказывает, что именно эти эффекты выступают одним из самых сильных маркёров при сообщении автором психологического состояния героев.

Результаты. Выявлен корпус языковых единиц семантических полей 'звук', 'цвет', 'свет', 'запах' в повести И. С. Тургенева «Ася». Определены основные доминанты, которые использовал автор в контексте раскрытия философии любви как фрагмента эмоциональной картины мира, сделан вывод об их композиционной роли.

Теоретическая и/или практическая значимость. Изучение данного материала позволило выявить индивидуально-авторские универсалии передачи эмоционально-психологического состояния героя через целый ряд звуко-, цвето-, светообразов. Практическая значимость исследования определяется возможностью применения материалов и выводов в преподавании стилистики русского языка, языка художественной литературы.

Ключевые слова: запах, звук, музыка, повесть «Ася», Тургенев, свет, цвет

“SCALES OF FIRST LOVE” IN THE LINGUISTIC SPACE OF THE NOVEL BY I. S. TURGENEV “ASYA”

O. Shatalova

State University of Education

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To examine the role of sound, the colour factor, and the role of smells in the poetics of the the main characters' images of the story “Asya” by I. S. Turgenev.

Methodology. A model of an individual author's description of the sound, colour, and olfactory segment is developed, based on a formalized continuous sample of material. A systematic description of the features of these components proves that these effects are one of the strongest markers when the author reports the psychological state of the characters.

Results. The corpus of linguistic units of semantic fields 'sound', 'colour', 'light', 'smell' in I. S. Turgenev's story “Asya” is revealed. The main dominants used by the author in the context of exploring the philosophy of love as a fragment of the emotional picture of the world are identified, and a conclusion is made about their compositional role.

Research implications. The study of this material made it possible to identify individual author's universals of the transfer of the character's emotional and psychological state through several sounds, colours,

light images. The practical significance of the research is determined by the possibility of applying its materials and conclusions in teaching the stylistics of the Russian language, the language of fiction.

Keywords: smell, sound, music, story "Asya", Turgenev, light, colour

Введение

И. С. Тургенев – мастер создания психологического портрета путём не прямого изображения внутреннего процесса, а косвенного, через отдельные штрихи и внешние проявления. «И. С. Тургенев – активная языковая личность, полем интересов которой является сфера межличностных отношений, что подтверждается выбором состава средств идиолекта и особенностями их функционирования» [11, с. 180]. Творчеству И. С. Тургенева посвящён целый ряд литературоведческих и лингвистических исследований [2; 3; 5; 12; 13]. Особое место в изучении прозаического наследия Тургенева занимают работы, в которых рассматриваются отношения писателя к музыке, к звуку, к цвету [1; 6; 8; 9; 10; 11]. Особое значение Тургенев придавал самому слову, его звучанию в тексте, и, в особенности, словам с общими семами 'звук', 'цвет', 'свет' и 'запах'. Используя различные художественные приёмы, а также всё многообразие языковых единиц, он создаёт эмоционально-психологические образы, которые раскрывают оригинальность авторского мировосприятия. На страницах своих произведений Тургенев выступает тонким психологом, способным передать всю глубину человеческих переживаний. «Писатель избегал словесных хитросплетений и "ажурных" описаний. Несмотря на эту своеобразную "скупость", Тургенев как никто сумел постичь и показать психологическую глубину и переливы душевных состояний своих героев» [9, с. 179].

Художественный мир повести «Ася» наполнен разнообразными звуками, запахами, цветовыми оттенками, которые представляют значительный семантический пласт, помогающий автору раскрыть всю гамму человеческих переживаний, «писатель через музыку передаёт те настроения и чувства, которые гармонично владеют

героем» [6, с. 84], а «колористические контрасты, широко используемые Тургеневым в структуре литературного портрета, опосредованным образом отражают миропонимание художника слова» [8, с. 8–9]. Целью работы является выявление и описание языковых единиц с общими семами 'звук', 'цвет', 'свет' и 'запах', которые в повести обладают выразительной силой и психологической достоверностью, определение основных доминант, использованных Тургеневым для раскрытия философии любви. Данные лексемы являются важным звеном постижения концепции автора, его духовного мира любви, в котором соединяются прекрасное и трагическое.

Оппозиция «громко – тихо» как музыкальная динамика передачи эмоционального состояния героя

Теме первой любви посвящена повесть «Ася», где Тургенев воплощает в слове всю трепетность, робость, красоту этого чувства. Автор показывает, что главный герой долго шёл к осознанию этого чувства, а понял и осознал его только тогда, когда потерял. А. А. Бельская пишет, что, «достигая с помощью лексических средств эффекта музыкального звучания, Тургенев языком музыки выражает интимные движения души любящего человека» [6, с. 84]. Через языковые единицы с общей семой 'звук' писатель передаёт тончайшие эмоции и чувства, через малое открывает весь информационный масштаб первой любви. М. В. Дюзенли и М. Ю. Мухин, размышляя о «музыкальном стиле» И. С. Тургенева, приходят к следующему выводу: «музыкальность в широком смысле проявляется не только в тематической группе слов, непосредственно связанных с музыкой. В контекстах индивидуально-авторской лексики актуализирована семантическая оппозиция "звук, голос ↔ беззвучие, ти-

шина”: звенеть, голосок ↔ безмолвный, глухо. Музыкальным аналогом подобных лексических контрастов является оппозиция “forte ↔ piano» [10, с. 87].

В повести «Ася» одной из центральных становится оппозиция *громко – тихо*. Эмоции любовных переживаний передаются при помощи музыкальной динамики, т. к. музыка, как и человеческий голос, может кричать и шептать. Так, в одном контексте можно услышать мелодию, в которой наблюдается крещендо (обозначает постепенное усиление звучания) и диминуэндо (постепенное ослабление): *Я ломал руки, я звал Асю посреди надвигавшейся ночной тьмы, сперва вполголоса, потом всё громче и громче; я повторял сто раз, что я её люблю, я клялся никогда с ней не расставаться; я дал бы всё на свете, чтобы опять держать её холодную руку, опять слышать её тихий голос, опять видеть её перед собою...¹: сперва вполголоса – потом громче и громче – тихий голос.*

Через «музыкальную речь» передаётся не только эмоциональный фонд героев повести, но и информационно сообщается, какие звуки ассоциируются с чувством первой любви (эта любовь ассоциируется с тихими звуками, именно тихие звуки могут затронуть и разбудить в человеке светлые, романтические чувства, нежные слова всегда произносятся тихо): – *Мы станем ужинать на воздухе. Тут музыка слышнее. Заметили ли вы, – прибавил он, обратясь ко мне, – вблизи иной вальс никуда не годится – пошлые, грубые звуки, – а в отдаленье, – чудо! так и шевелит в вас все романтические струны².*

Особое семантическое наполнение в тургеневском тексте приобретает лексема *вполголоса*: вполголоса поет Ася (*Ни одно мгновение она не сидела смирно; вставала, убегала в дом и прибегала снова, напевала вполголоса, часто смеялась, и престранным образом: казалось, она смеялась не тому, что слышала, а разным*

*мыслям, приходившим ей в голову³; Для довершения сходства она принялась напевать вполголоса «Матушку голубушку»⁴, вполголоса «промолвил Гагин»⁵, вполголоса «проговорила»⁶ Ася, вполголоса даже «собака ворчала» (*внезапно раздавался сонливый свисток ворчлого сторожа, добродушная собака ворчала вполголоса⁷*). В одном контексте с данной лексемой в качестве «семантических попутчиков» выступают слова, которые входят в ядерную зону семантического поля ‘первая любовь’: Ася «напевала вполголоса»⁸ и «взор её внезапно становился глубок и нежен»⁹, «добродушная собака ворчала вполголоса»¹⁰ и «липы пахли так сладко, что грудь поневоле всё глубже и глубже дышала»¹¹.*

Через всю повесть центральной связующей нитью проходит музыкальная тема: «Именно звуки музыки, доносящиеся с праздника, заставляют героя отправиться на противоположный берег Рейна, вальс способствует встрече молодых людей. В дальнейшем он будет “звучать” в эпизодах, которые являются ключевыми в повести» [4, с. 129]. Тургенев не прямо, а косвенно, через языковые единицы с семой ‘звук’ мастерски передаёт чувство влюблённости, которое полностью ещё не осознаётся молодыми людьми, но оно уже затрагивает все струны души. Так, главный герой, который «был поражён в сердце одной молодой вдовой»¹², ищет уединения в небольшом немецком городке. Рана его сердца «не очень была глубока»¹³, но он «почёл долгом предаться на некоторое время печали и одиночеству»¹⁴. Тургенев через звучание музыки передаёт то состояние, в котором изначально пребывает главный герой, используя при этом нехарактерные

³ Там же. С. 154.

⁴ Там же. С. 162.

⁵ Там же. С. 161.

⁶ Там же. С. 176.

⁷ Там же. С. 150.

⁸ Там же. С. 154.

⁹ Там же. С. 155.

¹⁰ Там же. С. 150.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹ Тургенев И. С. Ася // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 5. М.: Наука, 1980. С. 190.

² Там же. С. 154.

для музыкальных инструментов «семантические сопровождающие»: *Вдруг донеслись до меня звуки музыки; я прислушался. В городе Л. играли вальс; контрабас гудел отрывисто, скрипка неясно заливалась, флейта свистала бойко*¹. От этой громкой и неясной музыки, от этого печального одиночества он двигается в сторону тихой, нежной, чудесной музыки навстречу романтической любви: *вблизи иной вальс никуда не годится – пошлые, грубые звуки, – а в отдаленье, – чудо! так и шевелит в вас все романтические струны*² – *Музыка по-прежнему долетала до нас, звуки её казались слаще и нежнее*³ – «Словно на прощание примчались звуки старинного ланнеровского вальса. Тагин был прав: я почувствовал, что все струны моего сердца задрожали в ответ на те заискивающие напевы»⁴.

Отдельной из значимых лексических групп для передачи эмоционального состояния героев повести является группа звукообозначений с общей семой 'дыхание'. Эти лексемы помогают автору передать самые тонкие, самые глубокие чувства. Вздохи, как и громкость голоса, исследователи относят к акустическим средствам, сопровождающим, дополняющим или замещающим звуки речи. Данные голосовые характеристики относят к важнейшим факторам восприятия информации, т. к. именно речевые оттенки сигнализируют и об эмоциях человека, и о его состоянии. Так, первую любовь автор передаёт через дыхание трепетное, ускоренное, быстрое и т. п.: *Долго потом рука моя чувствовала прикосновение её нежного стана, долго слышалось мне её ускоренное, близкое дыхание...*⁵; *Послышался трепетный звук, похожий на прерывистый вздох...*⁶; *Она дышала быстро и вся дрожала*⁷; *Она*

*по-прежнему вся сжималась, дышала с трудом и тихонько покусывала нижнюю губу, чтобы не заплакать, чтобы удержать накипающие слёзы...*⁸

Оппозиция «громко – тихо» представлена и глагольными лексемами воскликнул – прошептала (– *Что мы делаем!.. – воскликнул я и судорожно отодвинулся назад*⁹; – *Ваша... – прошептала она едва слышно*¹⁰); крикнул – проговорила (*Я крикнул: «Ася!» Дикий голос испугал меня самого – но никто не отозвался...*¹¹; – *Да, я должна уехать, – так же тихо проговорила она*¹²).

В начале и в конце повести мы слышим песню соловья. В момент зарождения чувства (*соловей запел на берегу и заразил меня сладким ядом своих звуков*¹³) и в конце повести, когда герой осознаёт всю силу своей настоящей любви, любви, которой так и не суждено будет осуществиться (*Я прошёл мимо куста, где пел соловей, я остановился и долго слушал: мне казалось, он пел мою любовь и моё счастье*¹⁴).

Таким образом, целостную картину психологического состояния героев, их эмоций, чувств и настроений создают разные мелодии, разные звуковые эффекты: пение Аси, песни соловья, мелодия ланнеровского вальса, звучание монастырского хора, звуки музыкальных инструментов, дыхание. В свою очередь, элементы музыкального языка (громкость, окраска звуков и т. п.) помогают писателю сделать это ярко и выразительно.

Гармония звука, запаха, вкуса, цвета и света как составляющая «скрытого психологизма» в повести «Ася»

«Свет и цвет, воплотившиеся в поэтическом слове, создают неповторимую красочную ткань литературного произведения, причём каждому автору присуща только своя, особенная “палитра”» [7,

¹ Тургенев И. С. Ася // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 5. М.: Наука, 1980. С. 151.

² Там же. С. 154.

³ Там же. С. 155.

⁴ Там же. С. 156.

⁵ Там же. С. 177.

⁶ Там же. С. 187.

⁷ Там же. С. 186.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 187.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 191.

¹² Там же. С. 188.

¹³ Там же. С. 177.

¹⁴ Там же. С. 192.

с. 76]. Неповторимую нежную ткань повести «Ася» в поэтическом слове Тургенева создаёт переплетение звуков, запахов, света и цвета.

Чувство любви передаётся при помощи звуковых элементов, к которым автор добавляет тонкие запахи, едва уловимые, а также световые и цветочные элементы: *Я отдал себя всего тихой игре случайности, набегавшим впечатлениям; неторопливо смеясь, протекали они по душе и оставили в ней, наконец, одно общее чувство, в котором слилось всё, что я видел, ощутил, слышал в эти три дня, – всё: тонкий запах смолы по лесам, крик и стук дятлов, немолчная болтовня светлых ручейков с пёстрыми форелями на песчаном дне...*¹ В данном случае мы ощущаем запах смолы, слышим стук дятлов, болтовню ручейков с форелями, особый свет ручейков, цвет (пёстрые форели и песчаное дно).

В повести «Ася» Тургенев раскрывает психологизм человека, несостоятельность которого проявляется в любви, он не способен самостоятельно принять решение, признаться самому себе в своих чувствах. Это психологическое состояние передаётся писателем через отношение героя к шёпота ветра и тихому журчанию воды (в звуковом плане) и свежему дыханию волны (в плане сенсорной лексики). Все эти тихие, нежные звуки любви и нежные, свежие запахи настораживают, пугают его: *Шёпот ветра в моих ушах, тихое журчанье воды за кормом меня раздражали, и свежее дыханье волны не охлаждало меня; соловей запел на берегу и заразил меня сладким ядом своих звуков*².

В повести «Ася» особую смысловую нагрузку приобретает лексема *сладко*, которая встречается в тексте 4 раза, при этом в прямом (вкусовом) значении выступает только в одном случае, в остальных контекстах употреблена автором в переносном значении. Через эти лексемы автор выстраивает композицию всего произведения: завязка сюжета (сладкий запах

липы – *а воздух так и ластился к лицу, и липы пахли так сладко, что грудь поневоле всё глубже и глубже дышала*³) – развитие сюжета, зарождающееся чувство (сладкие звуки вальса в значении 'особый тип звучания, который вызывает приятные эмоции' – *Она побежала к дому. Я побежал вслед за нею – и несколько мгновений спустя мы кружились в тесной комнате, под сладкие звуки Ланнера*)⁴) – возникновение влюблённости (сладкий яд песни соловья – *соловей запел на берегу и заразил меня сладким ядом своих звуков*)⁵) – несбывшиеся надежды, утраченная любовь (эпитет *сладкий* в словосочетании *сладкое замирание* сообщает всему контексту ностальгическое настроение, главный герой сожалеет о разрушенных искренних и возвышенных отношениях – *Нет! ни одни глаза не заменили мне тех, когда-то с любовью устремлённых на меня глаз, ни на чьё сердце, припавшее к моей груди, не отвечало моё сердце таким радостным и сладким замиранием*)⁶). Производные *сладость* и *сладостный* автор использует для передачи появления не испытываемого ранее чувства влюблённости, при этом в одном контексте соединяет неяркие краски, неясные запахи, непонятное возникшее чувство сладостного томления: *Я отправился домой через потемневшие поля, медленно вдыхая пахучий воздух, и пришёл в свою комнату весь разнеженный сладостным томлением беспредметных и бесконечных ожиданий*⁷.

Отдельное внимание Тургенев уделяет световым эффектам: светлая речка, светлые ручейки, город, облитый светом, *этим безмятежным и в то же время тихо душу волнующим светом*⁸, у Аси светлые глаза, *алый тонкий свет лежал на зелёных лозах*⁹ и т. д. И в качестве итоговой точки – свет в комнате Аси – как последняя надежда (*Быстро взбираясь по тропинке виноград-*

³ Там же. С. 150.

⁴ Там же. С. 177.

⁵ Там же. С. 177.

⁶ Там же. С. 195.

⁷ Там же. С. 156.

⁸ Там же. С. 150.

⁹ Там же. С. 153.

¹ Тургенев И. С. Ася // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 5. М.: Наука, 1980. С. 166.

² Там же. С. 177.

ника, я увидел свет в комнате Аси... Это меня несколько успокоило¹).

Языковые единицы с семей 'звук' Тургенев погружает в цвето-световую палитру. Звук: беседа продолжалась, музыка долетала, Ася вздохнула; цвет: вечер огнистый, алый, бледный; свет: вечер переливался в ночь, огни зажглись, луна заиграла по Рейну, всё осветилось, вино заблестело таинственным блеском. Все эти размытые цвета, неяркие тона, световые эффекты помогают автору передать романтическое, возвышенное чувство: «*День давно погас, и вечер, сперва весь огнистый, потом ясный и алый, потом бледный и смутный, тихо таял и переливался в ночь, а беседа наша всё продолжалась, мирная и кроткая, как воздух, окружавший нас. Гагин велел принести бутылку рейнвейна; мы её распили не спеша. Музыка по-прежнему долетала до нас, звуки её казались слаще и нежнее; огни зажглись в городе и над рекою. Ася вдруг опустила голову, так что кудри ей на глаза упали, замолкла и вздохнула, а потом сказала нам, что хочет спать, и ушла в дом; однако я видел, как она, не зажигая свечи, долго стояла за нераскрытым окном. Наконец, луна встала и заиграла по Рейну; всё осветилось, потемнело, изменилось, даже вино в наших гранёных стаканах заблестело таинственным блеском. Ветер упал, точно крылья сложил, и замер; ночным, душистым теплом повеяло от земли²*. Для передачи глубины и всеобъемлемости чувства любви автор переплетает несколько

средств выразительности, что «приводит к созданию живописной, эмоционально насыщенной картины» [14, с. 52]. Единство звуковых, обонятельных, свето-цветовых факторов воздействует на воображение читателя и помогает ему прожить и пережить все эмоциональные переживания вместе с героями произведения.

Заключение

Проведённый языковой анализ показал, что для описания чувства любви Тургенев использует определённый набор звуковой, цветовой гаммы, а также раскрывает это чувство при помощи ольфакторных образов, которыми автор передаёт богатую гамму чувств и переживаний. Читая текст, можно услышать музыку любви, которая состоит из целого ряда эмоциональных обертонов. Звукообозначения органично сочетаются с колоративной лексикой, состоящей из цветовой гаммы и оттенков света, которые выполняют художественно-выразительные функции. Единство звука, цвета, запаха создаёт картину нежной гармонии в сочетании с трагическими порывами. Языковые единицы в повести «Ася» становятся средством выражения эмоционального аспекта мировидения. Сами эмоции как обязательная составляющая такого чувства, как первая любовь, сложны, неповторимы, изменчивы, а следовательно, сложны и их языковые репрезентации.

Статья поступила в редакцию 09.10.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев М. П. И. С. Тургенев и музыка. Киев: Общество исследования искусств, 1918. 26 с.
2. Алиомарова Д. М. Языковая картина мира в прозе И. С. Тургенева: дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2010. 156 с.
3. Арустамова А. А. Ритм прозы И. С. Тургенева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1998. 20 с.
4. Ачкасова Г. Л., Белых А. Г. Музыкальный лейтмотив повести И. С. Тургенева «Ася» // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 3 (72). С. 128–131.
5. Бадаева Н. П. Безличные предложения в художественной прозе И. С. Тургенева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1955. 15 с.

¹ Тургенев И. С. Ася // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 5. М.: Наука, 1980. С. 191.

² Там же. С. 155.

6. Бельская А. А. «Музыкальный код» романа И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 3 (80). С. 80–88.
7. Беляева В. Н. Лексика с семантическим компонентом «свет» как объект лингвистического анализа // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. 2007. № 3. С. 70–73.
8. Бурштинская Е. А. Цвет как аспект литературного портрета в художественной прозе И. С. Тургенева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2000. 18 с.
9. Гулевич Е. В. Музыкальность как фактор психологизма прозы И. С. Тургенева // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 3 (33). С. 168–171.
10. Дюзенли М. В., Мухин М. Ю. Филологическое наблюдение и его статистическое обоснование (о «музыкальности» стиля И. С. Тургенева) // Теоретическая семантика и идеографическая лексикография: Словарь. Дискурс. Корпус: материалы расширенного заседания (Всероссийского с международным участием) научного семинара проблемной группы «Русский глагол», посвящённого 45-летию кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения, Екатеринбург, 29–30 октября 2019 г. Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2019. С. 83–90.
11. Жаткин Д. Н., Борисова И. В. И. С. Тургенев и немецкая классическая музыка // RES PHILOLOGICA. Учёные записки Северодвинского филиала Поморского государственного университета имени М. В. Ломоносова. 2007. № 5. С. 202–208.
12. Ковина Т. П. Особенности идиостиля И. С. Тургенева: художественно-стилистическое использование слов в функции предиката: на материале романа «Дворянское гнездо»: дис. ...канд. филол. наук. М., 2006. 186 с.
13. Пустовойт П. Г. И. С. Тургенев – художник слова. М.: Московский государственный университет, 1980. 376 с.
14. Фадеева Т. М. Взаимодействие сложного эпитета в художественном тексте с другими средствами выразительности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2011. № 4. С. 47–54.

REFERENCES

1. Alekseev M. P. *I. S. Turgenev i muzyka* [I. S. Turgenev and Music]. Kiev, Obshchestvo issledovaniya iskusstv Publ., 1918. 26 p.
2. Aliomarova D. M. *Yazykovaya kartina mira v proze I. S. Turgeneva: dis. ... kand. filol. nauk* [Language Picture of the World in the Prose of I. S. Turgenev: Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Mahachkala, 2010. 156 p.
3. Arustamova A. A. *Ritm prozy I. S. Turgeneva: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Rhythm of I. S. Turgenev's Prose: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Ekaterinburg, 1998. 20 p.
4. Achkasova G. L., Belykh A. G. [The Musical Leitmotif in I.S. Turgenev's Novella "Asya"]. In: *Uchyonye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki* [Scientific Notes of the Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences], 2016, no. 3 (72), pp. 128–131.
5. Badaeva N. P. *Bezlichnye predlozheniya v hudozhestvennoj proze I. S. Turgeneva: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Impersonal Sentences in the Fiction of I. S. Turgenev: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 1955. 15 p.
6. Belskaya A. A. ["Music Code" of I. S. Turgenev's Novel "Home of the Gentry"]. In: *Uchyonye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki* [Scientific Notes of Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences], 2018, no. 3 (80), pp. 80–88.
7. Belyaeva V. N. [Lexis with the Semantic Component "Light" as an Object of Linguistic Analysis]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova* [Vestnik of Kostroma State University], 2007, no. 3, pp. 70–73.
8. Burshinskaya E. A. *Cvet kak aspekt literaturnogo portreta v hudozhestvennoj proze I. S. Turgeneva: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Color as an Aspect of a Literary Portrait in the Fiction of I. S. Turgenev: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Cherepovec, 2000. 18 p.
9. Gulevich E. V. [Musicality as a Psychological Factor in Turgenev's Prose]. In: *Uchyonye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya. Gumanitarnye i social'nye nauki* [Scientific Notes of Orel State University. Series. Humanities and Social Sciences], 2009, no. 3 (33), pp. 168–171.

10. Dyuzenli M. V., Mukhin M. Yu. [Philological Observation and Its Statistical Substantiation (the “Musicality” of the Style of I. S. Turgenev)]. In: *Teoreticheskaya semantika i ideograficheskaya leksikografiya: Slovar'. Diskurs. Korpus: materialy rasshirennogo zasedaniya (Vserossijskogo s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnogo seminara problemnoj gruppy “Russkij glagol”, posvyashchyonnogo 45-letiyu kafedry fundamental'noj i prikladnoj lingvistiki i tekstovedeniya, Ekaterinburg, 29–30 oktyabrya 2019 g.* [Theoretical Semantics and Ideographic Lexicography: Dictionary. Discourse. Corpus: Materials of the Extended Meeting (All-Russian with International Participation) of the Scientific Seminar of the Problem Group “Russian Verb”, dedicated to the 45th Anniversary of the Department of Fundamental and Applied Linguistics and Textual Criticism, Yekaterinburg, October 29–30, 2019]. Ekaterinburg, Kabinetnyj uchyonyj Publ., 2019, pp. 83–90.
11. Zhatkin D. N., Borisova I. V. [I. S. Turgenev and German Classical Music]. In: *RES PHILOLOGICA. Uchyonye zapiski Severodvinskogo filiala Pomorskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M. V. Lomonosova* [RES PHILOLOGICA. Scientific Notes of the Severodvinsk Branch of the Pomeranian State University named after M. V. Lomonosov], 2007, no. 5, pp. 202–208.
12. Kovina T. P. *Osobennosti idiostilya I. S. Turgeneva: hudozhestvenno-stilisticheskoe ispol'zovanie slov v funkcii predikata: na materiale romana “Dvoryanskoe gnezdo”: dis. ...kand. filol. nauk* [Features of I. S. Turgenev's Idiostyle: Artistic and Stylistic Use of Words in the Function of a Predicate: on the Material of the Novel “The Noble Nest”: Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2006. 186 p.
13. Pustovoyt P. G. *I. S. Turgenev – hudozhnik slova* [I. S. Turgenev – Artist of Words]. Moscow, Moscow State University Publ., 1980. 376 p.
14. Fadeeva T. M. [Interaction of Complex Epithet with other Means of Expressiveness in Fiction]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2011, no. 4, pp. 47–54.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шаталова Ольга Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры славистики, общего языкознания и культуры коммуникации Государственного университета просвещения;
e-mail: olshatalova@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga V. Shatalova – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Department of Slavic Studies, General Linguistics and Culture of Communication, State University of Education;
e-mail: olshatalova@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шаталова О. В. «Гаммы любви» в языковом пространстве повести И. С. Тургенева «Ася» // Отечественная филология. 2023. № 5. С. 25–32.
DOI: 10.18384/2949-5008-2023-5-25-32

FOR CITATION

Shatalova O. V. “Scales of First Love” in the Linguistic Space of the Novel by I. S. Turgenev “Asya”. In: *Russian Studies in Philology*, 2023, no. 5, pp. 25–32.
DOI: 10.18384/2949-5008-2023-5-25-32

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.112.2`36

DOI: 10.18384/2949-5008-2023-5-33-39

ТАКСИСНЫЕ ФУНКЦИИ ДЕВЕРБАТИВНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ РУССКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С ПРЕДЛОЖНЫМИ КОНСТРУКЦИЯМИ)

Архипова И. В.

*Новосибирский государственный педагогический университет
630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, д. 28, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Описать таксисные функции некоторых аффиксальных и безаффиксных deverbatives акциональной семантики в аспекте их актуализации.

Процедура и методы. Проанализированы русские deverbatives на *-ние / -ение, -тие / -ие*, безаффиксные отглагольные имена, демонстрирующие полную семантическую соотносительность с производящими глаголами, и свойство таксисности. При употреблении с темпоральными и нетемпоральными предлогами они реализуют функции примарно-таксисных и секундарно-таксисных актуализаторов одновременности и разновременности. В ходе исследования применялись гипотетико-дедуктивный, индуктивный и описательный методы, а также метод обобщения и интерпретации языкового материала.

Результаты. В результате исследования выявлено, что акциональные deverbatives с темпоральными предлогами реализуют функцию актуализаторов примарно-таксисных значений одновременности, предшествования, следования, при сочетании с нетемпоральными предлогами – функцию секундарно-таксисных актуализаторов.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследуется вопрос таксисного функционала русских deverbatives, реализуемого в высказываниях с темпоральными и нетемпоральными предлогами. Результаты исследования вносят определённый вклад в теорию таксиса и могут быть использованы при преподавании теории языка, а также при проведении спецкурсов по функциональной грамматике.

Ключевые слова: deverbatives, нетемпоральные предлоги, таксисность, таксисный функционал, таксисные актуализаторы, таксисные функции, темпоральные предлоги

TAXIS FUNCTIONS OF DEVERBATIVE NOUNS OF RUSSIAN LANGUAGE (BASED ON STATEMENTS WITH PREPOSITIONAL CONSTRUCTIONS)

I. Arkhipova

*Novosibirsk State Pedagogical University
ul. Vilyuiskaya 28, Novosibirsk 630126, Russian Federation*

Abstract

Aim. To describe the taxis functions of some affixed and affixless deverbatives of actional semantics in the aspect of their actualization.

Methodology. The article analyzes Russian deverbatives in *-nie / -enie, -tie / -ie* and unaffixed verbal nouns, demonstrating full semantic correlation with generating verbs and taxis property. When used with temporal and non-temporal prepositions, they realize the functions of primary-taxis and secondary-taxis actualizers of simultaneity and non-simultaneity. In the course of the study, hypothetical-deductive, inductive and descriptive methods were used, as well as the method of generalization and interpretation of linguistic material.

Results. As a result of the study, it was revealed that actional deverbatives with temporal prepositions implement the function of actualizers of primary-taxis meanings of simultaneity, precedence, following, and combination with non-temporal prepositions – the function of secondary-taxis actualizers.

Research implications. This article explores the issue of taxis functionality of Russian deverbatives, implemented in statements with temporal and non-temporal prepositions. The results of the study make a certain contribution to the theory of taxis. The main results of the study can be used in teaching the theory of language, as well as in conducting special courses on functional grammar.

Keywords: deverbatives, non-temporal prepositions, taxis, taxis functional, taxis actualizers, taxis functions, temporal prepositions

Введение

Вопросы описания лексической, словообразовательной и аспектуальной семантики русских отглагольных имён изучаются современными отечественными языковедами И. В. Архиповой [1], Р. Б. Бекеновой [2], Е. Н. Гавриловой [3; 4], Н. Г. Долженко [5], В. Н. Мусатовым [6], А. В. Меликсетян [7], О. О. Петровой [8], Е. Э. Пчелинцевой [9], А. А. Халидовым [10] и др. В отечественной лингвистике отглагольные имена имеют ряд синонимичных терминов (см. *имена действия, nomina actionis, deverбативы, субстантивные формы глагола, номинализации, синтаксические дериваты, гибридные образования* и др.). Исследователи рассматривают отглагольные имена как синтаксические дериваты транспозиционного типа, лексическое значение которых «тождественно значению мотивирующих их глаголов» [4, с. 165]. Девербативам присуща «двухслойная», т. е. «билатеральная», семантика. Её гибридный характер связан с тем, что их образование является результатом глагольно-именного синтеза, т. е. синтеза призрачных и предметных значений. Будучи именами производными, девербативы сохраняют акциональные, процессуальные, аспектуальные и другие признаки производящих (мотивирующих) глаголов и получают «опредмеченные» или конкретно-предметные значения, свойствен-

ные именам существительным. В этой связи отметим, что они сохраняют разную степень семантической соотносительности с производящими глаголами.

В фокусе данного исследования находится вопрос описания таксисных функций девербативов русского языка, сохраняющих полную семантическую соотносительность с производящими глаголами. Данные имена, употребляясь с различными предлогами (темпоральными, нетемпоральными), способны к актуализации таксисных категориальных значений одновременности, предшествования и следования. Актуальность настоящей работы обусловлена тем, что современные лингвисты не проводят комплексных исследований таксисного функционала девербативных имён существительных, наследуемого ими от производящих глаголов тождественной (аналогичной) лексической семантики и реализуемого в высказываниях с темпоральными / нетемпоральными предлогами.

Результаты

В настоящем исследовании таксисный функционал девербативных имён существительных, входящих в состав предложных сочетаний, трактуется как их способность к актуализации примарно-таксисных (собственно таксисных, хронологических,

первичных) и секундарно-таксисных (обстоятельно-таксисных, вторичных) значений одновременности и разновременности. При употреблении с темпоральными предложениями девербативы реализуют функцию актуализаторов примарно-таксисных категориальных значений, а в сочетании с нетемпоральными предложениями – функцию актуализаторов секундарно-таксисных значений (концессивно-таксисных, консекутивно-таксисных, финально-таксисных и др.).

В данной работе рассматриваются акциональные девербативы, сохранившие полную семантическую соотносительность с производящими глаголами тождественной лексической семантики, а также свойство таксисности. Они последовательно актуализируют различные таксисные значения в высказываниях с темпоральными и нетемпоральными предложениями. Таковыми являются аффиксальные девербативы на *-ние / -ение, -тие- / -ие*, а также безаффиксные имена, полученные методом направленной выборки из Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

При проведении исследования применялись гипотетико-дедуктивный, индуктивный, описательный и контекстуальный методы, а также метод обобщения и интерпретации языкового материала.

Таксисные функции акциональных девербативов на *-ние / -ение и -тие- / -ие*

При употреблении с темпоральными предложениями семантики *во время, в течение, после, перед, до, накануне, с, по* акциональные девербативы на *-ние / -ение и -тие- / -ие* (см. имена *возвращение, появление, исчезновение, спасение, разрушение, прибытие, прощание, расставание, приобретение, установление, награждение, изучение* и др.) выступают в функции актуализаторов примарно-таксисных значений одновременности, предшествования и следования, например:

(1) *Во время возвращения* Мольера в Париж три театра оспаривали друг у дру-

га внимание столичной публики: Маре, Отель де Бургонь и Пти-Бурбон¹.

(2) Знакомство Лаврова с Ершовым состоялось ещё *до появления* Алгола-60².

(3) ... *до прибытия* московского поезда оставалось не больше часа³.

(4) *Перед расставанием* команда конфисковала у Аркадия пузырьёк с одеколоном и тут же опустошила, пообещав не сдаваться⁴.

(5) *Накануне прощания* с Бельведерским дворцом побеждённый Лех Валенса обвинил премьера Юзефа Олексы в шпионаже в пользу Москвы⁵.

(6) В первое время *после расставания* отсутствие тактильных ощущений причиняет мне сильное физическое страдание⁶.

(7) *После прибытия* нашего отряда работы партии пошли ходко⁷.

(8) *С его исчезновением* потух и фосфорический свет, наполнявший спальню князя⁸.

(9) *По прибытии* на место побоища ... разведчик вынужденно признал; в голове ненормального свил себе гнездо пусть фантастический, но всё же план⁹.

¹ Барро М. В. Мольер. Его жизнь и литературная деятельность // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 14.01.2023).

² Дубова Н. Орбита Лаврова // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 14.01.2023).

³ Запашный В. Риск. Борьба. Любовь // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 14.01.2023).

⁴ Коновалов В. Чукотка. В поисках смысла // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 14.01.2023).

⁵ Жихарев С. Следствие по делу польского премьера // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 14.01.2023).

⁶ Малик К., Ширшова Л. «Я – синглтон». Почему людям для счастья больше не нужны отношения // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 14.01.2023).

⁷ Богомаз П. Туранский перевал // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 14.01.2023).

⁸ Гейнце Н. Э. Дочь Великого Петра // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 14.01.2023).

⁹ Бояшов И. Танкист, или «Белый тигр» // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru>

В вышеприведённых примерах (1–8) акциональные девербативы *возвращение, появление, прибытие, прощание, исчезновение* с темпоральными предложениями *во время, до, перед, накануне, после, с, по* выступают в функции актуализаторов примарно-таксисных значений одновременности (см. пример 1), предшествования (см. примеры 2–5) и следования (см. примеры 6–9). В высказывании (1) темпоральный предлог *во время* маркирует одновременность соотносимых между собой действий акционального девербатива и глагольного предиката. В высказываниях (2–5) в качестве маркёров предшествования выступают темпоральные предлоги *до, перед, накануне*. В примерах (6–9) таксисными экспликаторами следования являются темпоральные предлоги *после, с, по*.

При употреблении с нетемпоральными предложениями *вследствие, несмотря на, для, с целью, из-за, благодаря* и др. акциональные девербативы на *-ние, -тие* выполняют функцию актуализаторов различных секундарно-таксисных значений одновременности, например:

(10) Он же привлёк (1737, 1748, 1749) для изучения простых чисел дзета-функцию, чем положил начало аналитич. теории чисел¹.

(11) Однако результатами заинтересовались и с целью применения в промышленности².

(12) ... несмотря на запрещение Печорина, она вышла из крепости к речке³.

(13) Вопреки сопротивлению Франции было решено между другими державами унять силой Мухаммеда Али и положить законные пределы его непомерному честолюбию⁴.

<https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 14.01.2023).

¹ Колмогоров А. Н. Математика // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 14.01.2023).

² Сухотин А. К. Парадоксы науки // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 14.01.2023).

³ Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 14.01.2023).

⁴ Базили К. М. Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом от-

(14) Из-за появления конечной воли у ас-момсти, уже определённой как рефлексия рефлексии, возникает неразрешимая путаница⁵.

(15) Благодаря обнаружению подкопа предотвращён массовый побег арестантов⁶.

(16) Вследствие использования тепла выпускных газов на подогрев топливного газа снизится расход электроэнергии на подачу и охлаждение воды в конденсатор⁷.

В приведённых выше примерах (10–16) акциональные девербативы *запрещение, использование, применение, появление, изучение, обнаружение, сопротивление* в сочетании с нетемпоральными предложениями финальной, concessивной, каузальной и консекutiveмной семантики *для, с целью, несмотря на, вопреки, из-за, благодаря, вследствие* реализуют функцию актуализаторов финально-таксисных, concessивно-таксисных, каузально-таксисных и консекutiveмно-таксисных значений одновременности.

Таксисные функции безаффиксных девербативов акциональной семантики

Акциональные безаффиксные девербативы *приезд, прилёт, приход, отъезд, развод, обыск, осмотр, досмотр, вывоз* и др. актуализируют примарно-таксисные значения одновременности, предшествования и следования в следующих высказываниях с темпоральными предложениями:

ношении // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 14.01.2023).

⁵ Бибихин В. В. Из записей на тему самопознания. Отдельные записи и отрывки из дневников (нач. 70-х – нач. 90-х гг.) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 14.01.2023).

⁶ Вести (25.08.1908) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 14.01.2023).

⁷ Прудкий С. А., Костенко Д. А. Энергосберегающие комбинированные газопаротурбинные установки с регенерацией воды в цикле // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 14.01.2023).

(17) После приезда Наташи всё изменилось в квартире¹.

(18) По отъезде его избран был монахами новый келарь, Азарий, открытый враг новоисправленных книг...².

(19) После прилёта в Теник нас на аэродроме встречал губернатор и довольно большая толпа местного руководства³.

(20) С приходом лекаря ироническая улыбка пробежала по губам его⁴.

(21) ... накануне развода и заточения она отдалась в руки людей, хотевших её спасти, и после переворота не могла ещё ничем управлять⁵.

(22) Перед отъездом в город отец повёл Вальку в баню⁶.

В примерах (17–20) с темпоральными предложениями *по, после, с* посредством акциональных девербативов *приезд, отъезд, прилёт, приход* актуализованы примарно-таксисные значения следования. В примерах (21–22) акциональные девербативы *развод* и *отъезд* с темпоральными предложениями *накануне, перед* выступают в функции актуализаторов примарного таксиса предшествования.

В следующих высказываниях с нетемпоральными предложениями *несмотря на, вследствие, с целью, благодаря* акциональные девербативы *развод, осмотр, обыск, досмотр, отъезд* актуализованы такие разновидности секундарно-таксисных значений одно-

временности как концессивно-таксисное (см. пример 23), консекутивно-таксисное (см. пример 24), финально-таксисные (см. примеры 25–26) и каузально-таксисное (см. пример 27):

(23) Несмотря на развод её, я сохранил с ней по-прежнему знакомство⁷.

(24) Я сегодня в чрезвычайно весёлом настроении духа, именно вследствие осмотра!⁸

(25) Ночью в предместье города отряд полиции оцепил дом с целью обыска⁹.

(26) На днях американский сторожевик пытался остановить судно, которое вёл капитан, для досмотра на предмет обнаружения наркотиков¹⁰.

(27) Ему это удаётся благодаря отъезду Кудрина в Оренбург¹¹.

Нетемпоральные предложения *несмотря на, вследствие, с целью, благодаря* выступают в роли маркёров концессивного, консекутивного, финального и каузального таксиса одновременности (см. примеры 23–27).

Заключение

Акциональные девербативы на *-ние / -ение, -тие / -ие* и безаффиксные имена сохраняют лексическую семантику производящих глаголов, обнаруживая полную семантическую соотносительность с ними. Эти девербативы являются таксисными, поскольку они наследуют свойство таксисности наряду с акциональной семанти-

¹ Гроссман В. Жизнь и судьба. Ч. 3 // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 14.01.2023).

² Случевский К. К. Поездки по Северу России в 1885–1886 годах // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 14.01.2023).

³ Сергеева-Горемыкина Н. П. Дневниковые записи жены посла // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 14.01.2023).

⁴ Лажечников И. И. Басурман // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 14.01.2023).

⁵ Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. Лекции 76–86 // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 14.01.2023).

⁶ Амосов Р. Подъём на холм // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 14.01.2023).

⁷ Долгоруков И. М. Повесть о рождении моём, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 14.01.2023).

⁸ Надсон С. Я. Дневники (1875–1883) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 14.01.2023).

⁹ Телеграммы наших корреспондентов (11.04.1907) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 14.01.2023).

¹⁰ Шебаршин Л. В. Рука Москвы: записки начальника советской разведки // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 14.01.2023).

¹¹ Варенцов Н. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 14.01.2023).

кой глаголов. Входя в состав конструкций с темпоральными и нетемпоральными предложениями, способны реализовать примарно-таксисные и секундарно-таксисные функции. Девербативы с темпоральными предложениями выполняют функцию актуализаторов примарно-таксисных значений одновременности, предшествования, следования, при сочетании с нетемпоральными

ми предложениями concessивной, консеквтивной, каузальной и финальной семантики они выступают в роли актуализаторов секундарного (concessивного, консеквтивного и др.) таксиса одновременности.

Статья поступила в редакцию 13.02.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипова И. В. Функциональный потенциал таксисных актуализаторов (на материале русских предложных девербативов) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 5. С. 6–13.
2. Бекенова Р. Б. Категориальная семантика глагола и производного девербатива // Инновационные технологии в науке и образовании. 2015. № 4 (4). С. 333–337.
3. Гаврилова Е. Н. Проявление процессуальной лексической тождественности девербативов в семантико-грамматическом аспекте // Современное общество: проблемы, идеи, инновации. 2015. № 4. С. 116–119.
4. Гаврилова Е. Н. К вопросу об именных грамматических характеристиках девербативов // Современные технологии: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XVIII Международной научно-практической конференции, Пенза, 25 июня 2018 г. Пенза: Наука и Просвещение, 2018. С. 89–91.
5. Долженко Н. Г. Имя действия в системе событийной лексики: пересекаемость глагольной и именной лексики // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2005. Вып. 2. № 11. С. 105–111.
6. Мусатов В. Н. Словообразовательная полисемия отглагольных суффиксальных существительных в современном русском языке. 3-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2019. 448 с.
7. Меликсетян А. В. Причины распространения девербативов в современном русском языке // Русский язык на перекрёстке эпох: традиции и инновации в русистике: материалы Международной научно-практической конференции, Ереван, 21–24 апреля 2014 г. Ереван: Российско-Армянский (Славянский) университет, 2015. С. 101–105.
8. Петрова О. О. Виды модификации семантики исходного значения при метонимическом переносе // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2022. № 3. С. 24–30.
9. Пчелинцева Е. Э. Аспектуальные признаки в русских отглагольных именах действия: подходы и классификации // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2016. № 1 (51). С. 108–119.
10. Халидов А. А. Семантическое соотношение имён действия и их производящих основ в русском языке // *Lingua-Universum*. 2019. № 1. С. 3–8.

REFERENCES

1. Arkhipova I. V. [Functional Potential of Taxis Actualizers (Based on the Material of Russian Prepositional Deverbatives)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2022, no. 5, pp. 6–13.
2. Bekenova R. B. [Categorical Semantics of the Verb and the Derivative Deverbative]. In: *Innovacionnye tekhnologii v nauke i obrazovanii* [Innovative Technologies in Science and Education], 2015, no. 4 (4), pp. 333–337.
3. Gavrilova E. N. [Manifestation of Procedural Lexical Identity of Deverbatives in the Semantic and Grammatical Aspect]. In: *Sovremennoe obshchestvo: problemy, idei, innovacii* [Modern Society: Problems, Ideas, Innovations], 2015, no. 4, pp. 116–119.
4. Gavrilova E. N. [On the Issue of Nominal Grammatical Characteristics of Deverbatives]. In: *Sovremennye tekhnologii: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovacii: sbornik statej XVIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Penza, 25 iyunya 2018 g.* [Modern Technologies: Current Issues, Achievements

- and Innovations: Collection of Articles of the 18th International Scientific and Practical Conference, Penza, June 25, 2018]. Penza, Nauka i Prosveshchenie Publ., 2018, pp. 89–91.
5. Dolzhenko N. G. [The Name of the Action in the System of Event Vocabulary: The Overlap of Verbal and Nominal Vocabulary]. In: *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the South Ural State University. Series "Linguistics"], 2005, vol. 2, no. 11, pp. 105–111.
 6. Musatov V. N. *Slovoobrazovatel'naya polisemiya otglagol'nyh suffiks'al'nyh sushchestvitel'nyh v sovremenном russkom yazyke* [Word-Formation Polysemy of Verbal Suffixal Nouns in Modern Russian]. Moscow, FLINTA Publ., 2019. 448 p.
 7. Meliksetyan A. V. [Reasons for the Spread of Deverbatives in the Modern Russian Language]. In: *Russkij yazyk na perekryostke epoch: tradicii i innovacii v rusistike: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Erevan, 21–24 aprelya 2014 g.* [Russian Language at the Crossroads of Eras: Traditions and Innovations in Russian Studies: Materials of the International Scientific and Practical Conference, Yerevan, April 21–24, 2014]. Erevan, Russian-Armenian (Slavic) University Publ., 2015, pp. 101–105.
 8. Petrova O. O. [Types of Modification of the Semantics of the Original Meaning during Metonymic Transfer]. In: *Vestnik Rossijskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek v sovremenном mire* [Bulletin of the Russian New University. Series: Man in the Modern World], 2022, no. 3, pp. 24–30.
 9. Pchelintseva E. E. [Aspectual Features in Russian Verbal Nouns: Approaches and Classifications]. In: *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova* [Bulletin of the North-Eastern Federal University by M. K. Ammosov], 2016, no. 1 (51), pp. 108–119.
 10. Halidov A. A. [Semantic Relationship between Action Names and Their Generating Stems in the Russian Language]. In: *Lingua-Universum*, 2019, no. 1, pp. 3–8.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Архипова Ирина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры романогерманских языков Новосибирского государственного педагогического университета;
e-mail: irarch@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina V. Arkhipova – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Prof., Department of French and German Languages, Novosibirsk State Pedagogical University,
e-mail: irarch@yandex.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Архипова И. В. Таксисные функции девербативных существительных русского языка (на материале высказываний с предложными конструкциями) // Отечественная филология. 2023. № 5. С. 33–39.
DOI: 10.18384/2949-5008-2023-5-33-39

FOR CITATION

Arkhipova I. V. Taxis Functions of Deverbative Nouns of Russian Language (Based on Statements With Prepositional Constructions). In: *Russian Studies in Philology*, 2023, no. 5, pp. 33–39.
DOI: 10.18384/2949-5008-2023-5-33-39

УДК 801.73

DOI: 10.18384/2949-5008-2023-5-40-49

О СВОЕОБРАЗИИ ЭКСПЛИКАЦИИ КОНЦЕПТА «СВОЙ-ЧУЖОЙ» В ПОВЕСТИ «ВИЛЛИ» Н. С. ДАШЕВСКОЙ

Голосова Е. А.

Государственный университет просвещения

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Охарактеризовать особенности средств репрезентации макроконцепта «свой-чужой» в сказочной повести «Вилли» Н. С. Дашевской.

Процедура и методы. Анализируемый текст предполагает применение концептуального анализа концептов «дом» и «кухня» и характеристику средств их репрезентации. При определении значимости выявленных языковых ресурсов для отображения своеобразия отношений «свой-чужой» как идиостилевой черты использованы лексикографический, контекстуальный и квантитативный методы.

Результаты. Исследование средств репрезентации концептов «дом» и «кухня» (42 лексемы) подтвердило их значимость для представления Н. С. Дашевской отношений «своего» и «чужого» как важной категории в формировании персонажной зоны произведения. Доказано, что опора на общекультурные концепты, отражённые в фоновых знаниях читателя, знакомого с волшебной сказкой, позволяет автору насытить текст концептуально значимыми ассоциациями, усилить его эстетическое воздействие на реципиента за счёт коннотативной составляющей используемых единиц идиолекта.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость работы связана с необходимостью исследования идиостилей современных авторов детской литературы. В качестве идиостилевой черты Н. С. Дашевской впервые описана специфика концептуального наполнения сказочной повести «Вилли», определено место концептов «дом» и «кухня» в структуре бинарного макроконцепта «свой-чужой», что позволяет уточнить их значимость для русской концептосферы.

Ключевые слова: идиостиль, концепт «дом», концепт «кухня», макроконцепт «свой-чужой», Н. С. Дашевская, персонажная зона, языковая личность

ON THE PECULIARITY OF THE EXPLICATION OF THE CONCEPT OF “FRIEND-FOE” IN THE STORY “VILLI” BY N. S. DASHEVSKAYA

E. Golosova

State University of Education

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To characterize the features of the macro-concept “friend-foe” representation means in the novel “Villi” by N. S. Dashevskaya.

Methodology. The analyzed text assumes the application of a conceptual analysis of the concepts of “house” and “kitchen” and the characterization of the means of their representation. In determining the significance of the identified language resources, lexicographic, contextual and quantitative methods were used to display the uniqueness of the “friend-foe” relationship as an idiosyncratic feature.

Results. The study of the representation means of the conceptions “home” and “kitchen” (42 lexemes) confirmed their significance for N. S. Dashevskaya’s representation of the relations of “one’s own”

and “someone else’s” as an important category in the formation of the character zone of the work. It is proved that the reliance on general cultural concepts reflected in the background knowledge of the reader familiar with the fairy tale allows the author to saturate the text with conceptually significant associations, to strengthen its aesthetic impact on the recipient due to the connotative component of the idiolect units used.

Research implications. The theoretical significance of the work relates to the need to study the idiosyncrasies of modern authors of children’s literature. As an idiosyncratic feature of N. S. Dashevskaya, the specifics of the conceptual content of the fairy tale story “Villi” are described for the first time, the place of the concepts “house” and “kitchen” in the structure of the concepts “friend-foe” is determined, which allows us to clarify their significance for the Russian conceptual sphere.

Keywords: idiostyle, concept “house”, concept “kitchen”, macro concept “friend or foe”, N. S. Dashevskaya, character zone, linguistic personality

Введение

Выявление идиостилевых доминант в творчестве писателя напрямую связано с анализом индивидуально-авторской поэтической картины мира, которая, в свою очередь, «обусловлена концептуальной картиной мира автора, особенностями его языковой личности» [2, с. 31], а значит, в том числе его «идеологией и ценностными суждениями» [18, р. 251], «особенностями его личности, характера, сознания, восприятия» [19, р. 230], и может быть изучена посредством анализа его произведений, в ходе которого исследователь, в частности, моделирует «концептосферу писателя и её фрагменты, изучая её особенности и средства вербальной репрезентации» [2, с. 29]. В поэтической картине мира Н. С. Дашевской – музыканта, педагога, детской писательницы – средства вербальной репрезентации авторской концептосферы непосредственно обращены к восприятию адресата – школьника, дошкольника, – что накладывает свой отпечаток на выбор текстообразующих единиц, доступных пониманию ребёнка.

Вслед за В. В. Леденёвой под идиостилем мы понимаем «индивидуально устанавливаемую языковой личностью систему отношений к разнообразным средствам и способам автопрезентации» [10, с. 12]. Поскольку «ядром понятия “идиостиль” является совокупность глубинных текстопорождающих доминант и констант определённого автора» [7, с. 13], изучение ключевых («текстопорождающих») в твор-

честве Н. С. Дашевской концептов представляет большой интерес при анализе идиостиля писательницы.

В исследовании мы опираемся на следующее определение концепта: «концепты – это ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» [9, с. 24]. Вслед за М. В. Пименовой под макроконцептом мы понимаем «сложное ментальное образование, связанное с концептами, входящими в его структуру, родо-видовыми отношениями» [11, с. 32], а под бинарными (оппозитивными, по М. В. Пименовой) концептами – такие, «слова-репрезентанты которых являются антонимами» [12, с. 127]. В. И. Карасик признаёт наличие бинарной оппозиции в качестве «конститутивного признака концепта» проявлением категориального статуса концепта [9, с. 30], что прослеживается и в структуре концепта «свой-чужой».

Обращение к бинарному макроконцепту «свой-чужой» позволило Н. С. Дашевской сконцентрировать в тексте художественную атмосферу, которая базируется на значимых для писателя и читателя концептах «дом» и «кухня», восходящих к ценностям, транслируемым русской сказкой, насытить текст дополнительными смысловыми обертонами.

Изучение этих особенностей позволяет утверждать, что создание многомерного объёма текста возможно за счёт актуализации общих фоновых знаний читателя и

писателя, которые, в свою очередь, детерминированы для русской языковой личности восприятием данного концепта. В сказочной повести «Вилли» антиномичность макроконцепта «свой-чужой» реализуется посредством структурных и смысловых связей между концептами «дом», «друг (другой)», «путь», «семья», «тело». Образная палитра повести опирается прежде всего на обыденное понимание и индивидуально-авторскую репрезентацию первого из них.

О макроконцепте «свой-чужой»

Согласно представлениям Ю. С. Степанова, данный концепт соотносится с самосознанием этноса и его стереотипами поведения¹. Вслед за Э. Бенвенистом [1] исследователь связывает предысторию понятия «свой» со значениями 'свой', 'человек' ('люди'), 'свободный', 'сам', 'рождённый законным образом, в цепи поколений, в потомстве', также говорит о соотношении значений 'приятный', 'любить' и 'свободный'² и о том, что концепт «чужой» соотносится со значениями 'не свой', 'посторонний', 'далёкий', 'странный', 'необычный' и именно в русской культуре связан с концептом «чудо» и названием народа *чудь*³. Ю. С. Степанов согласен с В. И. Далем в отношении включения в число семем лексемы *чужой* значения 'не имеющий, не знающий своего рода'⁴, что мы принимаем.

Содержательный минимум анализируемого бинарного макроконцепта «свой-чужой» формируется на основе содержания, передаваемого словарными дефинициями: *свой* – '1. Принадлежащий или свойственный себе. 2. Собственный,

составляющий имущество или достоинство отдельного лица, учреждения. 3. Относящийся к себе как члену какого-л. коллектива, какой-л. общности; связанный отношениями родства или общим местом работы, социальным положением, взглядами, вкусами и т. п. 4. Своеобразный, свойственный только кому-, чему-л. одному, данному или единому. 5. Соответствующий кому-, чему-л.; подходящий для данных условий, обстоятельств, лиц и т. п.⁵; *чужой* – '1. Являющийся собственностью другого (других); не имеющий непосредственного отношения к кому-л.; не свой. 2. Не являющийся родиной; не такой, как на родине. 3. Не связанный родственными отношениями; посторонний. 4. Не связанный близкими отношениями с кем-л., не совпадающий по духу, взглядам, интересам; посторонний, далёкий. 5. Отчуждённый, отрешённый'⁶. Заметим, что ЛСВ-2 и ЛСВ-3 лексемы *свой* вступают в антонимические отношения с ЛСВ-1 и, соответственно, ЛСВ-3, ЛСВ-4 лексемы *чужой*.

Репрезентация в тексте несоответствия родительского дома концептуальному представлению об отчем доме

Приведённые дефиниции и выявленные между ними отношения представляют собой описание ядерной структуры бинарного макроконцепта, напряжение между полюсами которого и становится базой для формирования сюжета и характера персонажной зоны в тексте. Выявим входящие в структуру макроконцепта конкретные концепты, составляющие периферию рассматриваемого лингвистического феномена, и проанализируем их репрезентацию в тексте.

Экспликация макроконцепта связана с представлением в тексте концептов мень-

¹ Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2004. С. 142.

² Там же. С. 135–138.

³ Там же. С. 139–141.

⁴ Чужой // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Gufome: [сайт]. URL: <https://gufome.me/dict/dal/чужой> (дата обращения: 10.05.2022); Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2004. С. 139.

⁵ Свой // Большой толковый словарь русского языка / сост. С. А. Кузнецов. Грамота.ру: [сайт]. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=свой&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=свой&mode=slovari&dicts[]=42) (дата обращения: 09.02.2023).

⁶ Чужой // Большой толковый словарь русского языка / сост. С. А. Кузнецов. Грамота.ру: [сайт]. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=чужой&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=чужой&mode=slovari&dicts[]=42) (дата обращения: 09.02.2023).

шего объёма – «дом» и «кухня», причём, в первую очередь, *отчего дома* («отцовский, родной»¹) и кухни в нём.

В структуре концепта «дом» выделяется следующий сильный импликационный: *дом* – «место постоянного обитания, Родина, родина, отчий дом; уют, покой, свобода действий; застой, инертность; место нахождения чего-либо, помещения, предназначенные для чего-либо» [17]. Исследователи также называют стандартные речевые метафоры: «дом – родина, место, где человеку уютно и спокойно, защита, место обитания родственников, предков, потомков» и др. [18], отмечают особую значимость понятия «дом» (наряду с понятиями «свобода, любовь, красота») в русской национальной картине мира [15, с. 6]. Б. Б. Ильин, анализируя номинант «дом» в пьесе «Гроза» А. Н. Островского, замечает: «дом воспринимается как “свое”, “закрытое” пространство, которое противопоставлено внешнему» [8, с. 142]. При осмыслении воплощения концепта «дом» в сказочной повести «Вилли» мы исходим из указанного «обыденного» понимания лексем, учитывая также национальные особенности бытования данного концепта.

Н. С. Дашевская рисует характер и представляет жизнь героя различными средствами, в том числе с помощью намёков-подсказок, создаваемых репрезентантами – частотными лексемами речевой партии персонажа.

В качестве репрезентантов концепта «дом» в художественной ткани повествования автор использует ряд средств номинации, таких как собственно *дом* (33 вкл.), *дóма* (нареч., 10 вкл.), *домой* (15 вкл.), *кухня* (11 вкл., где 1 вкл. – в *своём доме*), *запах* (1 вкл.; формы глагола *пахнуть* – 6 вкл.)².

Подчёркивая желание главного героя Севки находиться дома с родителями, автор включает лексику *домой* в речевые

партии персонажа 12 раз – и всегда в повествование о родительском доме. Однако этот дом не предстаёт в сказочной повести уютным или укромным, т. е. не обладает теми чертами, которые Ю. С. Степанов считает наиболее важными при рассмотрении концепта «дом»³. Н. С. Дашевская создаёт атмосферу неуютности отчего дома и кухни за счёт как сюжетных элементов (замечания, адресованные Севке, ссора родителей), так и лексико-грамматических ресурсов, используемых в речевых партиях мамы героя: повелительного наклонения глаголов (*ешь*⁴), неполных предложений со значением повеления (*Севка, шарф! И шапку!*⁵), безличных предложений императивного характера (*Надо выглядеть прилично!*⁶), восклицательных предложений, содержащих оценку близких (*Миша, ты совсем впал в детство!*⁷), риторических вопросов (*Сколько можно выдумывать?*⁸) и др.

Выявляемое в речевых партиях героя душевное стремление к отчуждённому дому сталкивается с подчёркиваемой Н. С. Дашевской непривлекательностью этого дома для Севки: *Зато там* (в парке. – Е. Г.) *каштанов. А по дороге к моему дому каштанов нет*⁹. Таким образом, *свой* дом становится для Севки чужим, следовательно, «дом» как концепт может перестать принадлежать зоне «своего», допускает писатель, по нашим наблюдениям.

Частотный анализ позволяет выявить насыщенность текста единицами лексико-семантической группы (ЛСГ) слов, именуемых пространством, в том числе географические объекты: *город* (50 вкл.), *театр* (22 вкл.), *переулок* (21 вкл.), *парк* (18 вкл.), *улица* (15 вкл.), *деревня* (5 вкл.), *лес* (2 вкл., *лесной* – 4 вкл.). Их концентрация позво-

³ Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2004. С. 826.

⁴ Дашевская Н. Вилли. 3-е изд., стер. М.: КомпасГид, 2018. С. 3, 59, 100.

⁵ Там же. С. 27.

⁶ Там же. С. 59.

⁷ Там же. С. 79, 81.

⁸ Там же. С. 80.

⁹ Там же. С. 6.

¹ Отчий // Большой толковый словарь русского языка / сост. С. А. Кузнецов. Грамота.ру: [сайт]. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=отчий&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=отчий&mode=slovari&dicts[]=42) (дата обращения: 09.02.2023).

² Дашевская Н. Вилли. 3-е изд., стер. М.: КомпасГид, 2018. 112 с.

ляет зафиксировать, что внимание героя обращено к иным, не соотносимым с родительским домом, объектам пространства, объясняет готовность Севки проводить время вне дома. Ю. К. Зурбашева обращает внимание на такую тенденцию в современной подростковой литературе, как переход героя в «мир без взрослых»: «Родители оказываются слишком далеко от детей, причём дело не только в расстоянии физическом, но и в “эмпирической дистанции”, вынуждающей маленьких персонажей искать опору не в семье, а в собственном опыте, других людях, а иногда и вовсе – в загадочных персонажах» [6, с. 70–71]. Закономерным представляется оставление дома героем. При этом поведение героя-искателя является вариантом фольклорного сюжетного элемента «герой покидает дом» [14, с. 85]. Сказочная повесть «Вилли», таким образом, обнаруживает жанровое родство с волшебной сказкой.

Средства воплощения фольклорной основы сказочной повести (на примере описания дома Августины)

Путь к дому Августины, как и сказочный путь к избушке на курьих ножках, оказывается полным чудесных встреч. Н. С. Дашевская следует за русской народной волшебной сказкой в описании испытаний, ожидающих героя-искателя на чужбине. Выстраиваются следующие параллели: в пространстве сказочной повести волшебным лесом оказывается парк¹, испытанием – поиск велосипеда, Калиновым мостом – мост по пути к дому Августины², матерью-сырой землёй, в которой увязает богатырь, – жирная грязь, в которую падает Севка³, героем-помощником – Теодор Архивариус⁴ и т. д. Заметим, что оппозиция «дом – город» (в пространстве сказочной повести «Вилли» «город» обобщает лексемы *парк, мост, улица, переулок*) является вариантом оппозиции «дом

– лес» в дискурсе русских народных сказок. «Дом» и «лес» «представляют два противоположных полюса, на единстве которых построен сюжет волшебных сказок» [16, с. 115]. Данные структурно-семантические компоненты повести позволяют подчеркнуть её фольклорную основу и выявить на идейном уровне ряд периферийных элементов концепта «чужой»: парк, мост, грязь, блуждание в поисках дома *выжившей из ума старушки*⁵ со странным именем⁶. Для Севки «чужой» означает «опасный», «странный», связанный с «потерей» ориентиров⁷.

Дом Августины – изначально «чужой» для Севки дом, – кроме труднодоступности, обладает и другими фольклорными чертами, ассоциативно сближающими его в восприятии читателя с избушкой Бабы-Яги, в частности, центральное место в доме занимает кухня, а в ней – духовка, современный аналог печки. Взяв за основу фольклорную канву сюжета, Н. С. Дашевская наполняет её более современным содержанием. Опора на объём фоновых знаний, предполагающих знакомство с русскими народными сказками, является важной идиостилевой чертой в творчестве Н. С. Дашевской, что позволяет в стратегии взаимодействия автора с читателем формировать ожидания от сюжета повести.

Репрезентанты концепта «дом» и «кухня», формирующие образ жилища Августины

В сказочной повести «Вилли» для Севки жилище Августины, состоящее из *тёмной лестницы, коридора и кухни*⁸, приобретает значение дома как места покоя и приятия других. И. Т. Вепрева отмечает, что «на кухне человек предстаёт таким, какой он есть, без парадной стороны» [3, с. 420], т. е. именно здесь Августина и Севка, согласно замыслу автора, по нашим наблюдениям,

¹ Дашевская Н. Вилли. 3-е изд., стер. М.: КомпасГид, 2018. С. 7.

² Там же. С. 12.

³ Там же. С. 7.

⁴ Там же. С. 11.

⁵ Там же. С. 8.

⁶ Там же. С. 7.

⁷ Там же. С. 9.

⁸ Там же. С. 14.

раскрываются в общении друг с другом. В связи с важной ролью концепта «кухня» в тексте широко представлены средства номинации текстовой тематической группы, которая его реализует. Так, лексема *кухня* употреблена Н. С. Дашевской 11 раз (из них о кухне в родительском доме – 1 вкл.): *на славной чистенькой кухне*¹, *на кухне пахло яблоками*² и др. Мечта о *кондитерской* (3 вкл.) – это, по сути, мечта о продолжении реализации себя в *кухонных хлопотах*.

В художественную ткань повествования в части сюжета, связанной с общением с Августининой, введены лексемы ЛСГ «Еда»: *пирог / пироги* (11 вкл.), *печенье* (8 вкл.), *мука* (5 вкл.), *сыр*, *изюм*, *корица*, *яблоки*, *сахар*, *мука* (по 2 вкл.), *помидоры*, *багет*, *хлеб*, *булки*, *бутерброды*, *омлет с сыром* (по 1 вкл.). Данные лексемы используются для описания предпочитаемых главным героем блюд или продуктов, необходимых Августине для их приготовления. Ср.: из продуктов мамино приготовления упоминаются – в том числе в отрицательном контексте – *бутерброды* (4 вкл.; обращает на себя внимание двойное упоминание *укропа* как нелюбимого продукта), *каша*, *творог*: «Мы (с Августининой в её кухне. – Е. Г.) ели *омлет с сыром*. Это ... *вкуснее*, чем *творог*, которым кормит меня утром мама. *Про кашу я уж не говорю*»³. Прямое указание дано автором с помощью предиката *вкуснее* (форма сравнительной степени от *вкусно*; *вкусный* – «приятный на вкус»)⁴. Таким образом, *кухня* Августининой ассоциируется с уютным местом, неким домашним очагом, где есть еда, приносящая удовольствие, есть «очаг», «печь» (духовка) как «символ семейных отношений и таких этических категорий, как любовь, тепло и искренность» [5, с. 59], при этом процесс принятия пищи не связан с получением

замечаний. Ср. используемое для характеристики непривлекательности родительского дома авторское описание момента принятия пищи: *не кроши*⁵, *крошишь*⁶, *не крошу*⁷. *Крошить* – '1. Раздроблять на мелкие части; превращать в крошки. 2. Сорить крошками'⁸.

Н. С. Дашевская уделяет внимание различным ощущениям героя: при описании запахов в доме Августининой она 6 раз включает в текст глагол *пахнуть* (*пахло* – 5 вкл., *пахнет* – 1 вкл.) и существительное *запах* (1 вкл.). Автор использует данные лексемы в контекстах, подчёркивающих привлекательность «дома-кухни» для Севки: *ужасно вкусно пахло печеньем*⁹, *пахло корицей*¹⁰, *пахло удивительно*¹¹, *пахло яблоками*. *Сумасшедшие вкусно*¹², *пахло свежими булками*¹³, *ты и приехал*. *На запах*¹⁴; для Августининой: *Люблю, как пахнет*. *Пирогам*¹⁵. Ю. С. Степанов, анализируя концепт «свой-чужой», придавал особое значение воплощению в фольклоре представления о «семейном» запахе, запахе как примете этноса, связанной с устойчивыми фольклорными формулами¹⁶.

Для Августининой её дом приобретает черты «крепости», которую девочка покидает только при необходимости, например, закупить продукты: *А я никуда не хожу ... – Только в магазин*¹⁷, *боялась высунуть нос*

¹ Дашевская Н. Вилли. 3-е изд., стер. М.: КомпасГид, 2018. С. 14.

² Там же. С. 37.

³ Там же. С. 73.

⁴ Вкусный // Большой толковый словарь русского языка / сост. С. А. Кузнецов. Грамота.ру: [сайт]. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=вкусный&mod e=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=вкусный&mod e=slovari&dicts[]=42) (дата обращения: 09.02.2023).

⁵ Дашевская Н. Вилли. 3-е изд., стер. М.: КомпасГид, 2018. С. 3.

⁶ Там же. С. 110.

⁷ Там же. С. 110.

⁸ Крошить // Большой толковый словарь русского языка / сост. С. А. Кузнецов. Грамота.ру: [сайт]. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=крошить&mod e=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=крошить&mod e=slovari&dicts[]=42) (дата обращения: 09.02.2023).

⁹ Дашевская Н. Вилли. 3-е изд., стер. М.: КомпасГид, 2018. С. 14.

¹⁰ Там же. С. 14.

¹¹ Там же. С. 15.

¹² Там же. С. 37.

¹³ Там же. С. 97.

¹⁴ Там же. С. 38.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2004. С. 134.

¹⁷ Дашевская Н. Вилли. 3-е изд., стер. М.: КомпасГид, 2018. С. 74.

на улице¹, не ходила в школу². Восприятие дома в переулке Маятников как крепости усиливается с помощью художественной детали – указания на сложность попадания внутрь: *приходится втаскивать велосипед по узкой крутой лестнице вверх*³. Ассоциация дома с крепостью устойчива в сознании русскоязычного человека: на стимул *крепость* 5 респондентов из 114 дали реакцию *мой дом* и 4 – *дом*; данные реакции являются третьей и четвёртой по частотности среди ответов на указанный стимул⁴.

Таким образом, формируемое автором читательское представление о доме Августины накладывается на архетипический образ дома-крепости, дома – вместилища очага, в связи с чем её дом воспринимается как значимое место принятия, которое в некоторой степени заменяет Севке дом родителей. Кроме того, такой дом имеет черты так называемых «мужских домов», которые «часто служили пристанищем для пришельцев-мужчин» [13, с. 187]. Такое жилище имело ограду, которой мог служить и сад, вход через верхний этаж осуществлялся с помощью приставной лестницы [13, с. 185–186]. Описывая дом Августины, Н. С. Дашевская подчёркивает главное предназначение её дома-крепости, совпадающее с характеристикой «мужских домов»: «Особенности этого дома могут быть объяснены стремлением оградить себя от мира» [13, с. 186]. Всё перечисленное говорит о значительном использовании Н. С. Дашевской фольклорных мотивов и обращении к архетипам, заложенным в сознание читателя знакомством с волшебными сказками, что возводит данную особенность авторского повествования в ранг основных идиостилевых черт в творчестве автора и воплощается в фольклорной основе структуры сюжета,

специфике образной системы повести, а также в опирающемся на фольклор представлении русского человека о содержании макроконцепта «свой-чужой».

Репрезентация концепта «чужой» ЛСГ слов, именующих пространство

Как показал анализ, дом-крепость, дом-очаг является предпочитаемым местом для Августины, в отличие от школы и переулка Маятников, от города в целом. См.: *смертельно стесняется ходить в город*⁵, где усилительное наречие *смертельно* (от ЛСВ-1 и ЛСВ-5 имени прилагательного *смертельный* – ‘1. Приводящий или способный привести к смерти. 5. Разг. Крайний, предельный в своём проявлении’) подчёркивает имплицитно обозначаемые нелюбовь, неприятие, отражаемые предикатом *стесняться* (актуализируется значение ЛСВ-2: ‘испытывать чувство неловкости, застенчивости, смущения’⁶).

Н. С. Дашевская указала, что в представлении Августины всё пространство вне дома является «чужим», потенциально опасным. Лексемы *переулок* (21 вкл.) и *улица* (15 вкл.) и используемая в их описании предикатная лексика также служат выстраиванию образа враждебного и унылого внешнего пространства [4, с. 92], вызывающего страх и ненависть: *посреди серой улицы⁷, на улице оборачиваются. Я это ненавижу⁸, боялась высунуть нос на улицу⁹*. Привычная ассоциация *школа – дом* (реакции 3 из 110 респондентов на стимул *школа*)¹⁰, *школа – дом родной*

¹ Дашевская Н. Вилли. 3-е изд., стер. М. : КомпасГид, 2018. С. 104.

² Там же. С. 97.

³ Там же. С. 72.

⁴ Русский ассоциативный словарь / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов и др. [Электронный ресурс]. URL: <http://thesaurus.ru/dict> (дата обращения: 09.02.2023).

⁵ Дашевская Н. Вилли. 3-е изд., стер. М. : КомпасГид, 2018. С. 90.

⁶ Смертельный // Большой толковый словарь русского языка / сост. С. А. Кузнецов. Грамота.ру: [сайт]. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=Смертельный&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=Смертельный&mode=slovari&dicts[]=42) (дата обращения: 09.02.2023).

⁷ Дашевская Н. Вилли. 3-е изд., стер. М. : КомпасГид, 2018. С. 13.

⁸ Там же. С. 22.

⁹ Там же. С. 104.

¹⁰ Русский ассоциативный словарь / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов и др. [Электронный ресурс]. URL: <http://thesaurus.ru/dict> (дата обращения: 09.02.2023).

(2 реакции)¹ в восприятии Августины претворяется в ассоциацию *школы* с местом чужим, ненужным, где можно столкнуться с нежелательным вниманием: *Не хожу я ни в какую школу – Дел у меня других больше нет!*², *Ну чего мне эта школа... Все смотрят. ... без всякой школы можно обойтись*³, *ещё в школу эту дурацкую ходит*⁴.

Заключение

В повести Н. С. Дашевской «Вилли» потенциал концепта «дом» реализуется при помощи сравнения образов домов Августины и Севки по таким критериям, как «уют» и «принятие», а также в отношении дома Августины посредством актуализации в восприятии читателя архетипических черт «мужских домов» и дома Бабы-Яги. Особое значение при данном сравнении приобретает неоднозначная характеристика «внедомовых» локусов с помощью лексем, входящих в структуру ЛСГ наименований пространства, в том числе имён географических объектов. Особенности репрезентации в тексте наименований, указывающих на внешние локусы, частично нивелируют противо-

стояние, заложенное в структуре анализируемого макроконцепта, приводя читателя к пониманию пути героя как истории преодоления границ между *своим* и *чужим*.

Внимание к контексту и художественной детали, опора на фоновые знания читателя о русских народных сказках, следование структуре и образности сказки с теми изменениями, которых требуют жанровое своеобразие сказочной повести и её ориентация на современную действительность, мы считаем ярко проявившимися в тексте «Вилли» особенностями идиостилии Н. С. Дашевской. Это позволяет заключить, что в качестве константных идиостилевых установок автора выступают обращение к общим с читателем представлениям о макроконцепте «свой-чужой» и возникающем между его полюсами напряжении, понимание высокой значимости языковых ресурсов, связанных с репрезентацией концептов «дом» и «кухня» в поле «своего», особенности репрезентации «чужого» как «странного», «опасного», но «осваиваемого».

Статья поступила в редакцию 13.03.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика / под ред. Ю. С. Степанова. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
2. Болотнова Н. С. Гиперконцепт и средства его репрезентации в поэтическом тексте // Язык и культура: сборник статей XXIV Международной научной конференции, посвящённой 135-летию Томского государственного университета, Томск, 07–09 октября 2013 г. / отв. ред. С. К. Гураль. Томск: Томский государственный университет, 2014. С. 29–34.
3. Вепрева И. Т. Кухня в пространстве российской повседневности: лингвокультурологический взгляд // Русское слово в многоязычном мире: материалы XIV Конгресса МАПРЯЛ, Нур-Султан, 29 апреля – 3 мая 2019 г. Нур-Султан: МАПРЯЛ, 2019. С. 416–420.
4. Голосова Е. А. Функционирование номинаций локуса *переулок Маятников* в повести «Вилли» Н. С. Дашевской // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: сборник научных трудов по итогам Международной научной конференции, посвящённой 80-летию со дня рождения д-ра филол. н., профессора К. А. Войловой, Москва, 27 февраля 2023 г. / отв. ред. О. В. Шаталова. М.: Постатор, 2023. С. 91–95.
5. Даренская В. Н. Дом как модель социальности в традиционной культуре // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки. 2022. № 1. С. 56–62.
6. Зурбашева Ю. К. «Мир без взрослых» в современной отечественной подростковой литературе // Актуальные проблемы филологии. 2020. № 20. С. 69–76.

¹ Русский ассоциативный словарь / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов и др. [Электронный ресурс]. URL: <http://tesaurus.ru/dict> (дата обращения: 09.02.2023).

² Дашевская Н. Вилли. 3-е изд., стер. М.: КомпасГид, 2018. С. 21.

³ Там же. С. 22.

⁴ Там же. С. 106.

7. Идиостиль и ритм текста: коллективная монография / Е. И. Бойчук, И. А. Воронцова, Е. В. Шляхтина, О. В. Беляева. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет, 2019. 184 с.
8. Ильин Б. Б. Номинант «дом» в пьесе А. Н. Островского «Гроза»: авторская речь // Лекантовские чтения – 2021: материалы Международной научной конференции, Москва, 22 ноября 2021 г. / отв. ред. Е. Н. Орехова. М.: Московский государственный областной университет, 2021. С. 139–143.
9. Карасик В. В. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
10. Леденёва В. В. Идиостиль как система отношений // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2001. № 3-5 (23). С. 12.
11. Пименова М. В. Концепты внутреннего мира человека (русско-английские соответствия): дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2001. 497 с.
12. Пименова М. В. Концептуальные исследования и национальная ментальность // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2011. № 4. С. 126–132.
13. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. СПб.: Питер, 2022. 576 с.
14. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. СПб.: Питер, 2021. 256 с.
15. Ценностные основы национальной картины мира в русской литературе: к 90-летию профессора Веры Николаевны Аношкиной / отв. ред., сост. И. А. Киселева. М.: Московский государственный областной университет, 2019. 312 с.
16. Шаколо А. В. Оппозиция «свой – чужой» и её реализация посредством концептов «дом» и «лес» в дискурсе русских волшебных сказок // Русистика. 2020. Т. 18. № 1. С. 113–125.
17. Шелестюк Е. В. Представленность символа в структуре понятия // Mentalitaet und Mentales: сборник научных трудов. Landau: Verlag Empirische Padagogik, 2003. С. 32–45.
18. Goksen A. Personality and Individual Differences: Literature in Psychology – Psychology in Literature // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. № 185. P. 250–257.
19. Robinson J. M. Style and Personality in the Literary Work // Philosophical Review. 1985. № 94 (2). P. 227–247.

REFERENCES

1. Benveniste É. Problèmes de linguistique générale (Rus. ed.: Stepanov Yu. S., ed. *Obshchaya lingvistika*. Moscow, Progress Publ., 1974. 448 p.
2. Bolotnova N. S. [Hyperconcept and Means of Its Representation in a Poetic Text]. In: *Yazyk i kul'tura: sbornik statej XXIV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchyonnoj 135-letiyu Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, Tomsk, 07–09 oktyabrya 2013 g.* [Language and Culture: Collection of Articles of the XXIV International Scientific Conference dedicated to the 135th Anniversary of Tomsk State University, Tomsk, October 07–09, 2013]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2014, pp. 29–34.
3. Vepreva I. T. [Kitchen in Space of Russian Everyday Life: Linguistic and Cultural View Point]. In: *Russkoe slovo v mnogoyazychnom mire: materialy XIV Kongressa MAPRYAL, Nur-Sultan, 29 aprelya – 3 maya 2019 g.* [Russian Word in a Multilingual World: Materials of the XIV MAPRYAL Congress, Nur-Sultan, April 29 – May 3, 2019]. Nur-Sultan, MAPRYAL Publ., 2019, pp. 416–420.
4. Golosova E. A. [Functioning of Nominations of the Locus of Mayatnikov Lane in the story “Willy” by N. S. Dashevskaya]. In: *Russkij yazyk v slavyanskoj mezhkul'turnoj kommunikacii: sbornik nauchnyh trudov po itogam Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchyonnoj 80-letiyu so dnya rozhdeniya d-ra filol. n., professora K. A. Vojlovoj, Moskva, 27 fevralya 2023 g.* [Russian Language in Slavic Intercultural Communication: A Collection of Scientific Papers Based on the Results of the International Scientific Conference dedicated to the 80th Anniversary of the birth of Dr. Sci., Prof. K. A. Voilova, Moscow, February 27, 2023]. Moscow, Postator Publ., 2023, pp. 91–95.
5. Darenskaya V. N. [The House as a Model of Sociality in Traditional Culture]. In: *Vestnik Doneckogo nacional'nogo universiteta. Seriya B: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Donetsk National University. Series B: Humanities], 2022, no. 1, pp. 56–62.
6. Zurbasheva Yu. K. [“A World without Adults” in Modern Domestic Teenage Literature]. In: *Aktual'nye problemy filologii* [Current Problems of Philology], 2020, no. 20, pp. 69–76.
7. Bojchuk E. I., Voroncova I. A., Shlyahatina E. V., Belyaeva O. V. *Idiostil' i ritm teksta* [Idiostyle and Rhythm of the Text]. Yaroslavl, Yaroslavl State Pedagogical University Publ., 2019. 184 p.
8. Ilin B. B. [Nominant “Home” in the Play by A. N. Ostrovsky “The Storm”: Author’s Speech]. In: *Lekantovskie chteniya – 2021: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Moskva, 22 noyabrya*

- 2021 g. [Lekant Readings – 2021: Materials of the International Scientific Conference, Moscow, November 22, 2021]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2021, pp. 139–143.
9. Karasik V. V. *Yazykovye klyuchi* [Language Keys]. Moscow, Gnozis Publ., 2009. 406 p.
 10. Ledenyova V. V. [Idiostyle as a System of Relations]. In: *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Tambov University. Series: Humanities], 2001, no. 3–5 (23), pp. 12.
 11. Pimenova M. V. *Koncepty vnutrennego mira cheloveka (russko-anglijskie sootvetstviya): dis. ... d-ra filol. nauk* [Concepts of the Inner World of a Person (Russian-English Correspondences): Dr. Sci. Thesis in Philological Sciences]. St. Petersburg, 2001. 497 p.
 12. Pimenova M. V. [Conceptual Investigations and National Mentality]. In: *Gumanitarnyj vektor. Seriya: Pedagogika, psihologiya* [Humanitarian Vector. Series: Pedagogy, Psychology], 2011, no. 4, pp. 126–132.
 13. Propp V. Ya. *Istoricheskie korni volshebnoj skazki* [Historical Roots of a Fairy Tale]. St. Petersburg, Piter Publ., 2022. 576 p.
 14. Propp V. Ya. *Morfologiya volshebnoj skazki* [Morphology of a Fairy Tale]. St. Petersburg, Piter Publ., 2021. 256 p.
 15. Kiseleva I. A., comp. *Cennostnye osnovy nacional'noj kartiny mira v russkoj literature: k 90-letiyu professora Very Nikolaevny Anoshkinoy* [The Value Foundations of the National Picture of the World in Russian Literature: On the 90th Anniversary of Professor Vera Nikolaevna Anoshkina]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2019. 312 p.
 16. Shakolo A. V. [“Friend-or-Foe” Opposition and Its Implementation through the Concepts “House” and “Forest” in Russian Fair-Tale Discourse]. In: *Rusistika* [Russian Studies], 2020, vol. 18, no. 1, pp. 113–125.
 17. Shelestyuk E. V. [Representation of a Symbol in the Structure of a Concept]. In: *Mentalitaet und Mentales*: [Mentalitaet und Mentales]. Landau, Verlag Empirische Padagogik Publ., 2003, pp. 32–45.
 18. Goksen A. Personality and Individual Differences: Literature in Psychology – Psychology in Literature. In: *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2015, no. 185, pp. 250–257.
 19. Robinson J. M. Style and Personality in the Literary Work. In: *Philosophical Review*, 1985, no. 94 (2), pp. 227–247.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Голосова Екатерина Александровна – аспирант кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Государственного университета просвещения;
e-mail: ekaterina.golosova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina A. Golosova – Postgraduate Student, Department of Modern Russian Language named after Professor P. A. Lekant, State University of Education;
e-mail: ekaterina.golosova@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Голосова Е. А. О своеобразии экспликации концепта «свой-чужой» в повести «Вилли» Н. С. Дашевской // Отечественная филология. 2023. № 5. С. 40–49.
DOI: 10.18384/2949-5008-2023-5-40-49

FOR CITATION

Golosova E. A. On the Peculiarity of the Explication of the Concept of “Friend-Foe” in the Story “Villi” by N. S. Dashevskaya. In: *Russian Studies in Philology*, 2023, no. 5, pp. 40–49.
DOI: 10.18384/2949-5008-2023-5-40-49

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2023-5-50-58

СГЛАЖИВАНИЕ КОНФЛИКТА В ИНТЕРНЕТ-ОПОСРЕДОВАННОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ КОММЕНТАРИЕВ К ПОСТАМ В ЖИВОМ ЖУРНАЛЕ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19)

Гукосьянц О. Ю.

Пятигорский государственный университет

357532, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр-т Калинина, д. 9, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Исчислить основные коммуникативные стратегии и тактики, используемые в целях сглаживания конфликта в виртуальной коммуникации пользователей Живого Журнала в период пандемии COVID-19.

Процедура и методы. Анализируемые контексты рассмотрены как смысловое целое с точки зрения используемых языковых средств с помощью лингвостилистического анализа. Благодаря прагмалингвистическому анализу выявлены авторские мотивы, намерения и установки. Контекстуальный анализ обеспечил учёт ситуации порождения и восприятия текста при изучении функциональной специфики слов и их значений, а именно ситуации пандемии COVID-19.

Результаты. По итогам исследования определены наиболее частотные коммуникативные стратегии и тактики, используемые виртуальными коммуникантами в указанный период с целью сглаживания конфликта: стратегия убеждения – тактика ссылки на авторитет, тактика рассуждения / уговора, стратегия разоблачения – тактика выражения недоверия, стратегия самопрезентации – тактика дистанцирования.

Теоретическая и/или практическая значимость. Проведённое исследование позволяет осмыслить процесс управления возникающим речевым столкновением в виртуальной диалогической интеракции и предложить варианты погашения конфликта и продолжения интеракции с агрессором.

Ключевые слова: интернет-опосредованная коммуникация, комментарий, коммуникативный конфликт, пандемия COVID-19, сглаживание конфликта

Благодарности: исследование выполнено в рамках проекта МК-1675.2022.2 (Комплексное прагмалингвистическое исследование механизмов провоцирования и предотвращения возникновения и развития конфликтных ситуаций в виртуальной среде в условиях пандемии) по гранту Президента Российской Федерации.

CONFLICT ACCOMMODATION IN INTERNET-MEDIATED COMMUNICATION (THE STUDY OF COMMENTS FOR THE LIVEJOURNAL POSTS DURING THE COVID-19 PANDEMIC)

O. Gukosyants

Pyatigorsk State University

av. Kalinina 9, Pyatigorsk 357532, Stavropol Territory, Russian Federation

Abstract

Aim. To account for the main communication strategies and tactics used for conflict accommodation in virtual interaction of LiveJournal users during the COVID-19 pandemic.

Methodology. Contexts are studied as a semantic whole in terms of the presented language means by means of linguistic and stylistic analysis. Thanks to pragmalinguistic analysis, author's motives, intentions, and attitudes were revealed. Contextual analysis ensured that the situation of text generation and perception was taken into account when studying the functional specifics of words and their meanings, namely the COVID-19 pandemic situation.

Results. The most frequent communicative strategies and tactics used by virtual communicators during the specified time period for conflict accommodation were identified, namely, persuasion strategy - tactics of referring to authority, reasoning/ persuasion tactics, exposure strategy – tactics of expressing distrust, self-presentation strategy – distancing tactics.

Research implications. The theoretical significance of the study is that it helps comprehend the process of controlling the emerging speech collision in a virtual interaction and offer options for resolving the conflict and continuing the interaction with the aggressor.

Keywords: Internet-mediated communication, comment, communicative conflict, pandemic COVID-19, conflict accommodation

Acknowledgments: This research was supported by the grant from the President of the Russian Federation MK-1675.2022.2 (A comprehensive pragmatic-linguistic study of the mechanisms for provoking and preventing the emergence and development of conflict situations in virtual environment in pandemic conditions).

Введение

Нестабильная, эмоционально напряжённая ситуация в обществе, связанная с появлением и активным распространением нового инфекционного заболевания (коронавирусной инфекции), спровоцировала значительный объём материалов, мнений и обсуждений, разворачивающихся, в частности, в интернет-среде. Несовпадение взглядов по различным сопутствующим вопросам проявилось в многочисленных спорах и столкновениях, ситуациях деструктивного общения. Согласно И. И. Гулаковой, коммуникативный конфликт представляет собой «столкновение двух сторон (участников конфликта) по поводу несоответствия целей, интересов, взглядов, в результате которого одна из сторон сознательно либо бессознательно действует в ущерб другой (вербально или невербально), а вторая сторона, осознавая, что указанные действия направлены против её интересов / целей, предпринимает ответные действия» [5, с. 3–4].

Феномену коммуникативного конфликта, определению структурных компонентов конфликтного взаимодействия, построению моделей конфликтных ком-

муникативных ситуаций посвящены работы К. Ф. Седова [8], Н. А. Белоус [2], Е. В. Беловой [1], В. И. Жельвиса [6], В. С. Третьяковой [11], О. С. Иссерс [7], М. Ю. Сейранян [9], А. Н. Чумикова [12], Н. Ашера, А. Ласкаридес [13], С. Л. Грэм [16], А. Г. Фомин, Н. Якимова [15], И. Чилува [14], Л. Г. Мохика [17], П. Озох, А. Адигун, М. О. Олайивола [18], Л. Чжу [19].

Настоящая работа ставит **целью** рассмотреть подробнее тактику сглаживания конфликта как одного из трёх случаев развёртывания конфликтной коммуникативной ситуации, наблюдаемых при обмене комментариями к постам в Живом Журнале в период распространения коронавирусной инфекции COVID-19.

Коммуникативные стратегии и речевые тактики, а также лингвистические средства, которые обеспечивают сглаживание конфликта после возникновения основного противоречия и характерны для исследуемого временного промежутка, являются **предметом исследования** в настоящей работе.

Материалом исследования являются отобранные методом сплошной выборки более 125 веток комментариев к постам в Живом Журнале, опубликованных в пери-

од с марта 2020 г. по ноябрь 2022 г. и включающих в себя провокационную реплику-стимул, ответ в виде реплики-примирения и продолжение коммуникации с провокатором конфликта без изменения темы дискуссии.

Работа с эмпирической базой с целью выявления коммуникативных стратегий и тактик, обеспечивающих сглаживание конфликта в интернет-среде в обозначенный период, осуществлялась с помощью ряда **методов исследования**. Лингвостилистический и прагмалингвистический анализ материала позволили рассмотреть контексты как единое целое с точки зрения используемых языковых средств и выявить намерения и мотивы коммуникантов. Учёт ситуации порождения и восприятия текста при изучении функциональной специфики слов и их значений, а именно ситуации пандемии COVID-19, обеспечивался с помощью контекстуального анализа. Лингвистические средства, характерные для коммуникативных стратегий и тактик, используемых в целях сглаживания конфликта, охарактеризованы с применением описательного метода.

Сглаживание конфликтной ситуации в интернет-опосредованной коммуникации периода пандемии COVID-19

Вербальное развёртывание конфликтной ситуации складывается из появления реплики-стимула, продолжается этапом восприятия данной реплики её адресатом как некоторого противоречия и завершается реакцией адресата на возникающее противоречие. Как показал анализ выборки комментариев к постам в Живом Журнале, представляющих собой ситуации манифестации конфликта после возникновения провокации, реакция адресата на возникающее противоречие осуществлялась в трёх основных направлениях и соотносилась с тремя тактиками развёртывания конфликта: эскалацией, сглаживанием и нейтрализацией (подробнее об этом см. [3]).

Характеризуясь дистантностью, опосредованностью, во многих случаях аноним-

ностью, интернет как коммуникативная среда в некотором смысле благоприятствует свободе в формах выражения мыслей и идей. Принципы взаимоуважения, соблюдение этикетных форм в процессе общения в сети нередко игнорируются. Враждебная интенция агрессора, как правило, оборачивается ответной агрессивной реакцией со стороны адресата, что в итоге выливается в эскалацию коммуникативного конфликта. Взаимные прямые оскорбления, колкости, насмешки, диктат обеспечивают реализацию стратегии враждебности обоими собеседниками (подробнее о стратегии враждебности и тактиках, посредством которых реализуется данная стратегия, см. [4]). Настоящая работа направлена на рассмотрение стратегий и тактик коммуникативного поведения адресатов провокационных сообщений в случае реализации ими установок на сотрудничество, примирение и, как результат, сглаживание конфликта и продолжение неконфликтного общения.

1. (1) А: **Не знаю, где Вы эту “неутешительную статистику” усмотрели, ...но вот все утверждения о том, что вакцинированные болеют чаще, чем невакцинированные, основаны на грубом передергивании.**

(2) Б: **Не чаще, а также. Прочитайте Профессора, несколько дней назад графики были. Но вообще “вакцинированные болеют чаще, чем невакцинированные” – по крайней мере для двух вакцин не так уж невероятно звучит. Недоказано, да. Но не невероятно и безо всяких передергиваний.**

(3) А: **Не видел я тут никаких графиков, которые оправдывали бы это заявление. Подозреваю, что Вы оные графики неверно интерпретировали. Более того, за пределами РФ нет предубеждения против проведения нескольких не связанных прививок в один день**

(4) Б: **О каких предубеждениях в РФ Вы говорите мне неизвестно – в национальном прививочном календаре множество комбинированных вакцин. Но это все вакцины, направленные против разных возбудителей бактериальной природы. Про**

вирусные поливакцины мне лично ничего неизвестно. Ни у нас, ни “за пределами”¹.

Разворачивающийся диалог является ярким примером осуществления нейтрализации конфликта и попытки осуществления примирения с агрессором.

Нежелание провокатора признавать приводимые аргументы, попытка изобличить оппонента во лжи наблюдаются в первом и третьем комментариях и представляют собой реализацию стратегии разоблачения посредством тактики выражения недоверия. Некоторую категоричность высказываниям придают пропуск личного местоимения 1-го лица единственного числа «я» (*не знаю, не видел, подозреваю*), частотность отрицательных форм – глаголов, усиленных отрицательным местоимённым прилагательным (*никакой*), отрицательным наречием (*неверно*). Подобная категоричность, чередуясь с неуместными в анализируемом контексте книжным *усматривать* (данная лексема в Толковом словаре С. И. Ожегова² имеет помету «книжн.») и устаревшим *оный* (в Толковом словаре Д. Н. Ушакова³ имеет помету «устар.»), выглядит как откровенная насмешка над позицией оппонента.

Вежливое прямое обращение к собеседнику с использованием личного местоимения *Вы*, написанного с прописной буквы, диссонирует с обвинением собеседника в намеренно искажённой передаче информации о заболеваемости (*грубое передергивание*), в попытке уличить обманщика (наречие *более того*).

Комментарии (2) и (4) не показывают явной агрессии в ответ на тактику выра-

жения недоверия. Собеседник не меняет темы разговора, что исключает попытку нейтрализации конфликта. Наоборот, прослеживается реализация стратегии убеждения с помощью тактики ссылки на авторитет и тактики рассуждения / уговора (комментарий (2)), а также стратегии самопрезентации с помощью тактики дистанцирования. Речь героя Б характеризуется использованием императива (*Прочитайте Профессора*), наличием усилительной частицы *уж* при наречии для подчёркивания его значения – *не так уж невероятно*, присутствием двойного отрицания (*не невероятно*), попыткой поправить оппонента (*не чаще, а также*), одновременным признанием своей неаргументативности и нежеланием уступить оппоненту (*но не невероятно*). Комментарий (4), являющийся проявлением тактики дистанцирования, показывает неосведомлённость героя Б, выражаемую с помощью отрицательных форм (*ни у нас, ни “за пределами”, неизвестно*), и демонстрирует отсутствие какого-либо мнения по волнующему оппонента вопросу. Использование личного местоимения *Вы*, написанного с прописной буквы, показывает сохранение вежливой тональности общения.

Попытка примирения и продолжения переписки оказывается удачной, обмен комментариями продолжается.

Провокация собеседника на открытую конфронтацию наблюдается также в примере (II).

II. (1) А: *Постоянно прививаться Спутником однозначно нельзя. Это понятно даже без мед.образования. Ревакцинироваться после первоначальной прививки Спутник-V нужно другой, не «генномодифицированной» вакциной.*)

(2) Б: *Без образования всегда всё понятнее.*

(3) А: *Это было МОЁ субъективное мнение.) Вы же вольны поступать как Вам хочется!))*⁴

¹ Сравнение эффективности Спутников, ЭпиВакКорона и КовиВак в реальных условиях в Санкт-Петербурге [Электронный ресурс]. URL: https://prof-afv.livejournal.com/120289.html?media&ila_campaign=medius&ila_location=category_koronavirus&ila_context=koronavirus_block (дата обращения: 21.01.2023); комментарии от 03.02.2022 – 04.02.2022

² Усматривать // Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс] URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/253538> (дата обращения: 27.01.2023)

³ Оный // Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс] URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/902450> (дата обращения: 20.08.2022).

⁴ Сравнение эффективности Спутников, ЭпиВакКорона и КовиВак в реальных условиях в Санкт-Петербурге [Электронный ресурс]. URL: <https://prof-afv.livejournal.com/120289>.

Правильность собственной позиции герой А демонстрирует, прибегая к стратегии убеждения, а именно тактике рассуждения / уговора (комментарий 1), используя конструкцию с усилительной частицей *даже* (*Это понятно даже без мед.образования*). Комментарий (2) относительно размышлений героя А звучит оскорбительно. Гипербола и оксюморон (*Без образования всегда всё понятнее*) подтверждают применение тактики колкости, обеспечивающей реализацию стратегии дискредитации.

Попытка оправдаться и защитить себя, сгладив возникшую напряжённую ситуацию, реализуется в комментарии (3) посредством применения стратегии самопрезентации и тактики дистанцирования. Резкому противопоставлению собственного образа и образа собеседника способствует выстроенная автором антитеза. Данный приём обеспечивается с помощью притяжательного местоимения *МОЁ*, которое отмечено в тексте графически, прилагательного *субъективный*, актуализирующих высокую персонализацию высказывания. Усилительная частица *же*, местоимения *Вы*, *Вам* выявляют создаваемую автором оппозицию «свой – чужой». Положительный настрой подтверждается наличием «улыбающихся смайликов». Необходимо отметить, что обмен комментариями между героями в рассматриваемой ветке продолжается далее без оскорблений и колкостей в адрес друг друга.

Желание сгладить нарастающий конфликт прослеживается и в примере (III).

III. (1) А: *То что я написал это веские основания для начала расследования.*

(2) Б: *То, что ты накалякал, как раньше не имело, так и до сих пор не имеет ни малейших подтверждений. Это же касается и высосанного тобой из пальца “расследования”. На остальную же твою белиберду мне даже 5 минут жаль тратить.*

(3) А: *Стенограмма, про которую я написал, выложена на сайте сената США.*

(4) Б: *Я тебе уже ясно сказал другими слова, что ты – п*зд*бол, трепло гнилое, поскольку не в состоянии отвечать за свои слова. Куда уж популярнее? А если к тому же ещё слепой, то очки вытпши. Так допёрло?*

(5) А: *Оставьте агрессию! Угмонитесь! Я опираюсь на документальные источники. Которые не дают 100% доказательств. Но дают основания для обоснованных подозрений.*¹

Анафора при комментировании высказывания (1) и замена нейтрального глагола (*написать*) глаголом с явной отрицательной коннотацией, показывающим неумелость и неправильность совершённого действия *накалякать* (данная лексема в Большом толковом словаре русского языка² имеет помету «разг.»), акцентируют внимание на презрительном, уничижительном отношении героя Б к позиции автора комментария (1) и к самому автору.

Попытка дискредитировать героя А продолжена в комментарии (2) с помощью двойного отрицания и формируемой литоты (*не имеет ни малейших подтверждений*), фразеологизма *высосать из пальца* (согласно Фразеологическому словарю русского литературного языка³, фразеологизм имеет пометы «разг.» и «экспрес.»), лексемы с негативной семантикой *белиберда* (данная лексема в Толковом словаре С. И. Ожегова⁴ трактуется как

[html?media&ila_campaign=medius&ila_location=category_koronavirus&ila_context=koronavirus_block](https://scinquisitor.livejournal.com/204679.html?media&ila_campaign=medius&ila_location=category_koronavirus&ila_context=koronavirus_block) (дата обращения: 21.01.2023); комментарии от 04.02.2022).

¹ Сенсация! Коронавирус создан искусственно! (Нет) [Электронный ресурс]. URL: https://scinquisitor.livejournal.com/204679.html?media&ila_campaign=medius&ila_location=category_koronavirus&ila_context=koronavirus_block (дата обращения: 21.01.2023); комментарии от 01.11.2022

² Накалякать // Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / гл. ред. С. А. Кузнецов. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=накалякать&all=x> (дата обращения: 29.01.2023).

³ Высосать из пальца // Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс]. URL: <https://rus-phraseology-dict.slovaronline.com/2376-Высосать%20из%20пальца> (дата обращения: 29.01.2023).

⁴ Белиберда // Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.

«вздор, бессмыслица, чепуха» и имеет помету «разг.»), оценивающей точку зрения героя А как абсолютную глупость. Таким образом, герой Б реализует тактику непрямого оскорбления, которая сменяется тактикой прямого оскорбления в комментарии (4): использование обценной лексики (*n*зд*бол*), порицательной характеристики *трепло* (данная лексема отмечена пометой «разг.-сниж.» в Современном толковом словаре русского языка Т. Ф. Ефремовой¹), дополненной эпитетом с отрицательной коннотацией, акцентирующим отсутствие у адресанта нравственных норм (*гнилое*), приписывание несуществующих проблем со здоровьем и предложение неуместных решений (*если к тому же ещё слепой, то очки вытщиши*), использование неполного вопросительного предложения с лексемой *допереть*, отмеченной пометой «разг.-сниж.» в Современном толковом словаре русского языка Т. Ф. Ефремовой².

Реакцией на оскорбительные комментарии (2) и (4) является попытка обоснования собственной позиции с помощью стратегии убеждения, тактики ссылки на авторитет (*Стенограмма, про которую я написал, выложена на сайте сената США*). Показательно желание героя А после получения подобных агрессивных сообщений объяснить собственную позицию и возможные ошибки. Восклицательные предложения (*Оставьте агрессию! Угломнитесь!*), парцелированные конструкции (*Я опираюсь на документальные источники. Которые не дают 100% доказательств. Но дают основания для обоснованных подозрений*) указывают на эмоциональное напряжение героя А, который при

этом не вступает в открытый конфликт и стремится продолжать коммуникацию в более мирном русле.

Сглаживанием конфликта можно считать применение этикетных формул (см. пример IV).

IV. (1) А: *Фактом своего существования неприкрытые мешают. Такое терпеть невыносимо.*

(2) Б: *Почему ты идиот?*

(3) А: ***И Вам доброго здоровья, мой друг!***

(4) Б: *Вместо ответа на прямой вопрос, пишет какую-то хрень... Зачем пишет? Дислексия?*

(5) А: ***Извините**, но ответ на прямой вопрос зависит от Вашего внутреннего состояния³.*

Ответ на прямое оскорбление (*Почему ты идиот?*) с использованием дружеского обращения (*мой друг*), местоимений *Вам, Вашего*, написанных с прописной буквы, этикетного приветствия (*доброго здоровья*), сохранение подчёркнуто-вежливого регистра общения (*Извините, но...*) позволяют избежать развития конфликта, обеспечивают функцию «профилактики конфликта» [10].

Согласие с мнением собеседника даже в случае получения от него оскорбительных сообщений сглаживает активное развитие конфликта в сети. В частности, в примере (V) реакцией на приписывание оппоненту приверженности к неодобряемому диктаторскому режиму (*фашист*) является ироничное признание данных качеств и самостоятельное приписывание себе аналогичных характеристик (*Разумеется, фашист. А еще — имперец-ордынец*).

V. (1) А: *Согласен, это по экономике планеты бьёт сильно, даже очень. Что делать? А ничего. Игнорировать. ... Человечество уж слишком завернуто в вату, пора платить по счетам.*

Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс] URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/277154> (дата обращения: 27.01.2023).

¹ Трепло // Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс] URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/255576> (дата обращения: 29.01.2023).

² Допереть // Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс] URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/159917> (дата обращения: 29.01.2023).

³ Кто истощил иммунитет: блогеры или прививки? [Электронный ресурс]. URL: https://scinquisitor.livejournal.com/198406.html?media&ilacampaign=medius&ilalocation=category_koronavirus&ilacategory=koronavirus_block (дата обращения: 21.01.2023); комментарии от 10.01.2022, 18.01.2022, 19.01.2022.

(2) Б: Ты просто **фашист**, раз так рассуждаешь.

(3) А: Я тут это давно подтвердил. **Разумеется, фашист**. А еще – имперец-ордынец.

(4) Б: Он даже не скрывает того, что **фашист**¹.

Заключение

Работа с эмпирической базой, а именно с ветками комментариев, опубликованных к постам в Живом Журнале в период пандемии и включающих в себя провокационную реплику-стимул, ответ в виде реплики-примирения и продолжение коммуникации с провокатором конфликта без изменения темы дискуссии, позволила

определить коммуникативные стратегии и тактики, применяемые пользователями и обеспечивающие сглаживание конфликта в интернет-среде. Наиболее частотными коммуникативными стратегиями и тактиками в речи виртуальных пользователей, желающих уйти от прямой эскалации конфликта и продолжить общение с собеседником по заданной теме дискуссии, в указанный период по итогам исследования явились следующие: стратегия убеждения – тактика ссылки на авторитет, тактика рассуждения / уговора, стратегия разоблачения – тактика выражения недоверия, стратегия самопрезентации – тактика дистанцирования.

Статья поступила в редакцию 10.03.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белова Е. В. Модель конфликтной языковой личности в бытовом конфликтном дискурсе [Электронный ресурс] // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 114. URL: <http://ej.kubagro.ru/2015/10/pdf/100.pdf> (дата обращения: 17.02.2022).
2. Белоус Н. А. Социокультурный аспект анализа речевого конфликтного поведения // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 62. С. 30–36.
3. Гукосьянц О. Ю., Алимуратов О. А. Тактики развёртывания конфликта в интернет-коммуникации периода пандемии COVID-19 // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 1. С. 58–66.
4. Гукосьянц О. Ю., Алимуратов О. А., Хакиева З. У. Коммуникативные стратегии и тактики троллей-агрессоров в интернет-опосредованной коммуникации периода пандемии COVID-19 // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 7. С. 175–196.
5. Гулакова И. И. Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орёл, 2004. 19 с.
6. Жельвис В. И. Оскорбление и оскорбляемость в ситуации письменного сетевого общения // Социальные сети: комплексный лингвистический анализ. Т. III. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2022. С. 144–149.
7. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: ЛКИ, 2008. 288 с.
8. Седов К. Ф. Типы языковых личностей по способности к кооперации в речевом поведении // Проблемы речевой коммуникации: межвузовский сборник научных трудов. Саратов, Саратовский университет, 2000. С. 6–12.
9. Сейранян М. Ю. Конфликтный дискурс: социолингвистический и прагмалингвистический аспекты. М.: Прометей, 2012. 96 с.
10. Стернин И. А. Русский речевой этикет. Воронеж: ВОИПКРО, 1996. 73 с.
11. Третьякова В. С. Речевой конфликт и гармонизация общения: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 36 с.
12. Чумиков А. Н. Конфликтные коммуникации в медийном поле // Коммуникология. 2021. Т. 9. № 2. С. 125–142.
13. Asher N., Lascarides A. Strategic Conversation [Электронный ресурс] // Semantics & Pragmatics. 2013. Vol. 6. URL: <https://doi.org/10.3765/sp.6.2> (дата обращения: 17.02.2022).

¹ Главное – ЖЖ [Электронный ресурс]. URL: https://mirovich.media/730878.html?utm_source=recent (дата обращения: 17.02.2022); комментарии от 01.02.2021.

14. Chiluya I. Introduction: Discourse, Conflict and Conflict Resolution [Электронный ресурс] // *Discourse and Conflict: Analysing Text and Talk of Conflict, Hate and Peace-Building*, 2021. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-76485-2_1 (дата обращения: 17.02.2022).
15. Fomin A. G., Yakimova N. Communication Strategies in Conflict Discourse: Cross-Cultural Experimental Research // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2016. Vol. 236. P. 65–70.
16. Graham S. L. Interaction and Conflict in Digital Communication // *The Routledge Handbook of Language in Conflict* / ed. M. Evans, L. Jeffries, J. O'Driscoll. London: Routledge, 2019. P. 310–328.
17. Mojica L. G. Modeling Trolling in Social Media Conversations [Электронный ресурс] // *Proceedings of the Eleventh International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC-2018)*. URL: <https://www.semanticscholar.org/reader/1a7e9e91305d4b2c9773a51d915a057194b194df> (дата обращения: 09.10.2022).
18. Ozoh P., Adigun A., Olayiwola M. O. Identification and Classification of Toxic Comments on Social Media Using Machine Learning Techniques // *International Journal of Research and Innovation in Applied Science (IJRIAS)*. 2019. Vol. 4. № 11. P. 142–147.
19. Zhu L. Framing the Political Conflict Discourse in Chinese Media: A Case Study of Sino-US Trade Dispute // *Journal of Language and Politics*. 2022. Vol. 21. № 6. P. 867–889.

REFERENCES

1. Belova E. V. [A Model of the Conflict Linguistic Personality in Everyday Conflict Discourse]. In: *Politematicheskij setevoy elektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Polythematic Network Electronic Scientific Journal of the Kuban State Agrarian University], 2015, no. 114. Available at: <http://ej.kubagro.ru/2015/10/pdf/100.pdf> (accessed: 17.02.2022).
2. Belous N. A. [Socio-cultural Aspect of Analysis of Speech Conflict Behavior]. In: *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena* [News of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen], 2008, no. 62, pp. 30–36.
3. Gukosyants O. Yu., Alimuradov O. A. [Tactics of Conflict Development in Internet Communications during the COVID-19 Pandemic]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2023, no. 1, pp. 58–66.
4. Gukosyants O. Yu., Alimuradov O. A., Khakiyeva Z. U. [Communicative Strategies and Tactics of Trolls-Aggressors in Computer-Mediated Communication during COVID-19 Pandemic]. In: *Nauchnyj dialog* [Scientific Dialogue], 2022, vol. 11, no. 7, pp. 175–196.
5. Gulakova I. I. *Kommunikativnye strategii i taktiki rechevogo povedeniya v konfliktnoj situacii obshcheniya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Communicative Strategies and Tactics of Speech Behavior in a Conflict Situation of Communication: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Oryol, 2004. 19 p.
6. Zhelvis V. I. [Insult and Insultability in the Situation of Written Network Communication]. In: *Social'nyye seti: kompleksnyj lingvisticheskij analiz. T. III* [Social Networks: Complex Linguistic Analysis. Vol. III]. Kemerovo, Kemerovo State University Publ., 2022, pp. 144–149.
7. Issers O. S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi* [Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech]. Moscow, LKI Publ., 2008. 288 p.
8. Sedov K. F. [Types of Linguistic Personalities according to the Ability to Cooperate in Speech Behavior]. In: *Problemy rechevoj kommunikacii: mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov* [Problems of Speech Communication: Interuniversity Collection of Scientific Papers]. Saratov, Saratov University Publ., 2000, pp. 6–12.
9. Seiranyan M. Yu. *Konfliktnyj diskurs: sociolingvisticheskij i pragmalingvisticheskij aspekty* [Conflict Discourse: Sociolinguistic and Pragmalinguistic Aspects]. Moscow, Prometej Publ., 2012. 96 p.
10. Sternin I. A. *Russkij rechevoj etiket* [Russian Speech Etiquette]. Voronezh, VOIPKRO Publ., 1996. 73 p.
11. Tretyakova V. S. *Rechevoj konflikt i garmonizaciya obshcheniya: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Speech Conflict and Harmonization of Communication: Abstract of Dr. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2003. 36 p.
12. Chumikov A. N. [Conflict Communications in Modern Media]. In: *Kommunikologiya* [Communicology], 2021, vol. 9, no. 2, pp. 125–142.
13. Asher N., Lascarides A. Strategic Conversation. In: *Semantics & Pragmatics*, 2013, vol. 6. Available at: <https://doi.org/10.3765/sp.6.2> (accessed: 17.02.2022).
14. Chiluya I. Introduction: Discourse, Conflict and Conflict Resolution. In: *Discourse and Conflict: Analysing Text and Talk of Conflict, Hate and Peace-Building*, 2021. Available at: https://doi.org/10.1007/978-3-030-76485-2_1

76485-2_1 (accessed: 17.02.2022).

15. Fomin A. G., Yakimova N. Communication Strategies in Conflict Discourse: Cross-Cultural Experimental Research. In: *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2016, vol. 236, pp. 65–70.
16. Graham S. L. Interaction and Conflict in Digital Communication. In: Evans M., Jeffries L., O’Driscoll J., eds. *The Routledge Handbook of Language in Conflict*. London, Routledge, 2019, pp. 310–328.
17. Mojica L. G. Modeling Trolling in Social Media Conversations. In: *Proceedings of the Eleventh International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC-2018)*. Available at: <https://www.semanticscholar.org/reader/1a7e9e91305d4b2c9773a51d915a057194b194df> (accessed: 09.10.2022).
18. Ozoh P., Adigun A., Olayiwola M. O. Identification and Classification of Toxic Comments on Social Media Using Machine Learning Techniques. In: *International Journal of Research and Innovation in Applied Science (IJRIAS)*, 2019, vol. 4, no. 11, pp. 142–147.
19. Zhu L. Framing the Political Conflict Discourse in Chinese Media: A Case Study of Sino-US Trade Dispute. In: *Journal of Language and Politics*, 2022, vol. 21, no. 6, pp. 867–889.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гукосьянц Ольга Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры западноевропейских языков и культур Института переводоведения, русистики и многоязычия, научный сотрудник научно-образовательного центра «Прикладная лингвистика, терминоведение и лингвокогнитивные технологии» Пятигорского государственного университета;
e-mail: gukosjants@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga Yu. Gukosyants – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Assoc. Prof., Department of West-European Languages and Cultures, Institute of Translatology, Russian Studies, and Multilingualism, researcher of the Scientific-Educational Center of Applied Linguistics, Terminology Studies and Linguacognitive Technologies, Pyatigorsk State University;
e-mail: gukosjants@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гукосьянц О. Ю. Сглаживание конфликта в интернет-опосредованной коммуникации (на примере комментариев к постам в Живом Журнале в период пандемии COVID-19) // Отечественная филология. 2023. № 5. С. 50–58.

DOI: 10.18384/2949-5008-2023-5-50-58

FOR CITATION

Gukosyants O. Yu. Conflict Accommodation in Internet-Mediated Communication (The Study of Comments for the Livejournal Posts During the COVID-19 Pandemic). In: *Russian Studies in Philology*, 2023, no. 5, pp. 50–58.

DOI: 10.18384/2949-5008-2023-5-50-58

УДК 82,42

DOI: 10.18384/2949-5008-2023-5-59-70

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА: КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Колесников В. В., Логинов А. В.

Московский педагогический государственный университет

119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, с. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Установить особенности стиля говорящего в деловой ситуации топливно-энергетического дискурса, имеющего лингвосоциальную природу, дать качественную характеристику языковым единицам во взаимодействии с речевой ситуацией и коммуникативной целеустановкой, а также определить языковые механизмы урегулирования коммуникативного действия участников общения (тип текста, средства адресации, характер отношений участников коммуникации, субъектно-объектные отношения, тип речевой ситуации).

Процедура и методы. В процессе исследования были использованы методы комплексного, компонентного, оппозитивного, дистрибутивного анализа и корпусного описания; функциональный и стилистический анализы текста.

Результаты. Анализ минимальных единиц языка, различных специальных текстов политической сферы топливно-энергетического комплекса, ставших результатом профессиональной речевой деятельности в общественно-политической ситуации и культурно-исторических условиях, позволил определить коммуникативно-прагматические особенности политического дискурса: 1) жанр письменного / печатного или устного текста (например, документ, правовой акт, выступление и проч.); 2) обозначение темы дискурсивного текста и его актуализация; определение стилевых черт и языковых особенностей (консервативность и стандартизованность); 3) понятность текста (использование общеизвестной лексики; незначительная грамматическая усложненность; призывность, агитационность; эмоциональная выразительность); 4) объективность изложения (обозначение конкретных результатов, статистических данных); 5) выражение субъективной модальности (прежде всего выражение позитивного отношения с помощью модальных слов и выражений, вводных и вставных конструкций, эмоционально-оценочной лексики).

Теоретическая и/или практическая значимость. Установлены коммуникативно-прагматические и жанровые особенности политического дискурса топливно-энергетического комплекса как особого вида деловой коммуникации; определены стилеобразующие единицы; описаны языковые средства организации специализированных текстов. Результаты исследования могут быть использованы в практике преподавания лингвистических дисциплин «Семантика текста», «Прагматика текста», «Стилистика русского языка», «Теория жанров», «Деловая коммуникация», «Язык и речь», «Дискурсивные практики», «Нормы русского литературного языка», а также при чтении спецкурсов и спецсеминаров.

Ключевые слова: дискурсивный текст, лингвистические и паралингвистические особенности, коммуникативно-прагматический аспект, композиционное, семантическое и прагматическое единство, политический дискурс, топливно-энергетический комплекс

POLITICAL DISCOURSE OF THE FUEL AND ENERGY COMPLEX: COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC ASPECT

V. Kolesnikov, A. Loginov

Moscow Pedagogical State University

ul. Malaya Pirogovskaya 1 bld. 1, Moscow 119991, Russian Federation

© CC BY Колесников В. В., Логинов А. В., 2023.

Abstract

Aim. To establish the peculiarities of the speaker's style in a business situation of fuel and energy discourse of linguistic and social nature, to give a qualitative characteristic of language units in interaction with the speech situation and communicative goal setting, as well as to determine the language mechanisms for regulating the communicative action of the communication participants (type of text, means of addressing, the nature of communication participants' relationships, subject-object relations, type of speech situation).

Methodology. During the research, the methods of complex, component, oppositional, distributive analysis and corpus description were used as well as the functional and stylistic text analysis.

Results. The analysis of the minimal language units, various special texts that have become the result of professional speech activity in the socio-political situation and cultural and historical conditions, allowed us to determine the following communicative and pragmatic features of political discourse: 1) genre of written / printed or oral text (for example, document, legal act, speech, etc.); 2) designation of the topic of the discursive text and its actualization; definition of stylistic and linguistic features (conservatism and standardization); 3) clarity of the text (the use of well-known vocabulary; minor grammatical complexity of the text; inevitability, agitation; emotional expressiveness) 4) the objectivity of the presentation (the designation of specific results, statistical data); 5) the expression of subjective modality (primarily the expression of a positive attitude by means of modal words and expressions, introductory and insertion constructions, emotional and evaluative vocabulary).

Research implications. In this article, communicative-pragmatic and genre features of the political discourse of the fuel and energy complex as a special type of business communication were established; style-forming units were identified; linguistic means of organizing specialized texts were described. The research results can be used in the practice of teaching such linguistic disciplines as "Semantics of the text", "Pragmatics of the text", "Stylistics of the Russian language", "Theory of Genres", "Business communication", "Language and Speech", "Discursive practices", "Norms of the Russian literary language", as well as when conducting special courses and seminars.

Keywords: discursive text; linguistic and paralinguistic features; communicative and pragmatic aspect; compositional, semantic, and pragmatic unity; political discourse, fuel and energy complex.

Введение

В последней четверти XX в. языковые единицы подвергаются многомерному анализу, становятся самостоятельными предметами научного описания (например, текст документа и суждение), лингвистами рассматриваются «нюансы» вербальной работы, речевого взаимодействия и коммуникации¹. Описание коммуникативно-прагматического аспекта политического дискурса топливно-энергетического комплекса (далее – ТЭК) позволяет установить особенности стиля говорящего в ходе коммуникации², дать качественную характеристику языко-

вым единицам во взаимодействии с речевой ситуацией и коммуникативной целеустановкой, а также определить языковые механизмы урегулирования коммуникативного действия участников общения (тип текста, средства адресации, характер отношений участников коммуникации, субъектно-объектные отношения, речевую ситуацию (ситуацию общения))³. Речевая ситуация потенциально определяет выбор языковых средств и коммуникативных стратегий для достижения коммуникативной целеустановки, а также для создания специального текста и реализации его семантики.

Дискурс (от франц. discours – «речь») находится «между» языком и речью и характеризуется следующими признаками: а) представляет собой *связную последовательность* речевых актов; б) это есть об-

¹ См.: Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137; Красных В. В. Этнопсихология и лингвокультурология: курс лекций. М.: Гнозис, 2002. 284 с.; [6].

² Тураева З. Я. Лингвистика текста (Текст: структура и семантика): учебное пособие. М.: Просвещение, 1996. 127 с.; [8; 16; 17].

³ Глазков А. В. Семантика: от слова к тексту: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2022. 490 с.; [8; 23].

разование, включённое в коммуникативно-прагматический контекст [1; 5; 12].

Теоретические основы политического дискурса

В отечественной и зарубежной лингвистической науке в настоящее время большое количество работ посвящено определению дискурса¹, однако однозначного его толкования до сих пор не существует. Долгое время понятие «дискурс» заменялось термином «текст» [18]. Появились отдельные исследования и по политическому дискурсу СМИ [14], где «политический дискурс» характеризуется двумя основными свойствами (манипулятивностью и технологичностью), находящимися в причинно-следственных отношениях и позволяющими достичь искомого результата [14], например: целью политического дискурса ТЭК являются глобальное использование и распределение ресурсов ТЭК, а также решение вопросов безопасности и защищённости объектов и субъектов ТЭК.

Коммуникативно-прагматический аспект политического дискурса позволяет рассмотреть минимальные единицы языка различных специальных текстов (законов, актов, распоряжений, выступлений и проч.) разных форм (печатных, электронных или устных), которые являются результатом (продуктом) профессиональной речевой деятельности (коммуникации и взаимодействия) людей в общественно-политической ситуации (обстоятельствах) и культурно-исторических условиях².

Политический дискурс понимается нами как особый вид деловой коммуникации, представляющий собой «социально обусловленную и профессионально закреплённую систему рационально организованных

правил взаимоотношений отдельных языковых моделей предложений-высказываний и словоупотреблений в структуре специальной (узконаправленной) речевой деятельности» [10, с. 106], предполагающий использование различных типов текстов (проектов, переговоров, соглашений и др.), направленных на развитие международных отношений в сфере топливно-энергетической политики, с включением в текст терминов и понятий ТЭК (например, терминов *газ*, *нефть*, *договор* и проч. [9]), представляющих собой систему профессиональной лексики данной отрасли, высокоспециализированной, систематической, являющейся отражением социально-экономического развития общества, имеющей закрытый характер и включающей «подъязыки» *топливной* (угольной, газовой, нефтяной, торфяной) и *энергетической* (электроэнергетики) промышленности (см., например, термины *угольной* промышленности; термины *газовой* промышленности; термины *торфяной* промышленности)» [9, с. 128]³.

В науке стало развиваться отдельное направление «критической лингвистики» – **дискурс-анализ** [2; 11], который понимается неоднозначно (discourse analysis): 1) исследование сверхфразовых единиц языка; 2) социокультурная интерпретация речевой деятельности; 3) выделение социальных, формальных и содержательных (смысловых) компонентов.

Анализ дискурсивного текста топливно-энергетического комплекса

Анализ дискурсивного текста состоит из следующих основных пунктов: 1) определение границ текста (делимитация); 2) определение типа текста; 3) установка темы текста; 4) выявление структуры тек-

¹ Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137; [1; 5; 6; 7; 12; 19; 21] и мн. др.

² Глазков А. В. Семантика: от слова к тексту: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2022. 490 с.; Формановская М. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход: учебное пособие. М.: Русский язык, 2002. 216 с. [3; 8; 9; 13; 20].

³ См. также: ГОСТ 17070-87 Угли. Термины и определения (с поправкой): Госстандарт, 2003. М.: ИПК Издательство стандартов, 2003; ГОСТ 21123-85. Группа А00. Государственный стандарт Союза ССР. Торф. Термины и определения. М.: Издательство стандартов, 1985; Каменников А. Н. Словарь терминов газовой промышленности [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litres.ru/nikolay-aleksandrovich-kamennikov/slovar-terminov-gazovoy-promyshlennosti> (дата обращения: 10.01.2023).

ста; 5) демонстрация внутритекстовых особенностей разных типов связей и отношений (например, графические и знаковые выделения); 6) выявление стилистических особенностей текста; 7) определение прагматической сущности текста [8, с. 67].

Текст состоявшегося дискуссия как коммуникативно-прагматического события социокультурного характера представляет собой особую цельную единицу коммуникации, содержащую сообщение о фрагменте мира, созданное по замыслу повествователя (автора), обладающее композиционным, семантическим и прагматическим единством, обработанное в соответствии со стилистическими нормами и функциями языка. В результате создаётся коммуникативно-прагматическая ситуация, в которой реализуется языковой знак и обеспечивается адекватное понимание коммуникантами (участниками процесса коммуникации) языкового значения в структуре смыслового содержания предложения-высказывания через реализацию их прагматосемантики [1]. Ср., разножанровые тексты [22]: I. *Поздравление* Президента России. Владимир Путин принял участие в мероприятии по случаю 30-летия ПАО «Газпром»; II. *Руководящие документы, Основные нормативно-правовые акты (законы)*; III. *Интервью* Председателя Правления ПАО «Газпром» Алексея Миллера по итогам собрания акционеров:

I. Президент России Владимир Путин принял участие в мероприятии по случаю 30-летия ПАО «Газпром»¹; жанр – «Поздравление» (см.: *Сегодня мы отмечаем 30-летие...; Рад поздравить с этой значимой датой всех вас...; ... наши самые тёплые слова и добрые пожелания – в адрес ветеранов...; ... ещё раз поздравить работников «Газпрома» с юбилеем компании и поблагодарить вас за отличную работу на благо наших граждан, всей нашей огромной страны, пожелать вам новых достижений...*); стиль –

публицистический; общественно-политическая сфера; актуальность темы обозначена в начале *ПОЗДРАВЛЕНИЯ – о мировом значении компании «Газпром», одной «из крупнейших, ведущих компаний России» и глобального мирового лидера «по запасам, добыче и поставкам природного газа», и обеспечении «заказами высокотехнологичный отечественный бизнес»*; цель – информационная и воздействующая). Текст представлен в сокращённом виде; в нём нами выделены ключевые языковые единицы (слова, словосочетания, части предложений) и термины **общественно-политические и экономические** в сфере ТЭК [5], важные для анализа политического дискурса: термины **по ‘способам и методам разработки топливно-энергетического сырья’**: *по запасам, добыче и поставкам природного газа; газовой промышленности, освоение богатейших, уникальных месторождений, прокладывали энергетические маршруты мирового значения; и геологоразведка, и добыча, и глубокая переработка сырья; центры газодобычи; ‘номинации объектов ТЭК’*: *(Амурский) газоперерабатывающий завод, магистральный газопровод*, важные для анализа политического дискурса **термины и понятия, процессы и действия топливно-энергетической политики (ТЭП)**: *отвечает национальным интересам, целям и приоритетам России как большой державы, одного из суверенных центров многополярного мира*; языковые единицы топливно-энергетической политики – *известной на весь мир компании «Газпром»; это одна из крупнейших, ведущих компаний России и глобальный лидер*; термины ТЭК экономической сферы: ... более половины такого **прироста** придется на страны Азиатско-Тихоокеанского региона; **темпы роста экономики; стратегическую важность для России приобретает дальнейшее развитие уже созданного на востоке нашей страны; международной торговли** и т. д. (выделено нами. – В. К., А. Л.).

II. *Руководящие документы, основные нормативно-правовые акты (законы)*, регулирующие вопросы обеспечения без-

¹ Президент России Владимир Путин принял участие в мероприятии по случаю 30-летия ПАО «Газпром» // Газпром: [сайт]. URL: <https://www.gazprom.ru/press/news/2023/february/article561719> (дата обращения: 25.03.2023).

опасности и антитеррористической защищённости объекта ТЭК, приведены в разделе сайта «Законодательство», подраздел «Законодательство по безопасности ТЭК», в которых используется **общественно-политическая терминология** ТЭК, см.: «...**Безопасность объекта топливно-энергетического комплекса (ТЭК)** – это состояние защищённости объекта ТЭК от актов незаконного вмешательства.

Антитеррористическая защищённость объекта топливно-энергетического комплекса (ТЭК) – это состояние защищённости объекта ТЭК, препятствующее совершению на нём террористического акта. ...

Под **актом незаконного вмешательства (АНВ)** в деятельность **объекта ТЭК** понимается любое противоправное действие (бездействие), в том числе террористический акт или покушение на его совершение, угрожающее безопасному функционированию **объекта топливно-энергетического комплекса**, повлекшее за собой причинение вреда жизни и здоровью людей, повреждение или уничтожение имущества либо создавшее угрозу наступления таких последствий.

Под **террористическим актом** понимается совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях»¹.

Перечень потенциальных угроз совершения АНВ на **объектах ТЭК** определяется Постановлением Правительства РФ от 02.10.2013 № 861² и состоит из перечня семи

основных угроз, в котором используются **технические и технологические термины** ТЭК: «**Ответственность за обеспечение безопасности и антитеррористической защищённости объекта ТЭК возложена на субъект ТЭК**»: «**под субъектом ТЭК** понимается физическое и/или юридическое лицо, владеющее на праве собственности или ином законном праве (договор аренды, договор оперативного управления и пр.) **объектом топливно-энергетического комплекса**» (выделяются термины-понятия (объект и субъект ТЭК; договор, право; лицо), термины-признаки (антитеррористической защищённости; физическое и/или юридическое лицо; оперативного управления; топливно-энергетического комплекса)) и т. д. Для целей ФЗ № 256 «**под объектами ТЭК** понимаются **объекты электроэнергетики, нефтедобывающей, нефтеперерабатывающей, нефтехимической, газовой, угольной, сланцевой и торфяной промышленности, а также объекты нефтепродуктообеспечения, теплоснабжения и газоснабжения**», приведены термины, обозначающие «**вид источника топливной энергетики**»³.

Из числа объектов энергетики выделяют **линейные объекты ТЭК** – «**система линейно-протяжённых объектов топливно-энергетического комплекса** (электрические сети, магистральные газопроводы, нефтепроводы и нефтепродуктопроводы), предназначенных для обеспечения передачи электрической энергии, транспортировки газа, нефти и нефтепродуктов.

К объектам ТЭК относятся объекты, указанные в Приказе Минэнерго России от 10.02.2012 № 48⁴.

Объект ТЭК может представлять собой **комплекс технологических и технических**

об угрозах совершения и о совершении актов незаконного вмешательства на объектах топливно-энергетического комплекса» // Гарант.ру: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/70464138> (дата обращения: 20.07.2023).

³ Красник В. В. Коммерческая электроэнергетика: словарь-справочник. М.: ЭНАС, 2006. 46 с.

⁴ Приказ Минэнерго России № 48 от 10.02.2012 // РосБезопасность: [сайт]. URL: <https://rossafety.ru/zakonodatelstvo/tek/prikaz-48/> [<https://rossafety.ru/zakonodatelstvo/tek/prikaz-48>] (дата обращения: 20.07.2023).

¹ Федеральный закон от 21.07.2011 г. № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» (с изменениями и дополнениями) // Гарант.ру: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/12188188> (дата обращения: 20.07.2023).

² Постановление Правительства РФ от 02.10.2013 № 861 «Об утверждении Правил информирования субъектами топливно-энергетического комплекса

терминов, относящихся к отдельным лексико-семантическим группам конкретных имён существительных: **здания, помещения** (строения и сооружения) и **их части; системы и территории** (земельные участки); **стиль** – официально-деловой; **сфера** – общественно-политическая; **актуальность темы** обозначена формой документа – правовой акт; используется ряд специальных терминов и понятий; вопросы обеспечения безопасности и антитеррористической защищённости объектов топливно-энергетического комплекса (ТЭК) регулируются **Федеральным законом** от 21.07.2011 № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса»¹.

III. **Интервью** Председателя Правления ПАО «Газпром» Алексея Миллера по итогам собрания акционеров (20 июня 2020 г.): *Год для «Газпрома» был очень-очень насыщенным. Если пытаться выделить только пять важных событий, то начать, конечно, надо с развития ресурсной базы. Это наращивание мощностей ключевого для страны нового центра газодобычи на Ямале. В 2019 году, вслед за Бованенковским, мы начали освоение Харасавэйского месторождения, более северного, уникального по запасам.*

Второе – это прохождение осенне-зимнего сезона. Мы прошли его, как всегда, уверенно, большая роль в этом принадлежит подземным хранилищам. В 2019 году мы вывели их на исторически рекордную производительность – 843,3 млн куб. м в сутки. Таким образом, подняли надёжность газоснабжения в зимний период на новый уровень.

Третье, безусловно, – проекты на внешних рынках. Увеличен наш экспортный потенциал, запущены сразу два новых экспортных коридора – «Турецкий поток» и «Сила Сибири». Это ещё большая надёжность поставок в западном направлении и реализация стратегических долгосрочных соглашений с Китаем на востоке.

¹ Федеральный закон от 21.06.2011 г. № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» (с изменениями и дополнениями) // Гарант.ру: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/12188188> (дата обращения: 20.07.2023).

Четвёртое – российские проекты по переработке газа. Их значимость для «Газпрома» в настоящее времякратно возрастает. В прошлом году мы прошли экватор строительства Амурского газоперерабатывающего завода и начали проект в Усть-Луге. Оба предприятия войдут в число самых мощных в мире. Отдельно отмечу успешную сделку по привлечению проектного финансирования для Амурского завода. Объём – 11,4 миллиарда евро – самый большой в истории «Газпрома».

И пятое, чем, наверное, можно закончить ответ, – финансы. «Газпром» работает уверенно. Наш запас прочности высок, и наглядный пример тому – дивиденды. Мы выплатим 360,8 миллиарда рублей, то есть практически рекордный уровень прошлого года, несмотря на непростую ситуацию, в которой сейчас находится вся мировая экономика и энергетический сектор»². В тексте политического дискурса выделены общественно-политические и экономические термины ТЭК и ТЭП; жанр – «интервью»; стиль – публицистический; сфера – общественно-политическая и общественно-экономическая; актуальность темы – развитие ресурсной базы «Газпрома» на внешних и внутренних рынках; цель – информационная и воздействующая.

Коммуникативно-прагматический аспект политического дискурса ТЭК

Коммуникативно-прагматический подход деловой коммуникации демонстрирует разные аспекты дискурсивного текста [1; 4; 8; 15], в котором выделяется три уровня текстообразования – **композиционный** (Вводная часть (Приветствие)), **семантический** (Основная часть: обозначение темы; основное изложение / представление материала по теме (общая характеристика, актуальность и значимость; результаты и статистические данные); Выводы (обобщение)), **прагматический** (перспективы).

² Интервью Председателя Правления ПАО «Газпром» Алексея Миллера по итогам собрания акционеров (20 июня 2020 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazprom.ru/press/news/miller-journal/interview> (дата обращения: 25.02.2023).

Определённый тип дискурса, в том числе и политический, характеризуется лингвистическими и паралингвистическими особенностями.

1. **Лингвистические особенности:** лексико-грамматические средства и семантическая специфика языковых единиц – терминов-слов (например, *газ, нефть, добыча, запас* и мн. др.) и терминов-словосочетаний (например, тексты I и II: I – *глобальный лидер, мировое значение, стратегическая важность для России, международное сотрудничество, экспортных контрактов, международной торговли* и др.; II – *развитие ресурсной базы, реализация стратегических долгосрочных соглашений, мировая экономика и энергетический сектор* и под.); использование этикетных формул (*Уважаемые коллеги, добрый день!*), штампов (*Сегодня мы отмечаем 30-летие нашей известной на весь мир компании «Газпром»...*), клишированных фраз (*Это одна из крупнейших, ведущих компаний России* и под.).

2. **Паралингвистические средства:** то, что «считывается» между строк, передаётся речевой ситуацией (см. в тексте I: Владимир Путин: *Уважаемые коллеги, добрый день!* // Алексей Миллер: *Добрый день, Владимир Владимирович!* // Владимир Путин: *Здравствуйте! Замёрз, Алексей Борисович?* // Алексей Миллер: *Нет.* // Владимир Путин: *Холодно у вас там? Сколько температура?* // Алексей Миллер: *Температура где-то минус пять градусов. Ветер с залива.* // Владимир Путин: *Понятно* и т. д.); определение интенций, коммуникативных стратегий и тактик участников дискурса, особенности речи каждого участника интеракции (см., доп., текст I: *<Мы вчера только с Алексеем Борисовичем, наверное, часа два обсуждали все эти планы с нашими возможными партнёрами>; <Передаю слово Председателю Правления «Газпрома» Алексею Борисовичу Миллеру. Пожалуйста, Алексей Борисович>*).

Характерной стилиевой особенностью данных типов текстов выступают консервативность, стандартизованность, клиши-

рованность и штампы (например, в выступлении и интервью: *мировое значение, приоритеты России, национальные интересы, дальнейшее развитие, темпы роста, стратегическая важность, регионы России, экономический рост, международные отношения, внешний и внутренний рынок* и под.; использование специальной терминологии (во всех дискурсивных текстах), например: *по запасам, добыче и поставкам природного газа; газоперерабатывающий завод, центр добычи, месторождение, субсидии* и т. д.; *международное сотрудничество, экспортные контракты, поставки в западном направлении; реализация стратегических долгосрочных соглашений* с... и др.; клишированность (для правового акта) – **«Антитеррористическая защищённость объекта топливно-энергетического комплекса (ТЭК) – это...; Под актом незаконного вмешательства (АНВ) в деятельность объекта ТЭК понимается...; Под террористическим актом понимается...; под объектами ТЭК понимаются... и т. д.; использование аббревиатур – ТЭК, АНВ, ТЭП и т. п.** (см., доп. предыдущие примеры и текст выше)).

Таким образом, политический дискурс топливно-энергетического комплекса относится к области актуальных **государственных и экономических** проблем, зависит от экстралингвистических факторов (социально-политической и социально-экономической ситуации) и характеризуется активным употреблением терминов ТЭК и ТЭП.

Признаки дискурсивного политического текста

Дискурсивный политический текст имеет ряд характерных признаков, которые, как показал наш анализ, достигаются разноуровневыми языковыми средствами. К ним относятся приводимые ниже.

1. **Понятность / доступность** текста обеспечивается:

1) использованием узальной лексики отдельных лексико-грамматических групп (конкретных имён существитель-

ных, обозначающих людей по роду деятельности, а также обобщённых понятий; нарицательных и собственных имён, например: «... рабочие, инженеры, геологи, буровики, строители, представители десятков других профессий – специалисты действительно высшего класса; ... планы «Газпрома» всегда устремлены в будущее, рассчитаны на годы и даже десятилетия вперёд...; ... перед «Газпромом» сейчас стоят масштабные, сложные задачи...»;

2) незначительной грамматической усложнённости текста вводными и вставными конструкциями (например: *Но хочу подчеркнуть: при всей значимости вопросов международной торговли, главное для нас – это собственное развитие, обеспечение уверенного, стабильного экономического роста, экономической безопасности страны, бесперебойного снабжения наших предприятий и регионов. И конечно, это повышение качества жизни людей во всех регионах России* (текст I); *Третье, безусловно, – проекты на внешних рынках. Увеличен наш экспортный потенциал, запущены сразу два новых экспортных коридора – «Турецкий поток» и «Сила Сибири»* (текст II));

3) использованием слов и грамматических форм (прежде всего глагольных) и языковых единиц с качественно-характеризующим и качественно-степенным значением и т. п., выражающих призывность и агитационность, см.: «И конечно, "Газпром" по уже сложившейся, давней традиции особое внимание уделяет реализации востребованных социальных, гуманитарных проектов: *поддерживает культуру, образование, важные экологические программы, строит жилые дома и школы, помогает оснащать больницы и благоустраивать улицы, набережные, парки.* // "Газпром" *серьёзно вкладывается в комплексное развитие городов, сельских территорий, регионов нашей страны – и, конечно, правильно делает...* // *Отмечу и то, что перспективные планы "Газпрома" всегда устремлены в будущее, рассчитаны на годы и даже десятилетия вперёд – понятно, что цикл при реализации ваших*

проектов достаточно большой, – и это в полной мере отвечает национальным интересам, целям и приоритетам России как большой державы, одного из суверенных центров многополярного мира»; хочу подчеркнуть... (текст I); «...подняли надёжность газоснабжения в зимний период на новый уровень; Третье, безусловно, – *проекты на внешних рынках. Увеличен наш экспортный потенциал, запущены сразу два новых экспортных коридора – "Турецкий поток" и "Сила Сибири". Это ещё большая надёжность поставок в западном направлении и реализация стратегических долгосрочных соглашений с Китаем на востоке.* // Четвёртое – *российские проекты по переработке газа. Их значимость для "Газпрома" в настоящее времякратно возрастает* (текст III); текст II направлен на регулирование вопросов обеспечения безопасности и антитеррористической защищённости объекта ТЭК.

II. **Эмоциональная выразительность** (вводятся эмоционально-оценочная лексика, персуазивные частицы, вводные слова и выражения, этикетные формулы, штампы и т. д.): *наши самые тёплые слова и добрые пожелания; Это именно они заложили её традиции, начинали освоение богатейших, уникальных месторождений, строили целые города новые и посёлки, прокладывали энергетические маршруты мирового значения; это одна из крупнейших, ведущих компаний России и глобальный лидер; востребованность будет колоссальной* и т. п.; *Но хочу подчеркнуть...; Уважаемые коллеги, добрый день! Добрый день, Владимир Владимирович! Здравствуйте!;* повторов: *Отмечу и то, что.*

III. **Объективность** изложения, которая достигается в следующих условиях: 1) при условии обозначения конкретных результатов и их последовательности (*Рад поздравить с этой значимой датой всех вас, всех работников «Газпрома», а это без малого полмиллиона человек (более 490 тысяч): рабочие, инженеры, геологи, буровики, строители, представители десятков других профессий – специалисты действительно выс-*

ишего класса, которыми гордится вся страна; «Газпром» идет вперёд, запускает новые проекты; «Газпром» серьёзно вкладывается в комплексное развитие городов, сельских территорий, регионов нашей страны; В целом в области международного сотрудничества, экспортных контрактов перед «Газпромом» сейчас стоят масштабные, сложные задачи и т. д. (текст I); второе, третье, четвёртое... (текст II); 2) при условии использования имён объектов, обозначающих названия **предприятий, стран, регионов, мест добычи** и проч. (например: «Газпром»; на страны Азиатско-Тихоокеанского региона; Китайскую Народную Республику; Якутский и Иркутский центры газодобычи; Амурский газоперерабатывающий завод; магистральный газопровод «Сила Сибири», Ковыктинское газоконденсатное месторождение; Алексей Борисович» (текст I); центра газодобычи на Ямале; вслед за Бованенковским, мы начали освоение Харасавэйского месторождения; строительства Амурского газоперерабатывающего завода и начали проект в Усть-Луге; финансирование для Амурского завода; соглашение с Китаем и т. п. (текст II); 3) при условии представления фактуальной стороны (статистических данных, конкретных дат / сроков), например: *всех работников «Газпрома», а это без малого полмиллиона человек (более 490 тысяч)...; в самом начале 1990-х годов...; ... за предыдущие 30 лет мировое потребление газа увеличилось почти вдвое, а в ближайшие 20 лет; ... прибавит ещё как минимум 20 процентов, а может, и больше; ... с 2007 года «Газпром» ведёт, – в рамках программы «Газпром – детям» по всей России возведено уже более двух тысяч спортивных комплексов, площадок, пришкольных стадионов... и т. д. (текст I); В 2019 году мы вывели их на исторически рекордную производительность – 843,3 млн куб. м в сутки; Объём – 11,4 миллиарда евро – самый большой в истории «Газпрома»... Мы выплатим 360,8 миллиарда рублей (текст II).*

IV. Выражение **субъективной модальности** (прежде всего **позитивного / положительного отношения** с помощью модальных слов и выражений, вводных

и вставных конструкций, эмоционально-оценочной лексики) [22]: *Так, только в рамках проекта «Газпром – детям» – а эту программу, по-моему, если ошибусь, Алексей Борисович меня поправит...; Так, за предыдущие 30 лет мировое потребление газа увеличилось почти вдвое..., а может, и больше; В так называемый переходный период...; Причём более половины такого притока придётся на страны Азиатско-Тихоокеанского региона, прежде всего, конечно, на Китайскую Народную Республику; Но хочу подчеркнуть...; Считаю одним из...: (текст I); ... то начать, конечно, надо с развития ресурсной базы; Третье, безусловно, ...; И пятое, чем, наверно, можно закончить ответ, – финансы (текст II).*

Заключение

Политический дискурс топливно-энергетического комплекса относится к области актуальных **государственных и экономических** проблем, зависит от социально-политической и социально-экономической ситуации страны и общества, характеризуется активным употреблением терминов ТЭК и ТЭП (терминов-слов и терминов-словосочетаний; терминов-понятий, терминов-признаков, терминов-процессов / действий), стилистически неоднородных (технических, технологических, общественно-политических, экономических и др.). Стандартизированная терминология характеризуется стилистической нейтральностью в рамках дискурса.

Коммуникативно-прагматический подход деловой коммуникации демонстрирует разные аспекты дискурсивного текста (например, **специальный** (ТЭК), **общественно-политический** (ТЭП), **публицистический** и др.) и выделяет три уровня текстообразования (**композиционный** (Вводная часть / Приветствие); **семантический** (Основная часть и Выводы), **прагматический** (перспективы)).

К коммуникативно-прагматическим особенностям политического дискурса относятся: жанр письменного / печатного или

устного текста (например, документ, правовой акт, выступление, интервью и проч.); обозначение темы дискурсивного текста и его актуализация; определение стилевых черт и языковых особенностей (консервативность, стандартизованность, клишированность и штампы); понятность текста (использование узуальной (общеизвестной) лексики отдельных лексико-грамматических групп; собственных и нарицательных); незначительная грамматическая усложнённость текста (вводные и вставные конструкции); призывность, агитационность (использование прежде всего глагольных

форм с семантикой призыва и языковых единиц с качественно-характеризующим и качественно-степенным значением и т. п.); эмоциональная выразительность); объективность и фактуальность изложения (обозначение конкретных результатов, статистических данных); выражение субъективной модальности (прежде всего позитивного отношения в силу использования модальных слов и выражений, вводных и вставных конструкций, эмоционально-оценочной лексики и т. д.).

Статья поступила в редакцию 03.04.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова О. В. Многообразие речи и её дискурсивные характеристики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 36–40.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика / под ред. Ю. С. Степанова. М.: Прогресс, 1974. 446 с.
3. Глазков А. В. Из реальности в текст и обратно: очерк прагматики нарративного текста. М.: Де'Либри, 2018. 436 с.
4. Иссерс О. С. Когнитивные и речевые стратегии в аспекте их функционирования в различных типах дискурса // Русский язык: исторические судьбы и современность: материалы III Международного конгресса исследователей русского языка: сборник тезисов. М.: МАКС Пресс Москва, 2007. С. 380–381.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.
7. Кибрик А. А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания: научный журнал. 1994. № 5. С. 126–139.
8. Китанина Э. А., Колесников В. В. Языковое и жанровое своеобразие топливно-энергетического дискурса // Современная коммуникативистика. 2023. № 3. С. 65–72.
9. Колесников В. В. Терминополья «газ» и «нефть» как доминанты терминосистемы топливно-энергетического комплекса // Преподаватель XXI век. 2023. № 2. Ч. 2. С. 126–139.
10. Колесникова А. В., Колесников В. В. Топливо-энергетический дискурс как особый вид деловой коммуникации // Русский язык: образование, наука, культура: материалы Международной научно-методической сессии, Москва, 23–25 ноября 2022 г. М.: Московский педагогический государственный университет, 2022. С. 102–107.
11. Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 7–25.
12. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
13. Манаенко Т. В. О понятии «дискурс» в русле коммуникативного подхода // Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах. Ч. 1. Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2002. С. 188–190.
14. Никитина К. В. Номинация как инструмент речевой манипуляции в политическом дискурсе СМИ // Вопросы обучения иностранным языкам: методика, лингвистика, психология: материалы конференции, Уфа, 20–22 июня 2006 г. Уфа: Уфимский государственный авиационный технический университет, 2006. С. 235–239.
15. Олешков М. Ю. Дискурсивные категории в коммуникативном процессе (опыт лингвопрагматического анализа) // Филологические науки. 2006. № 4. С. 105–114.
16. Степанов Ю. С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принципы Причинности // Язык и наука конца XX века: сборник статей. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1995. С. 35–73.

17. Сухих С. А., Зеленская В. В. Прагмалингвистическое моделирование коммуникативного процесса. Краснодар: Кубанский государственный университет, 1998. 160 с.
18. Тибинык Н. Д. Содержание и границы понятий «текст» и «дискурс» // Филология и лингвистика. 2015. № 2. С. 12–14.
19. Хохловская О. Г. Диалогический дискурс в лингвокультурологическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2006. 20 с.
20. Чернявская В. Е. Метапрагматика коммуникации: когда автор приносит своё значение, а адрес свой контекст // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2020. Т. 17. Вып. 1. Язык и литература. С. 135–147.
21. Шмелёва Т. В. Модели речевого жанра // Жанры речи: сборник научных статей. Саратов: Колледж, 1997. С. 88–98.
22. Языковые единицы и категории русского языка: грамматическое описание / под ред. С. М. Колесниковой. М.: Московский педагогический государственный университет, 2022. 200 с.
23. Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры, 2001. 384 с.

REFERENCES

1. Alexandrova O. V. [Speech Diversity and Its Discursive Characteristics]. In: *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Questions of Cognitive Linguistics], 2007, no. 4, pp. 36–40.
2. Benveniste É. Problèmes de linguistique générale (Rus. ed.: Stepanov Yu. S., ed. *Obshchaya lingvistika*. Moscow, Progress Publ., 1974. 448 p.).
3. Glazkov A. V. *Iz real'nosti v tekst i obratno: ocherk pragmatiki narrativnogo teksta* [From Reality to Text and Back: An Essay on the Pragmatics of Narrative Text]. Moscow, De'Libri Publ., 2018. 436 p.
4. Issers O. S. [Cognitive and Speech Strategies in Terms of their Functioning in Various Types of Discourse]. In: *Russkij yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost': materialy III Mezhdunarodnogo kongressa issledovatelej russkogo yazyka* [Russian Language: Historical Destinies and Modernity: Materials of the III International Congress of Russian Language Researchers]. Moscow, MAKS Press Moskva Publ., 2007, pp. 380–381.
5. Karasik V. I. *Yazykovoju krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Moscow, Gnozis Publ., 2004. 390 p.
6. Karaulov Yu. N. *Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian Language and Linguistic Personality]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 263 p.
7. Kibrik A. A. [Cognitive Research on Discourse]. In: *Voprosy yazykoznaniya: nauchnyj zhurnal* [Questions of Linguistics: Scientific Journal], 1994, no. 5, pp. 126–139.
8. Kitanina E. A., Kolesnikov V. V. [Linguistic and Genre Originality of the Fuel and Energy Discourse]. In: *Sovremennaya kommunikativistika* [Modern Communication Science], 2023, no. 3, pp. 65–72.
9. Kolesnikov V. V. [Terminology Fields “Gas” and “Oil” as Dominants of the Term System of the Fuel and Energy Complex]. In: *Prepodavatel' XXI vek* [Teacher of the XXI century], 2023, no. 2, pt. 2, pp. 126–139.
10. Kolesnikova A. V., Kolesnikov V. V. [Fuel and Energy Discourse as a Special Type of Business Communication]. In: *Russkij yazyk: obrazovanie, nauka, kul'tura: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoj sessii, Moskva, 23–25 noyabrya 2022 g.* [Russian Language: Education, Science, Culture: Materials of the International Scientific and Methodological Session, Moscow, November 23–25, 2022]. Moscow, Moscow Pedagogical State University Publ., 2022, pp. 102–107.
11. Kubryakova E. S. [On the Concepts of Discourse and Discourse Analysis in Modern Linguistics]. In: *Diskurs, rech', rechevaya deyatel'nost': funktsional'nye i strukturnye aspekty* [Discourse, Speech, Speech Activity: Functional and Structural Aspects]. Moscow, INION RAN Publ., 2000, pp. 7–25.
12. Makarov M. L. *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of Discourse Theory]. Moscow, Gnosiz Publ., 2003. 280 p.
13. Manaenko T. V. [On the Concept of “Discourse” in Line with the Communicative Approach]. In: *Kommunikaciya: teoriya i praktika v razlichnyh social'nyh kontekstah. Ch. 1* [Communication: Theory and Practice in Various Social Contexts. Pt. 1]. Pyatigorsk, Pyatigorsk State University Publ., 2002, pp. 188–190.
14. Nikitina K. V. [Nomination as a Tool of Speech Manipulation in the Political Discourse of the Media]. In: *Voprosy obucheniya inostrannym yazykam: metodika, lingvistika, psihologiya: materialy konferencii, Ufa, 20–22 iyunya 2006 g.* [Issues of Teaching Foreign Languages: Methodology, Linguistics, Psychology: Conference Materials, Ufa, June 20–22, 2006]. Ufa, Ufa State Aviation Technical University Publ., 2006, pp. 235–239.

15. Oleshkov M. Yu. [Discursive Categories in the Communicative Process (Experience of Linguopragmatic Analysis)]. In: *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], 2006, no. 4, pp. 105–114.
16. Stepanov Yu. S. [Alternative World. Discourse. Fact and Principles of Causality]. In: *Yazyk i nauka konca XIX veka: sbornik statej* [Language and Science of the Late Twentieth Century: Collection of Articles]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 1995, pp. 35–73.
17. Sukhih S. A., Zelenskaya V. V. *Pragmalingvisticheskoe modelirovanie kommunikativnogo processa* [Pragmalinguistic Modeling of the Communicative Process]. Krasnodar, Kuban State University Publ., 1998. 160 p.
18. Tibinko N. D. [Content and Boundaries of the Concepts “Text” and “Discourse”]. In: *Filologiya i lingvistika* [Philology and Linguistics], 2015, no. 2, pp. 12–14.
19. Khokhlovskaya O. G. *Dialogicheskij diskurs v ligvokul'turologicheskom aspekte: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Dialogical Discourse in the Linguocultural Aspect: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Chelyabinsk, 2006. 20 p.
20. Chernyavskaya V. E. [Metapragmatics: When the Author Brings Meaning and the Address Context]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Bulletin of St. Petersburg University], 2020, vol. 17, iss. 1, pp. 135–147.
21. Shmeleva T. V. [Models of Speech Genre]. In: *Zhanry rechi: sbornik nauchnyh statej* [Genres of Speech]. Saratov, Kolledzh Publ., 1997, pp. 88–98.
22. Kolesnikova S. M., ed. *Yazykovye edinicy i kategorii russkogo yazyka: grammaticheskoe opisanie* [Linguistic Units and Categories of the Russian Language: Grammatical Description]. Moscow, Moscow Pedagogical State University Publ., 2022. 200 p.
23. Yanko T. E. *Kommunikativnye strategii russkoj rechi* [Communicative Strategies of Russian Speech]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2001. 384 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Колесников Виталий Викторович – магистрант кафедры общего языкознания Института филологии Московского педагогического государственного университета;

e-mail: vv.kolesnikov1@student.mpgu.edu ; vitalik11@list.ru ORCID: 0009-0000-5618-9496

Логинов Александр Викторович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета;

e-mail: loginov13av@mail.ru ORCID: 0009-0007-1019-5496

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vitaly V. Kolesnikov – Master’s Degree Student, Department of General Linguistics of the Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University;

e-mail: vv.kolesnikov1@student.mpgu.edu; vitalik11@list.ru ORCID: 0009-0000-5618-9496

Alexander V. Loginov – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Russian Language Department, Moscow Pedagogical State University;

e-mail: loginov13av@mail.ru ORCID: 0009-0007-1019-5496

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Колесников В. В., Логинов А. В. Политический дискурс топливно-энергетического комплекса: коммуникативно-прагматический аспект // Отечественная филология. 2023. № 5. С. 59–70.

DOI: 10.18384/2949-5008-2023-5-59-70

FOR CITATION

Kolesnikov V. V., Loginov A. V. Political Discourse of the Fuel and Energy Complex: Communicative and Pragmatic Aspect. In: *Russian Studies in Philology*, 2023, no. 5, pp. 59–70.

DOI: 10.18384/2949-5008-2023-5-59-70

УДК 81-112.2

DOI: 10.18384/2949-5008-2023-5-71-83

СТАНОВЛЕНИЕ ЖАНРОВОГО ПОДХОДА К НАУЧНОМУ ТЕКСТУ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ 60-Х – 70-Х ГГ. XX ВЕКА

Кытманова Е. А.*Государственный университет просвещения**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Проследить развитие лингвистического понимания понятия «жанр» и типологии жанров применительно к исследованиям научных текстов в отечественных трудах по языкознанию.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет анализ научных работ, затрагивающих проблему жанра как такового и жанра научного текста. При проведении исследования применены методы наблюдения, обобщения, интерпретации результатов и сравнительный анализ.

Результаты. В результате анализа отечественной научной литературы на протяжении двух десятилетий (1960–1970-е гг.) были выделены этапы формирования жанрового подхода и установлено, что жанровый подход к тексту в целом и произведениям научной речи в частности сформировался в ходе развития языкознания и его интеграции с другими науками, такими как литературоведение, теория перевода, методика преподавания языков, книговедение, и направлялся логикой развития самой научной деятельности, особенно тех её отраслей, которые занимаются сбором, хранением и распространением информации.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования расширяют представления о возможностях и перспективах изучения научного текста в свете жанрового подхода.

Ключевые слова: жанр, жанровый подход к тексту, научный текст, стилистика языка, стилистика речи, теория речевых жанров

THE FORMATION OF GENRE APPROACH TO SCIENTIFIC TEXT IN RUSSIAN LINGUISTICS IN THE 1960S – 1970S

E. Kytmanova*State University of Education**ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. The paper aims to trace the linguistic understanding of the notion “genre” and genre typology of scientific texts in Russian linguistics of the 1960s – 1970s.

Methodology. The research is based on the analysis of linguistics studies on genre in general and the genres of scientific texts in particular. The study is conducted through observation, generalization, interpretation of the results and comparative analysis.

Results. It was found out that linguistic thought passed several stages on the way to developing genre approach to scientific texts and that it was possible due to its collaboration with other disciplines, such as literary studies, theory of translation, language teaching theory and book studies, the whole process having been guided by the logic of the development of science itself, especially information science.

Research implications. The obtained results may broaden the horizons of scientific text studies from genre perspective.

Keywords: genre, genre approach to scientific text, scientific text, text stylistics, speech stylistics, the theory of speech genres

Введение

Научный текст в настоящее время привлекает внимание большого числа исследователей в силу того, что научная деятельность – одна из наиболее интенсивно развивающихся областей человеческой деятельности, затрагивающей и экономику, и культуру. Актуальность данной статьи обусловлена необходимостью пересмотра традиционных представлений о жанре и стиле для выработки нового подхода к исследованию научных текстов с целью их эффективного продуцирования и межъязыкового перевода.

На сегодняшний день исследование научных текстов проходит в рамках трёх основных направлений в лингвистике: функциональной стилистики и примыкающей к ней стилистики речи [11; 16], дискурсных исследований [28; 31], а также с позиций жанроведения [5; 10; 25], однако в силу недостаточной разработанности теории жанра, отсутствия общепринятой модели жанра, приемлемой для научного текста, а также типологии жанров даже те исследования, которые позиционируются как «жанровые», на деле являются либо функционально-стилистическими, либо дискурсными, что существенно снижает их результативность.

Тем не менее, жанровый подход уже более 50 лет пробивает себе дорогу в лингвистике, и исследование в исторической перспективе, как нам представляется, поможет осознать его достижения и применить их для решения актуальных теоретических и практических задач языкознания.

В становлении жанрового подхода к тексту можно выделить несколько этапов: 1) 1960-е гг. – разделение общей стилистики на «стилистику языка» и «стилистику текста», а также выделение языка науки в отдельный объект исследования; 2) 1970-е гг. – возникновение лингвистики текста и текстоцентрических исследований; 3) 1980-е гг. – формирование коммуникативно-деятельностного подхода к тексту в рамках психо- и социолингвистики; 4) 1990-е гг. – развитие когнитивного направления в лингвистике и возникнове-

ние жанроведения как самостоятельного раздела языкознания.

В силу масштабности предмета изучения мы разделили работу на части, планируя продолжение в ряде статей. Целью данной статьи является исследование процесса формирования жанрового подхода к научному тексту в рамках отечественного языкознания в 60-х – 70-х гг. XX в. Для достижения данной цели был произведён анализ научных работ указанного периода, затрагивающих проблему жанра как такового и жанра научного текста.

Стиль или жанр?

Поскольку стилистика была первой дисциплиной языкознания, которая выделила научную речь в отдельный объект исследования и приступила к описанию его свойств с позиции теории стиля, первый этап в становлении жанрового подхода к научному тексту связан именно с этой дисциплиной и был подготовлен двумя важными, на наш взгляд, факторами: 1) расслоением общей стилистики и выделением в её рамках отдельных направлений (структурной, исторической и функциональной стилистик), что было вызвано общим переходом языкознания от исследования «стилей языка» к исследованию «стилей речи», и 2) началом полемики о жанре и стиле.

Стилистика 1950-х гг. была преимущественно нормативной, отвечающей за правильность употребления языка. Акцент делался на языковых нормах и языковом употреблении, а схематическое деление на стили языка никак не помогало вскрыть многообразие использования языка в различных целях, социальных условиях и в зависимости от различного содержания речи. Узость данного фокуса осознавалась учёными, что приводило к многочисленным дискуссиям, наиболее знаковой из которых можно считать дискуссию о стиле на страницах журнала «Вопросы языкознания» в 1954–1955 гг.

Данная дискуссия довольно хорошо известна и не раз критически оценивалась

языковедами, но для нас она интересна преимущественно тем, что, будучи направлена на осмысление проблем стилистики как науки, она вскрывает множество проблем, связанных и с жанром. Поводом к дискуссии послужили выступление и статья Ю. С. Сорокина об основных понятиях стилистики¹. Ю. С. Сорокин выдвинул идею о том, что в развитии национальном языке отсутствуют замкнутые жанрово-речевые разновидности. Выбор тех или иных средств в процессе использования языка для нужд определённой ситуации происходит «не из отвлечённых требований жанра, а учитывая конкретное содержание и назначение речи» [27, с. 74]. Наряду с жанром Сорокин отрицал и существование языковых стилей, поскольку они выходят за собственно языковые рамки: «Истинно научное изложение не замыкается в рамки каких-то особых форм речи. Оно может быть столь же разнообразно и изменчиво, как и изложение чисто художественное» [27, с. 75].

За необходимость изучения жанров как основы стилистической вариативности выступили А. В. Федоров [29] и И. С. Ильинская [12]. В. В. Виноградов, подводя итоги дискуссии, посчитал справедливой мысль о том, что дифференциация речи по её формам не может быть поставлена в прямую связь со стилями речи: «Типы взаимодействия между формами народно-разговорной и литературно-книжной речи определяют состав и соотношение функциональных разновидностей языка той или иной эпохи» [7, с. 80]. Он также отмечал важность изучения типичных приёмов объединения и сочетания разных языковых стилей в пределах одного и того же композиционного типа письменной речи, настаивал на необходимости различения стилей языка и стилей речи и поставил перед стилистикой речи

задачу «разобраться в тончайших различиях семантического и экспрессивно-стилистического характера между разными жанрами и общественно-обусловленными видами устной и письменной речи» [8, с. 15].

По всей видимости, реакцией на данную проблематику могла быть и знаменитая статья М. М. Бахтина «Проблема речевых жанров», которая предположительно написана в 1953 г. М. М. Бахтин высказывает мысль о том, что письменная речь, как и устная, должна изучаться не «вообще», а в её конкретных жанровых разновидностях: «Игнорирование природы высказывания и безразличное отношение к особенностям жанровых разновидностей речи в любой области лингвистического исследования приводят к формализму и чрезмерной абстрактности, искажают историчность исследования, ослабляют связи языка с жизнью» [1, с. 253].

О соотношении понятий «жанр» и «стиль» М. М. Бахтин писал следующее: «Всякий стиль неразрывно связан с высказыванием и с типическими формами высказываний, то есть речевыми жанрами ... По существу, языковые, или функциональные, стили есть не что иное, как жанровые стили определённых сфер человеческой деятельности и общения. В каждой сфере бытуют и применяются свои жанры, отвечающие специфическим условиям данной сферы; этим жанрам и соответствуют определённые стили» [1, с. 254–255]. Революционная работа М. М. Бахтина дала мощный толчок к изучению жанра не только в отечественной науке, но и за рубежом, поскольку открыла общелингвистическое содержание этого явления и вывела его из узких рамок литературоведения, сняв налёт нормативности и принудительности и связав жанр с живой речью. Между тем, как отметила К. А. Рогова, хотя за дискуссией в 1960-е – 70-е гг. и последовали многие работы, учебники и учебные пособия, посвящённые функциональным стилям, однако «описание языковых средств, отбираемых и организуемых в рамках стиля, велось по

¹ Доклад «Об основных понятиях стилистики» // Открытое расширенное заседание Учёного совета, посвящённое 3-ей годовщине выступления И. В. Сталина по вопросам языкознания 19–23 июня 1953 г.: тезисы докладов, М., 1953) и статья «К вопросу об основных понятиях стилистики» // Вопросы языкознания. 1954. № 2. С. 68–82.

языковым уровням, попытка преодолеть этот всё-таки языковой, а не речевой подход вылилась во введение так называемого «конструктивного принципа» стиля, обозначающего качества речи, обеспечение которых и определяет отбор и организацию языковых средств. Но и конструктивный принцип скорее мотивировал, а не организовывал использование языковых средств» [23, с. 31].

Таким образом, к середине 1950-х гг. в отечественном языкознании формируются две точки зрения на соотношение жанра и стиля и их роль в изучении речи:

1) поглощение жанра стилем (изучение «стилей речи» или функциональных стилей по типу языковых стилей, обладающих системностью, и выделение в их рамках подстилевых разновидностей, или жанров) и 2) приоритет жанра над стилем и изучение жанровых разновидностей (высказываний), обуславливающих использование языковых средств.

Необходимо отметить, что в последующие двадцать лет исследования велись преимущественно с позиций первого направления, во-первых, потому что взгляды М. М. Бахтина ещё не были известны широкой научной аудитории и, во-вторых, потому что наука о языке следовала своей логике развития: от общего к частному: от выявления абстрактных теоретических положений, подтверждающих существование собственного предмета исследования (языкового стиля), к конкретным его проявлениям – жанрам речи.

1960-е гг.

В 1960-е гг. начинается исследование функциональных разновидностей и типов литературного языка, стилистическое истолкование языковых элементов и категорий. При приоритетном исследовании стиля художественной литературы анализу подверглись и другие функциональные стили, в частности научный. В комплекс теоретических задач входило выделение научного стиля наряду с другими языковыми стилями, описание его системных

свойств и их обусловленность внутриязыковыми и внеязыковыми факторами, отслеживание эволюции данного стиля, его взаимодействия с другими стилями и роли в развитии общенационального литературного языка, при этом преимущественное внимание исследователей было сосредоточено на языке, т. е. системе формальных средств в отрыве от содержания и прагматических задач текста.

Институтом русского языка АН СССР была разработана программа по стилистике русского языка, которая поставила целью дать характеристику функциональных стилей русского литературного языка. Кафедра иностранных языков АН СССР изучала особенности стиля научной прозы на материале западноевропейских языков с целью глубже понять закономерности развития литературного языка и создать руководства по грамматике и лексике, дающие не только структурные, но и функциональные характеристики строя данного языка¹. В 1960-х гг. появляются первые диссертации, посвящённые стилю научной прозы (С. И. Кауфмана, М. П. Кульгав, Н. М. Разинкиной²), и первые монографии, выделяющие научный стиль среди других функциональных стилей и описывающие его телеологическую направленность и экстралингвистические основы в сочетании с лингвистическими [13; 14].

При этом в рамках лингвистической стилистики учёные стремились выявить общие стилистические категории, с одной стороны, и доказать цельность и обособленность отдельных стилей языка – с другой. Поэтому, выделяя наиболее значимые черты научного стиля, они считали его раз-

¹ Особенности языка научной литературы (романо-герм. филология): сборник статей / отв. ред. В. Н. Ярцева. М.: Наука, 1965. 196 с.

² Кауфман С. И. Некоторые особенности стиля американской технической литературы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1960. 16 с.; Кульгав М. П. Основные стилиевые черты и синтаксические средства их реализации в современной немецкой научно-технической речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1964. 26 с.; Разинкина Н. М. Элементы эмоционально субъективной оценки в стиле английской научной прозы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1965. 17 с.

новидности несущественными: «известные отличия, например, научно-технического стиля от научно-математического или строго научного от научно-популярного изложения, бесспорно, существуют, но подобные расхождения чаще всего имеют количественный характер» [4, с. 220]. Как мы видим, Р. А. Будагов выступал против «дробления» стилей на виды и подвиды, этой же точки зрения придерживались и многие другие исследователи, хотя их взгляды на стиль и были различны.

Под влиянием идей В. В. Виноградова, который отмечал, что в слове «функциональный» заключён двойной смысл: «Оно может указывать и на связь стилей с разными функциями языка или с теми или иными разновидностями коммуникативной функции, и на функциональное разграничение сфер употребления этих стилей» [8, с. 7], – в отечественной стилистике сложилось два основных направления: собственно лингвистическое (основывалось на функциях, присущих языку: общение, сообщение и воздействие) и экстралингвистическое (выявляло стилеобразующие внелингвистические факторы и особенности функционирования языка в различных сферах общения).

Первое направление функциональной стилистики, представленное в работах учёных Московского государственного университета (О. С. Ахмановой, М. М. Глушко и др.)¹, больше тяготело к лексикографическим и синтагматическим исследованиям научного стиля и было близко к пониманию языка науки как функционального языка (или языка для специальных целей). Исследователи этого направления исходили из выдвинутой В. В. Виноградовым трихотомии функций языка (общения / сообщения / воздействия) и первоначально дифференцировали стили в соответствии с данными функциями, отводя научному стилю лишь функцию сообщения. Связывая функции языка с их конкретными языковыми проявлениями, учёные

возвели их в статус категорий, с помощью которых и анализировали тексты «интеллективного функционального стиля». При всех достижениях лингвистического подхода неясным оставался один очень важный момент: как происходят продуцирование и восприятие текста, следовательно, как практически овладеть умениями создавать, понимать, переводить научные тексты, используя данные стилистики.

Второе направление проявилось в трудах учёных пермской школы (М. Н. Кожина, М. П. Котуровой и др.)², в которых последовательно проводилась мысль о речевой системности функционального стиля, о важности не только лексики, но и морфологии, и синтаксиса в его формировании, об экстралингвистических факторах, являющихся конституирующей базой для конкретных стилевых разновидностей. Проблемой данного функционального направления долгое время было рассмотрение жанра, существование которого признавалось лишь как разновидности стиля, однако изучение экстралингвистической основы стиля было более плодотворным и позволило учёным в течение нескольких десятилетий подойти к решению жанрового вопроса. Этому способствовало активное изучение языкового материала, который убеждал учёных в том, что языку присуща вариативность, и эта вариативность во многом формируется по «законам» жанра. Подтверждением тому были многочисленные стилостатистические исследования. Исследуя закономерно повторяющиеся языковые черты, присущие научным работам, учёные стали замечать, что существует пропорциональное несоответствие количества этих средств в различных видах научной литературы. Так, Г. А. Лесскис отмечал: «Так как не может быть полной уверенности в том, что раз-

¹ См.: Функциональный стиль общенаучного языка и методы его исследования / под ред. О. С. Ахмановой, М. М. Глушко. М.: Московский университет, 1974. 178 с.

² См.: Кожина М. Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. Пермь, 1966. 213 с.; Кожина М. Н. К основаниям функциональной стилистики. Пермь, 1968. 251 с.; Котурова М. П. Лингвистическое выражение связности речи в научном стиле (Сравнительно с художественным): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1974. 15 с.

меры предложений не зависят от жанровых особенностей самой художественной прозы и остаются неизменными в разные периоды развития литературного языка, выбор материала для наблюдений мы ограничиваем рамками одной эпохи (60-х гг. XIX в.) и одного жанра» [18, с. 79].

Учёные стремились подтвердить интуитивные представления о функциональных стилях объективными показателями, используя статистические методы. В этом смысле интересно исследование Н. Н. Семенюк [24], которая изучала вариативность немецкого литературного языка, исходя из гипотезы, что на материале отдельных жанров письменности могут изучаться разные типы функциональной дифференциации языка и потому в общую характеристику изучаемых исторических процессов должны включаться данные об их модификации в зависимости от жанровых признаков исследуемых памятников: «Изучение функциональной дифференциации языка не будет полным, если не включать в исследуемый материал различные виды (или жанры) письменности: «в общую характеристику изучаемых исторических процессов должны включаться данные об их модификации в зависимости от жанровых признаков исследуемых памятников» [24, с. 62]. Автор обнаружила, что нормативные сдвиги неравномерно происходят в различных жанрах письменности, что позволило сделать вывод о том, что существует двусторонняя зависимость между степенью интенсивности нормализационных процессов и развитием определённых жанров письменности. Необходимо отметить, что жанр довольно свободно и широко применяется Н. Н. Семенюк к различным видам письменности вне стиливых ограничений, таким как газеты, литературные журналы, научные и научно-политические журналы, морально-дидактическая периодика, т. е., говоря о жанрах, автор не вскрывает ни природы этого явления, не стремится к более точной классификации.

Значительно ближе к вопросу о значимости жанра для изучения исторического

развития языка подошла О. А. Лаптева, рассматривая вопросы эволюции стиля научной прозы. Так, исследователь одной из первых в лингвистике отметила, что «эволюция научных жанров – это тема, заслуживающая отдельного изучения» [17, с. 130]. И это изучение довольно активно проводилось в рамках литературоведения.

В 1963 г. выходят книги М. М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского» и В. В. Кожина «Происхождение романа: теоретически-исторический очерк», которые выдвигают проблему правильного понимания жанра как такового и рассматривают её в русле исторической поэтики [2; 15]. Статья Д. С. Лихачёва «Система жанров древнерусской литературы» также внесла свой вклад в становление жанровой теории, впервые обозначив понятие «система жанров» и показав его эффективность в исследовании текстов на примере древнерусской литературы [19].

Исследование научного стиля в переводе также стремилось к жанровому подходу, поскольку таковой давал возможность подойти к решению практических задач. А. В. Федоров отмечал, что можно выделить разновидности перевода в зависимости от жанрового типа переводимого материала [30]. А. Л. Пумпянским даже высказывалась мысль о создании особой дисциплины – перевода научно-технической литературы, в рамках которой подробно рассматривались особенности перевода монографий, статей, рефератов и учебников¹.

Таким образом, в 1960-е гг. формируется интерес к функциональной стороне языка, выявляется его стиливая вариативность, обнаруживаются связи между частотностью стиливых элементов и рамками жанра. В русле исторической поэтики вырабатывается понимание жанра как «содержательной формы», что оказывает влияние на историческую стилистику, которая достигает значительных успехов в изучении научного текста, особенно в области его типологии.

¹ Пумпянский А. Л. Введение в практику перевода научной и технической литературы на английский язык. М.: Наука, 1965. 304 с.

1970-е гг.

Второй этап в развитии жанровых исследований наблюдается в 1970-е гг. и связан с качественным сдвигом в изучении речи и появлением семиотико-лингвистических исследований текста. Намечается поворот от исследования единиц к исследованию целого. Труды Ю. М. Лотмана и И. Р. Гальперина [20; 9], конференция 1974 г. в МГПИИЯ им. Мориса Тореза¹ открывали возможности для выявления специфических категорий текста, отличных от категорий стиля, и построения типологии текстов. Текст из материала для анализа превратился в самостоятельный предмет изучения, в посредника в общении и познании, связанное, целостное, осмысленное образование, в котором человеческий язык и человеческая мысль органически переплетены и взаимосвязаны.

В области исследования языка научной литературы с позиций структурной лингвистики учёные начинают проявлять интерес к архитектонике текста, к единицам, выходящим за рамки предложения, таким как абзац и сверхфразовое единство². Однако наибольших успехов в исследованиях текста достигает историческая стилистика.

Задача исторической стилистики состояла в том, чтобы дать картину становления отдельных стилевых черт, а также общую панораму их развития. В этой связи вопрос о развитии жанров приобретал особую актуальность.

Определённый шаг вперёд был сделан в плане учёта жанровой специфики научной

прозы. Так, Н. М. Разинкина на материале английской научной литературы выделяет отдельные жанры и прослеживает их эволюцию, сосредоточиваясь на таких вопросах, как «степень изолированности того или иного жанра от других научных жанров; связь и взаимозависимость жанров; возможная степень индивидуальных отклонений в различных жанровых разновидностях научного стиля; характер тенденций, сводящих все научные жанры в единую систему организованного функционального стиля» [22, с. 5].

Очень важна мысль автора о том, что жанры обладают языковой дифференцированностью и что «усиление жанровой специфики», «возникновение композиционной упорядоченности» [22, с. 191] были одними из факторов упрочения языковой специфики английской научной прозы. Однако поставленные относительно жанров задачи не были решены, поскольку, действуя в рамках антиномии стиль – жанр, уподобленной антиномии фонема – варианты фонемы, М. Н. Разинкина свела своё исследование к выявлению языковых признаков функционального стиля, а жанр так и не получил ни научного определения, ни обоснованной классификации. Отсутствие определения жанра и научных основ его типологии привело к парадоксальным выводам: «Одной из наиболее примечательных черт английской научной литературы XVI в. является отсутствие в ней какой бы то ни было жанровой дифференциации» [22, с. 51]. Выходит, что стиль существовал, а жанров не было. Выделенные на более поздних этапах развития языка жанры научной прозы не были классифицированы. К жанрам относились как сами произведения речи (монография, журнальная статья и т. д.), так и группы текстов (научно-эпистолярные и научно-публицистические жанры).

В рамках теории художественной речи, в частности в трудах М. П. Брандес, мы наблюдаем дальнейшее развитие жанровой теории. М. П. Брандес поднимает проблему структурно-художественного единства литературного произведения, которое

¹ Лингвистика текста: материалы научной конференции. М.: Московский государственный педагогический институт иностранных языков имени Мориса Тореза, 1974. 230 с.

² См.: Бухтиярова Н. С. Абзац в научном и художественном тексте // Стилистико-грамматические черты языка научной литературы. М.: Наука, 1970. С. 39–54; Перекальская Т. К. Абзац как средство членения научного текста (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Московский университет, 1975; Нефедова Л. В. Сверхфразовые единства и их лингвистические особенности в стиле научно-технической литературы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калинин, 1979.

формируется на основе речевой деятельности и требует нового подхода к трактовке стиля: «Стиль произведения связан не просто с речевой деятельностью, а с художественно-речевой деятельностью, в основе которой способ художественного освоения мира человеком, а не набор форм художественной деятельности» [3, с. 9]. Такое толкование стиля позволило создать стройную целостную концепцию и отказаться от его изучения только как системы изобразительно-выразительных ресурсов языка. Важной была мысль автора о том, что стиль соотносится не с денотативным содержанием текста, а с его жанровой организацией. На базе этих рассуждений формируется жанрово-стилистическая концепция перевода, которую М. П. Брандес будет развивать в следующем десятилетии.

Развитие психолингвистики и формирование теории речевой деятельности А. А. Леонтьева, а также исследования в области нормы языка стимулировали новые подходы к оценке функциональных стилей и жанров. К. А. Долинин высказал мнение о том, что функциональные стили – «это не что иное, как обобщённые речевые жанры, т. е. речевые нормы построения определённых классов текстов, в которых воплощаются обобщённые социальные роли»¹. Учёный попытался интерпретировать функционально-стилистическое и жанровое многообразие речи с помощью теории социальных ролей, согласно которой жанр выступает как форма речевого поведения, и именно из этой формы следует исходить при анализе функционального многообразия речи².

Между тем, жанровые исследования стимулировались самой жизнью. Успехи НТР в 1960–1970-х гг. привели к резкому возрастанию объёма научно-технической литературы, что не могло не оказать влияния на языковую ситуацию в целом и

дальнейшую стилевую дифференциацию научного стиля.

В рамках функциональной стилистики стали появляться работы, посвящённые изучению «подстилей», «подсистем», обладающих значимыми дифференциальными признаками. Мнения расходились, но большинство исследователей выделяли научно-технический (или собственно научный) подстиль, научно-деловой, научно-популярный и даже научно-фантастический, которые далее подвергались дальнейшему дроблению вплоть до «подязыков» или «микроязыков» отдельных дисциплин (физики, математики, астрономии и др.) [21]. Хотя учёными и признавалась некоторая закреплённость отдельных грамматических форм за определёнными жанрами, но строгого деления подстилей на жанры не существовало, поскольку в жаровых типологиях учёные не опирались на лингвистические параметры, а пользовались существующими книжными классификациями издательств, предназначенными для книготорговых целей, «приписывая» жанры тому или иному стилю, причём даже в книговедении термины «вид», «род» и «тип» использовались произвольно.

ГОСТы регламентировали использование стандартизированных терминов и вводили собственные классификации книжной продукции, давали первые определения отдельным «видам» научной литературы (например, монографии). Основными принципами классификации научной литературы были тематический принцип и целевое назначение. Классификация по целевому назначению тесно переплеталась с делением по читательским группам в зависимости от возраста и подготовленности. В результате некоторые учёные стали воспринимать все эти виды и типы изданий как жанровые разновидности: «Научный стиль речи, кроме того, объединяет виды литературы, неоднородные по форме, назначению и содержанию, т. е. имеет богатую жанровую дифференциацию. К научной литературе относятся собрания сочинений, моногра-

¹ Долинин К. А. *Стилистика французского языка: учебное пособие для факультетов и педагогических институтов иностранных языков*. Л.: Просвещение, 1978. С. 60.

² Там же.

фии, учебники, тематические сборники, «Труды», «Учёные записки», журналы, справочники, аннотации, информационные обзоры, производственно-техническая литература и т. п.»¹.

В 1970-х гг. появляются первые учебники и учебные пособия по стилистике научной речи². Так, в пособии М. П. Сенкевич³ отмечается практическая важность для редактора иметь представление о лексическом, морфологическом и синтаксическом составе не только научного стиля вообще, но и конкретного научного текста, а также выделяются «первичные» и «вторичные» документы, составляемые на основе аналитико-синтетической обработки информации, заключённой в первичных документах. А. Н. Васильева ставит вопрос о необходимости пристального изучения, помимо функциональных стилей (по терминологии автора – макростилей), более частных стилевых разновидностей, неоднородность которых объясняется содержательной и коммуникативной спецификой отдельных частей произведения, характером адресата, а также законами жанра и регламента (объёма): «Правила жанра определяют реальным объёмом общественно полезного содержания, а также возможностями и склонностями автора. Соотношением этих, а также некоторых других факторов определяются

разновидности и внутри одного жанра»⁴. Хотя в учебнике А. Н. Васильевой и не выстраивается стройной классификации жанров, но даётся их довольно подробная характеристика. Так, монография может быть теоретической и описательной, научной и учебной, а устное выступление может быть «подготовленным» и «полуподготовленным»⁵. Интересной также представляется мысль Васильевой о параллельности жанров в устной и письменной коммуникации (например, выступление является устной формой заметки).

В 1970-е гг. появляются первые работы, посвящённые изучению отдельных жанров научного текста⁶. Примечательно, что интерес учёных сосредоточен не только на письменных, но и на устных жанрах (в основном это работы Л. В. Славгородской, которые позднее войдут в монографию учёного [26]).

Из всех исследований выделяется работа Ю. А. Васильева об особенностях научно-технической статьи [6], которая содержит серьёзный теоретический материал, свидетельствующий о значительных сдвигах в развитии жанрового подхода, связанных главным образом со сближением теории речевых жанров с теорией речевых актов. Используя целостный функционально-коммуникативный подход, учёный рассматривает текст в плане порождения его языковой формы, которая, с точки зрения автора, происходит по схеме коммуникативно-речевого акта, при этом стратегия коммуникации «выступает в динамическом аспекте как целостная совокупность принципов отбора и комбинирования языковых средств, а в статическом аспекте как специфическая “жанровая” черта текста» [6,

¹ Лихтенштейн Е. С., Михайлов А. И. Редактирование научной, технической литературы и информации: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Журналистика». М.: Высшая школа, 1974. С. 22.

² Сенкевич М. П. Стилистика научной речи и литературное редактирование научных произведений: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Журналистика». М.: Высшая школа, 1976. 263 с.; Васильева А. Н. Курс лекций по стилистике русского языка. М.: Русский язык, 1976. 239 с.; Митрофанова О. Д. Научный стиль речи: проблемы обучения: методическое пособие. М.: Русский язык, 1976. 199 с.

³ Сенкевич М. П. Стилистика научной речи и литературное редактирование научных произведений: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Журналистика». М.: Высшая школа, 1976. 263 с.

⁴ Васильева А. Н. Курс лекций по стилистике русского языка. М.: Русский язык, 1976. С. 184.

⁵ Там же. С. 185.

⁶ См.: Миронова В. Ю. Лингвистическая характеристика речевого жанра научно-технического реферата (на материале немецких научно-технических реферативных журналов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1975. 37 с.; Швецова О. А. Становление жанра статьи в английской научной литературе // Язык и стиль научной литературы. М.: Наука, 1977. С. 34–46.

с. 49]. Утверждение Васильева о том, что «различные группы жанров (информационные, жанры воздействия и общения) порождаются разновидностями целеполагания в акте речевой коммуникации, а новые формы научной коммуникации вызываются к жизни закономерностями развития самой науки и стимулируются социальными условиями её существования», было весьма важным, поскольку позволяло выделить элементы, сочетанием которых «программируется» передача заключённого в тексте содержания, и эти же элементы составляют основу композиции речевого произведения [6, с. 51].

Таким образом, опыт научных поисков 1970-х гг. показал, что, несмотря на значительные успехи в изучении вариативности стиля, попытку охватить всё многообразие результатов речевой деятельности и понимание того, что жанр может быть ключом к решению многих лингвистических проблем, чувствовалась недостаточность количества параметров для описания жанра. Науке ещё предстояло рассмотреть жанр в каких-то иных аспектах, не только как результат речевого акта.

Заключение

Краткий обзор истории формирования жанрового подхода к изучению научного текста в 60-х – 70-х гг. XX в. показывает, что отечественные исследования разрабатывались в соответствии с разрабатываемой

в языкознании общей моделью языка: от структуралистских теорий (статической модели) к системно-функциональным и деятельностным (динамической модели), учитывающим постепенно увеличивающийся набор факторов формирования речевого высказывания (жанра). То расширяя, то сужая представление о предмете исследования, языковеды различных направлений и школ пришли к выводу о важности жанра для филологического изучения как средоточия множества лингвистических и экстралингвистических факторов в некоем текстовом целом, имеющем смысловую и формальную завершённость.

Основными недостатками рассмотренных нами теорий являются их неспособность (в некоторых случаях боязнь выйти за рамки дисциплины) исследовать жанр как самостоятельное явление, а не разновидность стиля, а также абсолютизация коммуникативного параметра как единственного жанрообразующего фактора. Тем не менее, начало было положено, и теория жанра в лингвистике продолжила развиваться в общей динамике целого комплекса наук, стимулируемая практическими потребностями общества в преподавании языков, научно-техническом переводе и классификации научной литературы, проходя новые этапы на пути к своему становлению, что, на наш взгляд, должно стать предметом дальнейшего исследования.

Статья поступила в редакцию 09.10.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. 444 с.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Советский писатель, 1963. 363 с.
3. Брандес М. П. Стилистический анализ (на материале нем. яз.). М.: Высшая школа, 1971. 190 с.
4. Будагов Р. А. Литературные языки и языковые стили. М.: Высшая школа, 1967. 376 с.
5. Бузальская Е. В. Научная статья: тенденции изменения модели // Жанры речи. 2021. № 2 (30). С. 90–100.
6. Васильев Ю. А. Некоторые вопросы языково-стилистического анализа практических форм научной речи (на материале современной научно-технической статьи) // Язык и стиль научной литературы. М.: Наука, 1977. С. 47–65.
7. Виноградов В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. 1955. № 1. С. 60–87.
8. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. 256 с.
9. Гальперин И. Р. О понятии «текст» // Вопросы языкознания. 1974. Т. 6. № 2. С. 68–77.

10. Глушкова М. С., Згурская О. Г., Таланина А. А. Возможности использования понятия «хронотоп» для описания жанра лекции // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2021. Т. 20. № 2. С. 144–156.
11. Гричин С. В. Авторизационная модель научного текста = An authorization model of a scientific text. Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2020. 290 с.
12. Ильинская И. С. О языковых и неязыковых стилистических средствах // Вопросы языкознания. 1954. № 5. С. 84–89.
13. Кожина М. Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. Пермь: Б. и., 1966. 213 с.
14. Кожина М. Н. К основам функциональной стилистики. Пермь: Б. и., 1968. 251 с.
15. Кожин В. В. Происхождение романа: теоретически-исторический очерк. М.: Советский писатель, 1963. 439 с.
16. Котюрова М. П., Соловьева Н. В. Современный научный текст. Сквозь призму дискурсивных изменений. М.: Флинта, 2019. 263 с.
17. Лаптева О. А. Внутрителиевая эволюция современной русской научной прозы. Развитие функциональных стилей современной научной прозы // Развитие функциональных стилей современного русского языка. М.: Наука, 1968. С. 126–185.
18. Лескис Г. А. О размерах предложений в русской научной и художественной прозе 60-х годов XIX века // Вопросы языкознания. 1962. № 2. С. 78–95.
19. Лихачёв Д. С. Система жанров древнерусской литературы // Славянские литературы: доклады советской делегации: V Международный съезд славистов. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 47–70.
20. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
21. Митрофанова О. Д. Язык научно-технической литературы. М.: Московский университет, 1973. 145 с.
22. Разинкина Н. М. Развитие языка английской научной литературы: лингвостилистические исследования. М.: Наука, 1978. 211 с.
23. Рогова К. А. «Жизнь языка» как направление научного творчества Ю. С. Сорокина (к истокам стилистики текста) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2013. Т. 9. № 2. С. 27–35.
24. Семенюк Н. Н. К характеристике лингвистических различий разных жанров письменности // Вопросы языкознания. 1966. № 6. С. 60–70.
25. Силкина О. М. Структура научной аннотации: интегральная модель // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы X Международной научной конференции, Челябинск, 1–3 октября 2020 г. Челябинск, Челябинский государственный университет, 2020. С. 205–210.
26. Славгородская Л. В. Научный диалог (лингвистические проблемы) / отв. ред. Е. С. Троянская. Л.: Наука, 1986. 166 с.
27. Сорокин Ю. С. К вопросу об основных понятиях стилистики // Вопросы языкознания. 1954. № 2. С. 68–82.
28. Торубарова И. И., Стеблецова А. О. Научный медицинский текст в академическом дискурсе. Воронеж: Научная книга, 2022. 180 с.
29. Федоров А. В. В защиту некоторых понятий стилистики // Вопросы языкознания. 1954. № 5. С. 65–73.
30. Федоров А. В. Введение в теорию перевода (лингвистические проблемы). 2-е изд., перераб. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. 374 с.
31. Хурыз И. П. Академический дискурс. Культурно-специфичная система конструирования и трансляции знаний. 3-е изд., стереотип. М.: Флинта: Наука, 2018. 171 с.

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorcestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986. 444 p.
2. Bakhtin M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Moscow, Sovetskii Pisatel Publ., 1963. 363 p.
3. Brandes M. P. *Stilisticheskij analiz (na materiale nem. yaz.)* [Stylistic Analysis (Based on German Material)]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1971. 190 p.

4. Budagov R. A. *Literaturnye yazyki i yazykovye stili* [Literary Languages and Linguistic Styles]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1967. 376 p.
5. Buzalskaya E. V. [Scientific Article: Trends in Model Changes]. In: *Zhanry rechi* [Genres of Speech], 2021, no. 2 (30), pp. 90–100.
6. Vasilev Yu. A. [Some Questions of Linguistic and Stylistic Analysis of Practical Forms of Scientific Speech (Based on the Material of a Modern Scientific and Technical Article)]. In: *Yazyk i stil' nauchnoj literatury* [Language and Style of Scientific Literature], Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 47–65.
7. Vinogradov V. V. [Results of the Discussion of Issues of Stylistics]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Issues of Linguistics], 1955, no. 1, pp. 60–87.
8. Vinogradov V. V. *Stilistika. Teoriya poeticheskoy rechi. Poetika* [Stylistics. Theory of Poetic Speech. Poetics]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1963. 256 p.
9. Galperin I. R. [On the Concept of “Text”]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of Linguistics], 1974, vol. 6, no. 2, pp. 68–77.
10. Glushkova M. S., Zgurskaya O. G., Talanina A. A. [On Feasibility of Using Chronotope for Description of Lecture Genre]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznaniye* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 2, pp. 144–156.
11. Grichin S. V. *Avtorizatsionnaya model' nauchnogo teksta = An authorization model of a scientific text* [An Authorization Model of a Scientific Text]. Novosibirsk, Novosibirsk State Technical University Publ., 2020. 290 p.
12. Ilinskaya I. S. [About Linguistic and Non-Linguistic Stylistic Means]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of Linguistics], 1954, no. 5, pp. 84–89.
13. Kozhina M. N. *O specifikhe hudozhestvennoj i nauchnoj rechi v aspekte funkcional'noj stilistiki* [On the Specifics of Artistic and Scientific Speech in the Aspect of Functional Stylistics]. Perm, 1966. 213 p.
14. Kozhina M. N. *K osnovaniyam funkcional'noj stilistiki* [On the Foundations of Functional Stylistics]. Perm, 1968. 251 p.
15. Kozhinov V. V. *Proiskhozhdenie romana: teoreticheski-istoricheskij ocherk* [The Origin of the Novel: A Theoretical and Historical Essay]. Moscow, Sovetskij pisatel Publ., 1963. 439 p.
16. Kotyurova M. P., Solov'eva N. V. *Sovremennyy nauchnyy tekst. Skvoz' prizmu diskursivnykh izmenenij* [Modern Scientific Text. Through the Prism of Discursive Changes]. Moscow, Flinta Publ., 2019. 263 p.
17. Lapteva O. A. [Intra-style Evolution of Modern Russian Scientific Prose. Development of Functional Styles of Modern Scientific Prose]. In: *Razvitie funkcional'nykh stilej sovremennogo russkogo yazyka* [Development of Functional Styles of the Modern Russian Language]. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 126–185.
18. Lesskis G. A. [On the Size of Sentences in Russian Scientific and Artistic Prose of the 60s of the 19th century]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of Linguistics], 1962, no. 2, pp. 78–95.
19. Likhachyov D. S. [System of Genres of Ancient Russian Literature]. In: *Slavyanskije literatury: doklady sovetskoj delegacii: V Mezhdunarodnyj s'ezd slavistov* [Slavic Literatures: Reports of the Soviet delegation: V International Congress of Slavists]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1963, pp. 47–70.
20. Lotman Yu. M. *Struktura hudozhestvennogo teksta* [The Structure of Artistic Text]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1970. 384 p.
21. Mitrofanova O. D. *Yazyk nauchno-tehnicheskoy literatury* [Language of Scientific and Technical Literature]. Moscow, Moscow University Publ., 1973. 145 p.
22. Razinkina N. M. *Razvitie yazyka anglijskoj nauchnoj literatury: lingvisticheskie issledovaniya* [Development of the Language of English Scientific Literature: Linguistic and Stylistic Studies]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 211 p.
23. Rogova K. A. [“Life of Language” as an Area of Yu. S. Sorokin’s Research]. In: *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovanij* [Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies], 2013, vol. 9, no. 2, pp. 27–35.
24. Semenyuk N. N. [On the Characteristics of Linguistic Differences in Different Genres of Writing]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of Linguistics], 1966, no. 6, pp. 60–70.
25. Silkina O. M. [Structure of a Scientific Annotation: An Integral Model]. In: *Slovo, vyskazyvanie, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kul'turologicheskom aspektah: materialy X Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Chelyabinsk, 1–3 oktyabrya 2020 g.* [Word, Statement, Text in Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects: Materials of the X International Scientific Conference, Chelyabinsk, October 1–3, 2020]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University Publ., 2020, pp. 205–210.

26. Slavgorodskaya L. V. *Nauchnyj dialog (lingvisticheskie problemy)* [Scientific Dialogue (Linguistic Problems)]. Leningrad, Nauka Publ., 1986. 166 p.
27. Sorokin Yu. S. [On the Question of the Basic Concepts of Stylistics]. In: *Voprosy yazykoznavaniya* [Questions of Linguistics], 1954, no. 2, pp. 68–82.
28. Torubarova I. I., Steblecova A. O. *Nauchnyj medicinskij tekst v akademicheskom diskurse* [Scientific Medical Text in Academic Discourse]. Voronezh, Nauchnaya kniga Publ., 2022. 180 p.
29. Fedorov A. V. [In Defense of Some Concepts of Stylistics]. In: *Voprosy yazykoznavaniya* [Questions of Linguistics], 1954, no. 5, pp. 65–73.
30. Fedorov A. V. *Vvedenie v teoriyu perevoda (lingvisticheskie problemy)* [Introduction to the Theory of Translation (Linguistic Problems)]. Moscow, Izdatel'stvo literatury na inostrannyh yazykah Publ., 1958. 374 p.
31. Hutyz I. P. *Akademicheskij diskurs. Kul'turno-specifichnaya sistema konstruirovaniya i translyacii znaniy* [Academic Discourse. A Culturally Specific System for Constructing and Transmitting Knowledge]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2018. 171 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кытманова Екатерина Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Государственного университета просвещения;
e-mail: ea.kytmanova@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina A. Kytmanova – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Department of Foreign Languages, State University of Education;
e-mail: ea.kytmanova@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кытманова Е. А. Становление жанрового подхода к научному тексту в отечественном языкознании 60-х – 70-х гг. XX века // Отечественная филология. 2023. № 5. С. 71–83.
DOI: 10.18384/2949-5008-2023-5-71-83

FOR CITATION

Kytmanova E. A. The Formation of Genre Approach to Scientific Text in Russian Linguistics in the 1960s – 1970s. In: *Russian Studies in Philology*, 2023, no. 5, pp. 71–83.
DOI: 10.18384/2949-5008-2023-5-71-83

УДК 811.161.1'271

DOI: 10.18384/2949-5008-2023-5-84-90

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ОБЪЕДИНЯЮЩАЯ СИЛА НАРОДОВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Молчанова М. М., Синицына Ю. Н.

Краснодарский государственный институт культуры

350072, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. 40-лет Победы, д. 33, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Дать всесторонний анализ современному состоянию русского языка в контексте культуры речи и лингвистики, совершив краткий экскурс в историю возникновения и развития постоянно обновляющейся научно-прикладной и интегральной дисциплины.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет анализ языковых единиц. Приведён анализ взглядов исследователей на проблему современного русского языка в контексте культуры речи.

Результаты. Выявлены экстралингвистические причины, детерминирующие негативные языковые явления, а также установлена взаимосвязь демократических преобразований в обществе с либерализацией языковых, коммуникативных и этических норм.

Теоретическая и/или практическая значимость. Предложено уточнение концепта «демократизация» языковых процессов и его роли в развитии русского языка как государственного и объединяющего более 190 народов, населяющих Российскую Федерацию. Материалы могут быть использованы в практике преподавания русского языка и культуры речи.

Ключевые слова: демократизация языка, интернет-дискурс, информационная эпоха, лингвистика, медиадискурс

THE RUSSIAN LANGUAGE AS A UNIFYING FORCE OF THE PEOPLES OF RUSSIA

M. Molchanova, Yu. Sintsyna

Krasnodar State Institute of Culture

ul. 40-let Pobedy 33, Krasnodar 350072, Krasnodar Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To give a comprehensive analysis of the state of the Russian language in the field of speech culture and linguistic ethics, making a short excursus into the history of origin and development of a constantly updated scientific and applied integral discipline.

Methodology. The main content of the study is the analysis of language units. The analysis of the researchers' views on the problem of the modern Russian language in the context of the speech culture is given.

Results. The extra-linguistic reasons that determine the negative language phenomena are revealed, as well as the relationship between democratic transformations in the society and the liberalization of linguistic, communicative and ethical norms is established.

Research implications. A clarification of the concept of "democratization" of linguistic processes and its role in the development of the Russian language as a state language uniting more than 190 peoples in the Russian Federation is proposed. The materials can be used in the practice of teaching the Russian language and culture of speech.

Keywords: democratization of language, Internet discourse, information age, linguistic ethics, media discourse

© CC BY Молчанова М. М., Синицына Ю. Н., 2023.

Введение

В последнее время к состоянию русско-го языка в аспекте культуры речи и рече-вого поведения приковано внимание не только лингвистов, но и политиков, социологов, журналистов – всех тех, кому не безразлична судьба нашей страны в период острых противоречий и конфликтов с Западом и его пропагандой русофобских настроений. После «вакханалии вседозволенности» в медиадискурсе наконец постепенно намечается со стороны государства заботливое отношение к русскому языку как хранилищу тех культурных и традиционных ценностей, которые веками в нём накапливались и отражались в непревзойдённых образцах классической русской и советской литературы. Среди классиков последней не только русские по национальности, но и представители многочисленных народов и этносов, населяющих нашу страну. Так, великий сын дагестанского народа, аварец Расул Гамзатов, столетие которого мы отмечаем в этом году, писал о своём родном языке: «И если завтра мой язык исчезнет, / То я готов сегодня умереть»¹. В этих строках лаконично и мудро выражена любовь к родному аварскому языку, а в последнее время и русский язык, объединяющий все российские народы, был в опасности, когда он испытывал «беспрецедентную экспансию со стороны глобального английского языка» [6, с. 50].

В наше время проблема правильного, ясного и всем понятного русского языка остро стоит на повестке дня, т. к. далеко «не секрет, что именно литературный, нормированный язык объединяет нацию. Именно он наряду с экологическими, политическими и другими факторами обеспечивает единство нации, выступает её консолидирующим началом» [7, с. 52–53].

¹ Гамзатов Р. Родной язык / пер. Н. Гребнева // Культура.рф: [сайт]. URL: <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:DcgDlb7zWbEJ:https://www.culture.ru/poems/42347/rodnoi-yazyk&hl=ru&gl=ru> (дата обращения: 08.03.2023).

Культура речи как интегральная дисциплина

То, что происходило с русским языком в постперестроечное время, трудно квалифицировать как нормальное и поступательное его развитие. Так, американизация языка А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского на рубеже веков приобрела невероятные масштабы.

Американский вариант английского языка агрессивно вторгся в нашу жизнь, покушаясь на традиционность выражений и даже ментальность. Мы с лёгкостью воспринимали эти неудобоваримые номинации, звучащие вопреки законам нашей русской фонетики: *дайджест*, *лайфхакер*, *уикенд*, *промоушен*, *гёрлфренд* и др. Этот процесс заимствований в том числе «активизирован появлением большого числа предметов и явлений, не имеющих эквивалентных номинаций в русском языке» [9, с. 13].

Известный лингвист В. Г. Костомаров все негативные языковые явления постперестроечного времени объяснял тем, что мы живём в эпоху энтропии, и, как только она закончится, русский язык, подобно птице Фениксу, начнёт возрождаться и возвращать себе былую мощь, красоту и особый лад, гармонию².

Конечно, до тех времён, когда авторы медиатекстов начнут писать без излишних заимствований, ещё далеко, но последние события вселяют надежду, что «великий и могучий» лишь временно находился под воздействием неблагоприятных экстралингвистических условий.

Нельзя не согласиться и с мнением В. В. Колесова, что «язык является единственной силой, которая ещё осталась у нас как возможность развития культуры, потому что язык выступает в качестве уникальной системы концептуальных ценностей, накопленных поколениями» [4, с. 226].

На протяжении длительного времени русский язык претерпевал так называемые демократические преобразования,

² См.: Костомаров В. Г. Великий язык великого народа // Костомаров В. Г. Русский язык среди других языков мира: книга для учащихся старших классов. М.: Просвещение, 1975. С. 165–173.

связанные с социальным переустройством общества. Наиболее заметные из них происходили в эпоху революционных реформ и перестроек.

Активным процессам демократизации подвергся русский язык в 20-е гг. XX века. Именно тогда представители нового политического строя (многие из которых были практически безграмотными) заговорили на так называемом «новоязе». Это явление зафиксировано и талантливо отражено, например, в произведениях таких авторов, как А. П. Платонов и М. М. Зощенко. Книга А. М. Селищева «Язык революционной эпохи», написанная по горячим следам тех исторических событий и вышедшая в 1928 г., также предоставляет нам ряд уникальных фактов и свидетельств демократизации языка.

Именно в конце 20-х гг. прошлого столетия появляется новая научно-прикладная дисциплина – культура речи. В её становлении и развитии сыграли большую роль труды известных языковедов, среди которых были Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, Л. В. Щерба и др. Именно они заложили фундамент изучения русского языка как социального явления, наметили круг вопросов, связанных с популяризацией правильной и образцовой речи среди широких слоёв населения.

Так, Б. А. Ларин разработал актуальную программу по изучению языкового быта города, которая, к сожалению, из-за известных исторических событий не была реализована. Тем не менее культура речи и интерес к ней вновь возродился в 60-е гг. прошлого века, и опять можно назвать целую плеяду известных учёных-лингвистов, много и с увлечением работавших над проблематикой этой дисциплины.

Труды В. В. Виноградова, К. С. Горбачевича, В. Г. Костомарова, С. И. Ожегова и многих других имели огромное значение для дальнейшего развития культуры речи в нашей стране. Все изыскания в этой области строились вокруг понятия правильности речи, а также проблемы её нормированности и кодификации.

Сейчас эта дисциплина рассматривается многими авторитетными исследователями как интегральная научная сфера, развивающаяся на стыке социолингвистики, стилистики, риторики, теории коммуникации, медиалингвистики, лингвоэтики.

Лингвоэтика и культура речи

Особенно востребована сегодня последняя научная сфера – лингвоэтика. Несомненно, что речевая культура и речевое поведение в массмедийном общении должны регулироваться не только языковыми, но и этическими нормами.

Лингвоэтика – это новое направление, исследующее массмедийный дискурс, появившееся на стыке лингвистики, этики, аксиологии и деонтологии. Основателем этого направления по праву считается Н. Д. Бессарабова, декларирующая, что «в поле зрения лингвоэтики оказываются языковые способы выражения морально-этических отклонений в жизни общества» [2, с. 60].

Перечисляя причины нарушений лингвоэтики в медиадискурсе, следует остановиться на главных из них. Во-первых, это пренебрежительное отношение к строго нормативному языку газет советской эпохи, отказ от него. Во-вторых, свободу слова постперестроечного периода работники пера восприняли как вседозволенность – возможность использовать любые языковые средства, игнорируя морально-нравственные ограничения. Ну и, наконец, в-третьих, влияние стилистики постмодернистского письма на сферу массмедиа.

Известно, что постмодернизм не признаёт абсолюта каких-либо этических принципов, заменяя их принципами релятивизма или плюрализма. Всё это привело к снятию этических рамок, которые раньше были обязательными в творчестве журналистов советской школы. К этому следует добавить ещё и влияние западной культуры на русское коммуникативное поведение.

Указанные причины сыграли не последнюю роль в демократизации русского языка, негативные последствия которой

так ощутимы и с трудом поддаются преодолению.

Дело в том, что интенсивная демократизация языка на рубеже веков при отсутствии цензурирования привела к тому, что потоки сниженной, жаргонной, обесценной, табуированной лексики вышли из берегов своей социальной среды (чаще асоциальной) и агрессивно заполонили все стили и жанры, где наблюдается тенденция к усилению экспрессии: художественную литературу, язык массмедиа, публичные выступления политиков и общественных деятелей, различные политические ток-шоу и т. д. Так, например, болевыми точками лингвоэтических исследований медиадискурса являются проблемы засилия низменного, пропаганда торжества «человеческого низа» – биологического, общественного, языкового, а также пренебрежительного отношения к целевой аудитории, граничащего с цинизмом [3; 10].

Вместе с тем именно в массмедиа сегодня отражается обобщённая модель национального языка, которым пользуются практически все [11]. «В интернет-дискурсе России следует отметить и выделить следующие функции: фатическую, функцию самовыражения, функцию развлечения и, наконец, функцию оперативного информирования. Круг обозначенных функций открыт и пополняется за счёт всё новых технических возможностей. Именно они придают интернет-дискурсу статус самого популярного и эффективного коммуникативного пространства. Таким образом, современный медиамир приобретает черты цивилизации гипертекста, а живущих в информационную эпоху людей можно назвать виртуальными, сетевыми людьми» [8, с. 91].

Сетевой журналист, работающий в сфере общественно значимых контактов, как никто другой обязан соблюдать морально-нравственные нормы и строить свои тексты и высказывания согласно правилам этики, тем более, по мнению исследователей, «однодневная» журналистика формирует новую систему ценностей [1]. Не будет преувеличением сказать, что через медиатексты и благодаря им наш язык не только

передаёт оперативную информацию о событиях и явлениях внешнего мира, но и формирует у адресата видение этого мира, навязывая при этом (иногда при помощи речевой агрессии) их аксиологию.

К этому следует добавить, что процесс демократизации языка также напрямую зависит от его употребления в современных СМИ, т. к. тенденция к экспрессии в них постоянно увеличивается с целью завоевания и привлечения внимания публики.

Процесс «демократизации» языка в аспекте культуры речи

Известно, что концепт «демократизация» включает в свою структуру две главные составляющие: общественно-политическую и собственно лингвистическую стороны, иными словами, демократизация общества влечёт за собой и демократизацию языка.

Основными характеристиками, параметрирующими современный процесс демократизации языка, являются, прежде всего, массмедийные дискурсивные источники. Именно они сегодня правят бал в формировании языкового вкуса и языковых пристрастий россиян.

Возвращаясь в постперестроечную эпоху, в так называемые «лихие 90-е», отметим, что как раз в это время значительная часть политической элиты – представители криминалитета. Их активность в политической и общественной жизни страны, стремление к публичным выступлениям в средствах массовой коммуникации привели к тому, что в русский язык начинал проникать и актуализироваться в нём лагерно-тюремный жаргон.

Интересно отметить, что вышедший в доперестроечное время художественный фильм «Джентльмены удачи» (1971), несмотря на свою популярность, не стал причиной распространения криминальной лексики, т. к. авторы сценария использовали не настоящий воровской жаргон, а искусственно ими созданный. В сериалах нашего времени герои говорят на реальном жаргоне, тем самым распространяя и

популяризирую язык криминалитета среди тех, кто не является его носителем и не имеет никакого отношения к этой асоциальной прослойке. Жаргонная лексика заложена уже в самих названиях: «Убойная сила», «Ментовские войны», «Налёт», «Под прикрытием», «Авария – дочь мента» и т. д. Таким образом, лексика и стиль общения представителей асоциальной среды начали и продолжают активно использоваться, вступая в конкуренцию с традиционными средствами литературного языка, служа источником экспрессии и нестандартности изложения, эпатируя публику.

В нашем языке предостаточно грубых и циничных слов и выражений, к примеру, *выпилиться* (покончить жизнь самоубийством), *биомусор* (ненужный обществу человек), *чернильница* (русская девушка, имеющая отношения с нерусским), *чурка* (нерусский), *сыграть в ящик* (умереть), нарушающих не только стилистические нормы, но и этические – их использование и приводит к речевой агрессии и насаждает в обществе национальную рознь, ксенофобию, а иногда и бескультурие. С такими явлениями следует бороться, они уродуют не только язык, но и сознание подрастающего поколения.

Именно в 90-е годы прошлого столетия филологическая общественность стала бить тревогу и активно возмущаться слишком активным напором со стороны внутренних заимствований (жаргонизмов) и внешних (американизмов). Кстати, проблема заимствований всегда была не только языковой, но и общественно-политической, которая разделяла общество на либералов, ратующих за вседозволенность, и консерваторов, выступающих за традиционализм и чистоту русского языка.

Это противостояние продолжается и в наши дни. В настоящее время происходят серьёзные изменения в структуре русского языка по причине широкого употребления внелитературных элементов (жаргонизмов, просторечия, молодёжного сленга, табуированной и обценной лексики). Время покажет, войдут ли эти единицы в языковую систему или останутся за её предела-

ми. Хочется надеяться, что развитие языка пойдёт по пути избавления от речевой агрессии и возврата к речи красивой, ладной, гармоничной [12].

Вместе с тем нельзя не отметить, что в последнее время Россия становится страной законов. Особенно быстро принимаются законы о русском языке, ограничивающие использование в нём в определённых сферах и стилях негативных слов и выражений, среди которых необходимо отметить такие, как новейшие заимствования, жаргонизмы и обценную лексику в крайнем её проявлении. Многие исследователи понимают процесс демократизации русского языка как стремление к снижению стиля и пополнению экспрессии за счёт средств речевой агрессии, брани, непристойных слов и выражений.

Однако есть и обратная сторона медали в этом процессе: язык становится более острым, экспрессивным, живым и выразительным. Тем не менее, необходимо регулировать этот процесс и порицать чрезмерное увлечение представителей творческих и публичных профессий обценной лексикой, лагерно-тюремными жаргонами, просторечием.

Мы все сейчас осознаём, какой важной и жизненно необходимой для России является идея единства многонационального народа, но без единого русского литературного языка воплотить её невозможно. Все этносы, населяющие нашу страну, должны владеть государственным языком Российской Федерации. В. Г. Костомаров в одной из последних своих книг «Язык текущего момента» достаточно убедительно пишет: «Правильный русский язык, который становится общим, гордо повторяет в своём названии имя государства и народа, кому он родной, – русский, Русь, Россия (раньше писали о языке Российском, подчёркивая уважение заглавной буквой). Он принципиально един, устойчив и всеобщ. Он вышшеается над океаном наречий, жаргонов, даже общего просторечия, не говоря уж об особенностях речи отдельных личностей. Он служит дисциплинирующим орудием, наводящим порядок в обществе» [5, с. 53].

Заключение

Резюмируя изложенную проблематику, следует заметить следующее: русский язык не впервые сталкивается с демократическими преобразованиями, которые основательно и ускоренно расшатывают границы укоренившейся нормы и традиции. Как правило, этот процесс сопровождается новшествами, вызванными внешними и внутренними заимствованиями, обилие которых представляет опасность для таких качеств речи, как правильность, точность, ясность.

Неслучайно в научной литературе появился термин «лингвоцинизм», который реализуется в медиапродукции сомнительного качества, и в этом плане стоит обратить особое внимание на это явление и всячески искоренять его. Ведь такое отношение к окружающему миру «вольно или невольно демонстрирует отсутствие ориентации на нормы нравственности» [12, с. 42].

В основном новые слова и выражения освежают высказывания и придают им оригинальность, тем самым пополняя реестр экспрессии. Однако, стремясь к выразительности, а иногда и к эпатажу, представители творческих профессий (журналисты, писатели, блогеры) нарушают права адресата на получение понятной и правильно изложенной информации в рамках этических норм.

Один из последних указов Президента об ограничении использования иностранных слов¹ в определённых сферах и стилях красноречиво свидетельствует, что масштабы заимствований приобрели угрожающие размеры, и русский язык как язык межнационального общения нуждается в государственной защите от посягательств на его самобытность, красоту и традиционную выразительность.

Статья поступила в редакцию 10.04.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анненкова И. В. Язык современных СМИ как система интерпретации в контексте русской культуры // Язык современной публицистики: сборник статей / сост. Г. Я. Солганик. М.: Флинта: Наука, 2005. С. 99–115.
2. Бессарабова Н. Д. Лингвоэтика, или ещё раз об этическом аспекте культуры речи современных СМИ и рекламы // Журналистика и культура русской речи. 2011. № 58. С. 55–62.
3. Ильясова С. В. Словообразовательная игра: от лингвокреативности до лингвоциничности (на материале языка современных российских СМИ) // Политическая лингвистика. 2020. № 3 (81). С. 39–45.
4. Колесов В. В. Жизнь происходит от слова... СПб.: Златоуст, 1999. 361 с.
5. Костомаров В. Г. Язык текущего момента: понятие правильности. СПб.: Златоуст, 2014. 221 с.
6. Лазуткина Е. М. О необходимости активной языковой политики // Русский язык в современном мире: настоящее и будущее: сборник статей / отв. ред. М. Б. Раренко. М.: ИНИОН РАН, 2021. С. 47–65.
7. Лисицкая Л. Г. Медиатекст в аспекте культуры речи. М.: Центральное издательство учебно-методической и научной литературы, 2008. 167 с.
8. Лисицкая Л. Г., Молчанова М. М. Функционально-коммуникативные возможности интернет-дискурса // Thesaurus. 2021. Вып. VIII. С. 91–97.
9. Морозова Т. В. Языковая норма: трудности кодификации динамических феноменов // Гуманитарная парадигма. 2020. № 1 (12). С. 7–17.
10. Тулупов В. В. Этический «кодекс» журналистской профессии // Этика речевого поведения российского журналиста. СПб.: Астерион, 2009. С. 11–43.
11. Солганик Г. Я. Язык СМИ на современном этапе // Мир русского слова. 2010. № 2. С. 21–24.
12. Формановская Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М.: Институт русского языка им. А. С. Пушкина, 1998. 291 с.

¹ Путин подписал закон о регулировании употребления иностранных слов // Ведомости: [сайт]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2023/02/28/964663-putin-podpisal-zakon-o-regulirovanii-inostrannih-slov> (дата обращения: 08.03.2023).

REFERENCES

1. Annenkova I. V. [The Language of Modern Media as a System of Interpretation in the Context of Russian Culture]. In: *Yazyk sovremennoj publicistiki* [The Language of Modern Journalism]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2005, pp. 99–115.
2. Bessarabova N. D. [Linguistic ethics, or Once Again about the Ethical Aspect of Speech Culture of Contemporary Mass Media and Advertisements]. In: *Zhurnalistika i kul'tura russkoj rechi* [Journalism and the Culture of Russian Speech], 2011, no. 58, pp. 55–62.
3. Il'yasova S. V. [A Word Building Game: From Linguocreativity to Linguocynicism (On the Material of Modern Russian Mass Media)]. In: *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2020, no. 3 (81), pp. 39–45.
4. Kolesov V. V. *Zhizn' proiskhodit ot slova...* [Life Comes from the Word...]. St. Petersburg, Zlatoust Publ., 1999. 361 p.
5. Kostomarov V. G. *Yazyk tekushchego momenta: ponyatie pravil'nosti* [The Language of the Current Moment: the Concept of Correctness]. St. Petersburg, Zlatoust Publ., 2014. 221 p.
6. Lazutkina E. M. [On the Need for an Active Language Policy]. In: *Russkij yazyk v sovremennom mire: nastoyashchee i budushchee* [Russian Language in the Modern World: Present and Future]. Moscow, INION RAN Publ., 2021, pp. 47–65.
7. Lisickaya L. G. *Mediatekst v aspekte kul'tury rechi* [Media Text in the Aspect of Speech Culture]. Moscow, Central'noe izdatel'stvo uchebno-metodicheskoy i nauchnoj literatury Publ., 2008. 167 p.
8. Lisickaya L. G., Molchanova M. M. [Functional and Communicative Skills the Possibilities of Internet Discourse]. In: *Thesaurus*, 2021, no. 8, pp. 91–97.
9. Morozova T. V. [Language Rule: The Difficulties of Codification of Dynamic Phenomena]. In: *Gumanitarnaya paradigma* [Humanitarian Paradigm], 2020, no. 1 (12), pp. 7–17.
10. Tulupov V. V. [Ethical "code" of the Journalistic Profession]. In: *Etika rechevogo povedeniya rossijskogo zhurnalista* [Ethics of Speech Behavior of a Russian Journalist]. St. Petersburg, Asterion Publ., 2009, pp. 11–43.
11. Solganik G. J. [The Language the Mass Media on the Contemporary Type]. In: *Mir russkogo slova* [World of Russian Word], 2010, no. 2, pp. 21–24.
12. Formanovskaya N. I. *Kommunikativno-pragmaticheskie aspekty edinic obshcheniya* [Communicative and Pragmatic Aspects of Communication Units]. Moscow, Institute of Russian Language named after A. S. Pushkin Publ., 1998. 291 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Молчанова Марина Михайловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского и иностранных языков и литературы Краснодарского государственного института культуры; e-mail: molchanov_mm@mail.ru

Синицына Юлия Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского и иностранных языков и литературы Краснодарского государственного института культуры; e-mail: tiida07@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Marina M. Molchanova – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Department of Russian and Foreign Languages and Literature, Krasnodar State Institute of Culture;

e-mail: molchanov_mm@mail.ru

Yulia N. Sinityna – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Department of Russian and Foreign Languages and Literature, Krasnodar State Institute of Culture;

e-mail: tiida07@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Молчанова М. М., Синицына Ю. Н. Русский язык как объединяющая сила народов современной России // Отечественная филология. 2023. № 5. С. 84–90.

DOI: 10.18384/2949-5008-2023-5-84-90

FOR CITATION

Molchanova M. M., Sinityna Yu. N. The Russian Language as a Unifying Force of the Peoples of Russia. In: *Russian Studies in Philology*, 2023, no. 5, pp. 84–90.

DOI: 10.18384/2949-5008-2023-5-84-90

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2023-5-91-101

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭМОТИВНЫХ МЕЖДОМЕТИЙ В ТЕКСТОВОМ ДИАЛОГЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ В. М. ШУКШИНА)

Нагорный И. А.*Цзилиньский университет**130012, г. Чанчунь, ул. Цянцзинь, д. 10, Китайская Народная Республика*

Аннотация

Цель. Анализ функциональных параметров и коммуникативных свойств междометий как экспрессивизаторов репрезентируемых в текстовом диалоге коммуникативных реакций. Определение, описание и систематизация функций эмотивных междометий при индивидуализации образов персонажей в семантическом пространстве авторского текста.

Процедура и методы. Исследовательская база работы разрабатывалась при помощи функционального и описательного методов, применявшихся для анализа функций эмотивных междометий в текстовом диалоге, описания особенностей экспрессивизации междометиями коммуникативных реакций субъектов, систематизации актуализируемых междометиями модусно-экспрессивных смыслов, а также дифференциации смысловых оттенков в коммуникативном поле авторского текста.

Результаты. В работе анализируются особенности функционирования эмотивных междометий при экспрессивизации диалога, устанавливаются коммуникативные функции данных междометий в семантическом пространстве авторского текста, уточняются функциональные параметры эмотивных междометий как репрезентаторов эмоционально-психологических реакций субъектов. Доказано, что эмотивные междометия в диалогах художественного текста проявляют себя как многофункциональные речевые усилители, применяемые художником слова для индивидуализации образов героев в текстовой оценочной зоне. Определены функциональные и коммуникативно-прагматические свойства эмотивных междометий как средств выражения личного мнения субъекта через репрезентацию многослойных психологических реакций. Проанализированы аспекты речевого воздействия говорящего на адресата в текстовом диалоге при помощи эмотивных междометий.

Теоретическая и/или практическая значимость. Базируется на обобщении теоретических и практических данных, полученных в ходе исследования заявленной научной проблемы. Один из векторов развития функционально-экспрессивного ресурса языковых средств в текстовых диалогах исследован на основе выявления и систематизации функциональных параметров междометий в смысловом пространстве художественного текста при индивидуализации образов персонажей через экспрессивизируемые ими коммуникативные реакции. Теоретически обоснован и практически апробирован предлагаемый путь анализа выдвинутой исследовательской проблемы: от установления коммуникативно-прагматических функций эмотивных междометий в текстовом диалоге к анализу специфики функционирования рассматриваемых языковых средств как ярких экспрессивизаторов смыслового пространства художественного текста.

Ключевые слова: адресат, говорящий, коммуникативная реакция, прагматическое воздействие, речевая сфера, текстовый диалог, функции, экспрессивизация, эмотивные междометия

FUNCTIONAL AND EXPRESSIVE POTENTIAL OF EMOTIVE INTERJECTIONS IN A TEXT DIALOGUE (BASED ON THE MATERIAL OF V.M. SHUKSHIN'S STORIES)

I. Nagornyy

Jilin University

Qianjin Road 10, Changchun 130012, Peoples' Republic of China

Abstract

Aim. To conduct the analysis of functional parameters and communicative properties of interjections as expressivizers of communicative reactions represented in a text dialogue. To define, describe, and systematize the functions of emotive interjections in the individualization of characters' images in the semantic space of the author's text.

Methodology. The research base of the work was developed by means of functional and descriptive methods used to analyze the functions of emotive interjections in a text dialogue, to describe the features of expressivization by interjections of communicative reactions of subjects, systematization of modus-expressive meanings actualized by interjections, as well as differentiation of semantic shades in the communicative field of the author's text.

Results. The paper analyzes the features of the functioning of emotive interjections in the expressivization of dialogue, establishes the communicative functions of these interjections in the semantic space of the author's text, clarifies the functional parameters of emotive interjections as representatives of emotional and psychological subject reactions. It is proved that emotive interjections in the dialogues of a literary text manifest themselves as multifunctional speech amplifiers, words used by the artist to individualize the images of characters in the text evaluation zone. The functional and communicative-pragmatic properties of emotive interjections as means of expressing the subject's personal opinion through the representation of multilayered psychological reactions are determined. The aspects of the speaker's speech impact on the addressee in a text dialogue with the help of emotive interjections are analyzed.

Research implications. The theoretical and practical significance is based on the generalization of theoretical and practical data obtained during the study of the stated scientific problem. One of the vectors of the development of the functional and expressive resource of linguistic means in text dialogues is investigated on the basis of identifying and systematizing the functional parameters of interjections in the semantic space of a literary text when individualizing the images of characters through the communicative reactions expressivized by them. The proposed way of analyzing the stated research problem is theoretically justified and practically tested: from establishing the communicative and pragmatic functions of emotive interjections in a text dialogue to analyzing the specifics of functioning of the considered linguistic means as vivid expressivizers of the literary text semantic space.

Keywords: addressee, speaker, communicative reaction, pragmatic impact, speech sphere, text dialogue, functions, expressivization, emotive interjections

Введение

Модальные, эмотивные и оценочные параметры речевого высказывания активно разрабатывались в лингвистической науке [6; 11; 12]. Речевой ресурс языковых средств, функционирующих в дискурсе, исследован учёными при разработке широкого спектра проблем в области семантики [10; 21; 23], антропоцентризма [1; 2; 3; 19], коммуникативистики [8; 19; 20], функционализма [4; 17; 18; 24] и прагматики [22; 25; 26]. В то же вре-

мя некоторые функциональные проблемы из области модусной квалификации сообщаемого, в том числе применительно к конкретным разрядам слов, требуют дальнейшего изучения, поскольку в филологических исследованиях представлены фрагментарно. В этом плане перспективными для функционального описания видятся междометия, выполняющие в авторском тексте комплекс функций, позволяющих прагматически усилить сообщаемое и тем самым экспрессиви-

зировать личное мнение субъекта в сложном и коммуникативно мотивированном семантическом пространстве текстового диалога.

Среди множества модусно-кваликативных элементов языка (знаменательные слова с оценочно-коннотативной семантикой, модальные слова, частицы и пр.), при помощи которых субъект репрезентирует свою точку зрения и доносит её в качестве личного мнения до адресата [5; 7], группа междометий эмотивных, несомненно, имеет статус ярких, продуктивных и в то же время типичных усилителей эмоционально-психологических реакций коммуникантов. Это весьма частотные и коммуникативно значимые языковые элементы, активно работающие как в речевой сфере языка в целом, так и в диалогической зоне художественного текста в частности.

Эмотивные междометия в художественном тексте

Модусная экспрессивизация сообщаемого – это часто применяемый авторами художественного слова приём усиления персонажем своего квалификативного мнения относительно чего- или кого-либо [16].

Эмотивные междометия в художественных произведениях – яркие усилители сказанного, отражающие эмоции и чувства персонажа как его личную точку зрения. В семантическом пространстве текста это весьма показательные позитивные или негативные оценочные средства, которые всегда функционально окрашены, прагматически сориентированы и коммуникативно мотивированы. Как репрезентаторы экспрессивных характеристик сказанного, эмотивные междометия, несомненно, примыкают к действенным речевым интенсификаторам, являясь усилителями эмоционально окрашенных речевых реакций героев, в абсолютном большинстве случаев контактно локализованных на адресате: – **Ох, мамочка-мама!** – *Наташка всплещкивает руками*¹ (радость, предвосхищение); –

А чего ты ушёл? – **Та-а...** (размышление, неуверенность) – **Хэх!..** *Замолчали*² (сожаление); – *И сразу, не раздумывая, выпил.* – **Боже мой!** – *воскликнул старичок*³ (удивление); – **А-а,** – *Иван понимающе кивнул головой*⁴ (догадка); – **Ого-го!** – *воскликнул Ермолай, широко улыбаясь*⁵ (восторг, радость); – *Я вот здесь присяду. Можно?* – **Боже мой!** – *сказал Гринька*⁶ (недовольство, возмущение); – *Куда же лететь – страсть такая, батюшки мои!*⁷ (испуг, недоумение).

К наиболее типичным характеристикам эмотивных междометий в аспекте экспрессивизации ими текстового диалога относится ряд выполняемых коммуникативных функций. Данные функции напрямую связаны с параметром усиления речевого сообщения, что позволяет художнику слова детализировать читателю образ персонажа через актуализацию междометиями его спонтанных коммуникативных реакций – эмотивных квалификаций, позитивных / негативных оценок, чувств и мнений: – **Ой!..** *Напужал, прямо сердце упало*⁸ (страх, возмущение); – *Нас же выведут отсюда.* – **Та-а...** *Плевать!*⁹ (равнодушие); – **Ой,** *как я испугался, прямо трясусь весь*¹⁰

² Шукшин В. М. Внутреннее содержание // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 397.

³ Шукшин В. М. Случай в ресторане // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 384.

⁴ Шукшин В. М. Внутреннее содержание // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 395.

⁵ Шукшин В. М. Критики // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 251.

⁶ Шукшин В. М. Гринька Малюгин // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 205.

⁷ Шукшин В. М. Сельские жители // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 186.

⁸ Шукшин В. М. Далёкие зимние вечера // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 80.

⁹ Шукшин В. М. Случай в ресторане // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 386.

¹⁰ Шукшин В. М. Заревой дождь // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 342.

¹ Шукшин В. М. Далёкие зимние вечера // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 71.

(ирония, сарказм); – *А я гляжу из окошката: **осподи-батюшки**, да ить эт Степан приишёл?!¹* (удивление); – ***Боже мой**, – вздохнула Настя ... и пошла в другой конец зала²* (сожаление). Междометия эмотивной группы в подобных высказываниях, описывающих эмотивно насыщенные ситуации речевого общения, выполняют роль репрезентаторов многослойных квалификативно-модусных смыслов и являются характерными текстовыми показателями эмоционально-психологических особенностей характера героя, специфики его ситуативного мировосприятия на спонтанно-чувственном уровне. Рассматриваемые языковые средства в пространстве текстового диалога – часть общего инструментария, применяемого автором произведения для развёртывания целого комплекса ситуативных смыслов с оценочной составляющей, важных для углубления создаваемых в произведении образов конкретных персонажей. В этом плане диалогический потенциал эмотивных междометий крайне актуален, ведь его функциональное развитие позволяет художнику слова донести до читателя-адресата важные прагматические смыслы, воздействовать на него в эмоционально-оценочном ключе, помочь лучше и правильнее понять те образы героев произведения, которые предлагает ему для осмысления автор текста. Конкретные же коммуникативные функции, выполняемые эмотивными междометиями при экспрессивизации диалога в художественном тексте, видятся важными, а порой и просто необходимыми для создания, развития и индивидуализации образов героев исходя из авторского замысла.

Детализируем далее наиболее важные, на наш взгляд, функции, выполнение которых помогает эмотивным междометиям экспрессивизировать сообщаемое в текстовом диалоге и, соответственно, выпол-

нить роль речевых усилителей при авторской индивидуализации персонажей через репрезентацию их эмоционально окрашенных речевых реакций.

Функция экспрессивизации эмоциональных реакций

Данная функция базовая для развития эмотивными междометиями других диалогических функций в художественном тексте. Эта функция наиболее универсальна. Она по определению типична для междометий как класса слов в русском языке, поскольку указанные знаки изначально вырабатывались языком для выражения эмоций и чувств субъекта, его волеизъявлений, реакций на разного рода ментальные операции.

В коммуникативном пространстве текста эмотивные междометия применяются автором как знаки, репрезентирующие разнообразные эмоционально-чувственные реакции персонажей, языковые выразители субъективных мнений, оценок, персуазивных квалификаций. Это сжатые и эмотивно насыщенные языковые элементы, краткие, семантически ёмкие, позволяющие человеку компрессировать выражаемые им эмоции и чувства в виде экспрессивно окрашенных диалогических реплик как рефлексий сложных оценочно-психологических реакций: *При нём никаких денег не было. – **Батюшки святы!** – испугалась мать. – А иде ж они?³* (испуг, любопытство, опасение); – ***Тыфу!** – рассердился отец. – Ты толкуй ему, Игнат, ради Христа!⁴* (раздражение, досада, недовольство); – *Иная земля... такая, что... осенью получаешь... шиш. А из другой, **матушки**, стебель в оглоблю прёт⁵* (восхищение, одобрение). Такого рода рефлексии – это собственное мнение субъекта, его эмоци-

¹ Шукшин В. М. Стёпка // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 274.

² Шукшин В. М. Классный водитель // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 216.

³ Шукшин В. М. Материнское сердце // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 487.

⁴ Шукшин В. М. Игнаха приехал // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 235.

⁵ Шукшин В. М. Демагоги // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 146.

онально окрашенная коммуникативная позиция в диалоге, речевое отражение мироощущения человека, эмпирически подкреплённое и обусловленное психологическими чертами его характера, определённые актуальными на данный момент чувствами и эмоциями.

Таким образом, базовая функция экспрессивизации коммуникативных реакций ожидаемо сфокусирована на усилении эмотивными междометиями в текстовом диалоге широкого спектра репрезентируемых психологических состояний героев, мотивирующих выражение ими эмотивно-оценочных квалификаций сообщаемого: – *А они уж с пашни едут... Эх... работники!*¹; – *Хо-ох! Ёлкизелёные! Тебенадо?*²; – *Аздесь? – Ну-ка ещё... Чувствую*³; – *Ох, да за што же мне долюшка така-ая-а?.. Ох-х!..*⁴; *Нетерпеливо спросил: – Ну?*⁵; – *Ну-ка, не дури! – прикрикнул негромко.*⁶ Функция экспрессивизации эмоционально-чувственных реакций как базовая функция, позволяющая эмотивным междометиям усиливать репрезентативный аспект коммуникативного реагирования говорящего на события и факты, реализуется в авторском тексте в частных конкретизирующих функциях, которые рассмотрим далее.

Функция усиления модусно-эмотивных смыслов

Данная функция является частотной и типичной для эмоционально насыщенных междометий русского языка (*о, а, ох, ах, ух, эх, ой, ай, ого, увы, фи, вау, батюшки, го-*

споди, боже мой, бис, браво и под.) [15; 20]. Функционирующие в текстах рассказов В. М. Шукшина междометия эмоционально и красочно актуализируют широкую гамму эмотивных модусных смыслов [5; 13], которые проецирует на читателя автор: восторга (*Ванька ...бабьим голоском вскрикивал: «Ух! Ух! Ух ты!»*⁷); досады (– *Тьфу!.. Я ему одно, он – другое*⁸); удивления (– *Вам сколько сейчас? – Восемьдесят. – Ого!*⁹); изумления (– *Хо-о! – изумился Иван. – Ну ты даёшь!*¹⁰); раздражения (– *Тьфу! – Соня даже рассердилась*¹¹); разочарования (– *Пошли в лавку ...Эх-х... Чурка ты с глазами*¹²); недовольства (– *Да ну! – Васька недовольно потрянул волосами*¹³); задумчивости (– *Эх ты, чёрт возьми, – бормотал он. – Что-то не того*¹⁴); недоумения (– *Ты был у неё? – Нет. – О-о! А где ты был?*¹⁵); укора (*Эх, вы!.. Вы думаете, еслив я шофёр, дак я ничего не понимаю?*¹⁶); согласия (– *Смолокур, – сказал он. – Ага!*¹⁷) или несо-

¹ Шукшин В. М. В профиль и в анфас // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 408.

² Шукшин В. М. Светлые души // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 106.

³ Шукшин В. М. Нечаянный выстрел // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 295.

⁴ Шукшин В. М. Микроскоп // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 465.

⁵ Там же. С. 468.

⁶ Шукшин В. М. Охота жить // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 312.

⁷ Шукшин В. М. Далёкие зимние вечера // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 67.

⁸ Шукшин В. М. Заревой дождь // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 343.

⁹ Шукшин В. М. Солнце, старик и девушка // Музеи России: [сайт]. URL: <http://www.shukshin.museum.ru/author/library/story045.html> (дата обращения: 10.09.2023).

¹⁰ Шукшин В. М. В профиль и в анфас // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 410.

¹¹ Шукшин В. М. Операция Ефима Пьяных // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 348.

¹² Шукшин В. М. Микроскоп // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 473.

¹³ Шукшин В. М. Игнаха приехал // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 235.

¹⁴ Шукшин В. М. Два письма // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 418.

¹⁵ Шукшин В. М. Воскресная тоска // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 168.

¹⁶ Шукшин В. М. Раскас // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 424.

¹⁷ Шукшин В. М. Стенька Разин // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 116.

гласия (– *Как... Видели, и всё. – Ну уж!*¹), а также многие другие.

Усиливаемые междометиями эмоциональной группы модусные смыслы ярко и образно проецируют на читателя индивидуальные черты героев произведений. Через актуализацию эмоций и чувств субъекта автор текста филигранно озвучивает позитивные или негативные психологические реакции человека на события, что в свою очередь детализирует характеры участников диалога: – *О-о-эх, воля, моя воля! Воля вольная моя*² (позитивная реакция восторга и восхищения); – *Да уж... – женщина не обернулась к нему*³ (позитивная реакция смущения и радости); – *Господи, господи, – прошептала ... баба и вытерла ...повлажневшие глаза. – Надо же!*⁴ (позитивная реакция изумления, миленья и удивления); – *Ура-а! – заорал Митька и полез из кабины. – Роднуля! Крошечка моя!*⁵ (позитивная реакция радости, восторга, похвалы); – *Эх, Ваня, Ваня... Не зря мы с дипломами-то прыгали? А?*⁶ (негативная реакция удовлетворения и одновременно сожаления, огорчения и раздумья); *Мама тоже сердилась и говорила: «Ишь ты какая! Ишь ты!»*⁷ (негативная реакция раздражения, негодования, возмущения, удивления); – *Думаешь, правда, по бедности? А ху-ху не хо-хо?*⁸ (не-

гативная реакция несогласия, негодования, отрицания); – *Батюшки святы!.. – сердце у матери упало*⁹ (негативная реакция разочарования, испуга, недовольства).

В целом, следует отметить, что усиление при помощи эмотивных междометий выражаемых героями эмоций и чувств (радости, восторга, удивления, восхищения, злости, раздражения, досады и др.) в диалогических репликах, отражающих развитие коммуникативно-прагматических ситуаций общения, – это активно используемый авторами художественного слова, в частности В. М. Шукшиным, приём экспрессивизации текста. И эмотивная функция междометий проявляется здесь более частотно в сравнении с другими частными коммуникативными функциями рассматриваемых языковых знаков, многовекторно реализуясь мастером художественного слова для экспрессивной детализации образов персонажей, репрезентации их эмоциональных состояний через речевые реакции в текстовых диалогах.

Функция смыслового наслоения

Сиюминутные позитивные или негативные эмоциональные реакции, репрезентируемые эмотивными междометиями, способны отразить в художественном диалоге целый комплекс психологических состояний субъектов. При этом генерируемые междометиями модусно-оценочные смыслы часто взаимопересекаются, наслаиваются один на другой, отражая сложные человеческие эмоции и чувства, которые автор текста через языковые средства стремится донести до читателя: – *У тебя сколь денег-то было? – Полторы сотни. – Батюшки святы!*¹⁰ (удивление, возмущение, оторопь, сочувствие); – *Тьфу!.. – Кирька полез за кisetом. – Я ему одно, он – другое!*¹¹ (раздражение, недовольство, недоумение, досада); – *Неужто сын? – тихо*

¹ Шукшин В. М. Далёкие зимние вечера // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 70.

² Шукшин В. М. Стенька Разин // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 119.

³ Шукшин В. М. Кукушкины слёзки // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 357.

⁴ Шукшин В. М. Стёпка // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 278.

⁵ Шукшин В. М. Начальник // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 372.

⁶ Шукшин В. М. Два письма // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 420.

⁷ Шукшин В. М. Самые первые воспоминания // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 36.

⁸ Шукшин В. М. Письмо любимой // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 496.

⁹ Шукшин В. М. Материнское сердце // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 492.

¹⁰ Там же. С. 493.

¹¹ Шукшин В. М. Заревой дождь // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 343.

спросил дед Нечай. – Сын. – *Ох ты...*¹ (удивление, радость, сочувствие); – *Ах, как я бездарно прожил, Ваня! Как жалко...*² (сожаление, жалоба, укор, страдание).

В плане совмещения и наложения эмоциональных реакций весьма показательно, например, проявляет себя в смысловом пространстве текста эмотивное междометие *господи*. Данное производное междометие применяется В. М. Шукшиным для усиления ответной реакции адресата, речевого насыщения коммуникативно-прагматической ситуации общения напряжёнными эмоциями и чувствами персонажей. При этом наложение эмоционально окрашенных реакций оказывается характерным для диалога, в котором функционирует указанное междометие: – *Господи, господи... Большие не надо*³ (просьба, испуг, паника); – *Господи, да когда же приедем-то?*⁴ (мольба, желательность, ожидание); – *Да ты что?.. Господи... Ты откуда взял-то это?*⁵ (смущение, стыд, недоумение, растерянность); *Господи, какое жгучее наслаждение я испытывал!*⁶ (восторг, наслаждение, восхищение); – *Господи!.. Кто же так думает!*⁷ (категорическое несогласие, сожаление, недоумение).

Функция смыслового наложения отражает глубину смыслового наполнения В. М. Шукшиным текстовых диалогов, помогает художнику слова компрессировать эмотивно-смысловые оттенки в речевых ситуациях общения, передать читателю тонкие нюансы характера героя через его речь и коммуникативные реакции на общаемое.

Функция прагматической обусловленности

Немаловажным представляется факт, что текстовые функции эмотивных междометий являются прагматически обусловленными, поскольку рассматриваемые языковые знаки употребляются, как правило, именно в диалогической сфере художественного текста. Эмотивные междометия, как, впрочем, и междометия других семантических групп, в данной сфере всегда прагматически ориентированы на адресата, поскольку цель говорящего – не только высказать своё оценочное мнение, но и донести это мнение до собеседника как собственную коммуникативную позицию в разговоре. Прагматическая ориентация междометий в диалоге мотивирована самой ситуацией общения, в которой данные знаки и реализуют свою семантику, донося до адресата сообщение, насыщенное эмоциями и чувствами говорящего: – *Ух-ха!* – воскликнул он и сел с маху в воду⁸ (восторг, радость, восхищение); – *И сколько же ты добирался? – Две недели. – Тыфу!*⁹ (раздражение, недоумение, досада); *Пришёл через час пьяный. – О-о!* – удивился Петька¹⁰ (удивление, недоумение); – *Через часок сделают. Фу-у!*¹¹ (усталость, облегчение). Коммуникативная цель подобных сообщений в текстовом диалоге видится двойной: во-первых, отразить в речевом междометном высказывании те эмоции и чувства, которые говорящему необходимо озвучить как собственное оценочное мнение (репрезентативная мотивация); во-вторых, оказать речевое воздействие на собеседника, «склонить» адресата на свою сторону (прагматическая мотивация).

¹ Шукшин В. М. Горь // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 380.

² Шукшин В. М. Случай в ресторане // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 387.

³ Шукшин В. М. Залётный // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 69.

⁴ Шукшин В. М. Из детских лет Ивана Попова // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 45.

⁵ Там же. С. 87.

⁶ Шукшин В. М. Привет Сивому // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 52.

⁷ Шукшин В. М. Правда // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 113.

⁸ Шукшин В. М. Демагоги // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 144.

⁹ Шукшин В. М. Стёпка // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 280.

¹⁰ Шукшин В. М. Критики // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 249.

¹¹ Шукшин В. М. Лёля Селезнёва // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 190.

Функция локализации сообщаемого

С рассмотренными коммуникативными функциями эмотивных междометий, реализуемыми в текстовом диалоге, тесно связана и функция локализации сообщаемого, отражающая привязку междометием речевого высказывания к речевому моменту «я / здесь / сейчас» [3]. Это так называемая коммуникативная фиксация субъектом собственного мнения, намерения в диалогических координатах настоящего актуального времени: – *Эх, учили вас учили!*¹; – *О-о!.. О-о!..*²; – *Жнём, – сказал Антипов. – Фу-у! Дни-то!.. Усталость*³; – *Ты живой, дедка? – обрадовался Петька. – А?*⁴; – *Господи!.. – женщина... посмотрела в глаза мужчине. Тот перестал смеяться...*⁵; – *Раньше ведь воровали? – А-а! Чёрт его знает!*⁶

Локализация точки зрения, доносимой говорящим до адресата, в прагматическом аспекте, несомненно, важна, поскольку проявляет взгляд человека на ситуацию, оценку им конкретного факта действительности посредством выражаемых эмоций и чувств, репрезентируемых собеседнику-коммуниканту как результат осмысления и последующей коммуникативной реакции на какие-либо события: – *Ах ты гадство, – тихо повторил он*⁷; – *Ах ты, господи!*⁸; –

*Слазь... Ну-ка...*⁹; *Прикрыл глаза: болит. – Ээ... – отец, ...пошёл из палаты*¹⁰; – *Тьфу!* – *Соня даже рассердилась на такую глупость*¹¹.

Отметим, что рассматриваемая функция эмотивных междометий непосредственно соотнесена с параметром актуального членения предложения [9; 14]. Междометия всегда, во всех случаях проявляют себя как рематические компоненты коммуникативной структуры предложения. Это экспрессивизаторы новой информации, поэтому выполнение ими локализационной функции при рематизации текстового диалога оказывается характерным.

Заключение

Резюмируем сказанное. В авторском тексте эмотивные междометия проявляют себя как коммуникативно значимые интенсификаторы психологических реакций субъекта. Зона текстового диалога свободно позволяет междометиям компрессировать сообщаемое и прагматически ёмко доносить до адресата различные коммуникативные реакции персонажей, что в свою очередь помогает художнику слова ярко индивидуализировать образы героев произведений на языковом уровне. Выполнение функций экспрессивизации эмоциональных реакций, усиления модусно-эмотивных смыслов, смыслового наслонения, прагматической обусловленности и локализации сообщаемого лежит в основе усиления эмотивными междометиями выражаемой субъектом мысли, экспрессивизации личной точки зрения на событие, интенсификации прагматического воздействия на адресата, а в конечном итоге, несомненно, помогает оптимально решить одну из поставленных художественных задач. С

¹ Шукшин В. М. Рассказ // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 424.

² Шукшин В. М. Гринька Малюгин // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 203.

³ Шукшин В. М. Коленчатые валы // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 170.

⁴ Шукшин В. М. Демагоги // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 145.

⁵ Шукшин В. М. Кукушкины слёзки // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 354.

⁶ Шукшин В. М. Классный водитель // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 221.

⁷ Шукшин В. М. Нечаянный выстрел // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 297.

⁸ Шукшин В. М. На кладбище // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 66.

⁹ Шукшин В. М. Самые первые воспоминания // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 38.

¹⁰ Шукшин В. М. Нечаянный выстрел // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 297.

¹¹ Шукшин В. М. Операция Ефима Пьяных // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Верую! М.: Надежда-1, 1998. С. 348.

учётом значимости коммуникативной нагрузки выполняемых эмотивными междометиями тексто-диалогических функций рассматриваемые языковые элементы целесообразно квалифицировать как важные и прагматически ценностные знаки, углубляющие модусно-кваликативный план художественного произведения.

Актуализированные проблемы, думается, имеют перспективу для дальнейших

исследований: в области прагматики – при анализе коммуникативной структуры предложения и описания способов речевого воздействия в высказывании; а также в области функционализма – при разработке вопросов специфики функционирования оценочных элементов в тексте.

Статья поступила в редакцию 16.10.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / пер. Е. В. Вентцель, Т. В. Вентцель. М.: Едиториал УРСС, 2001. 416 с.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика / под ред. Ю. С. Степанова. М.: Прогресс, 1974. 446 с.
4. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. Л.: Наука, 1984. 136 с.
5. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с.
6. Гак В. Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. 1972. М.: Наука, 1973. С. 349–373.
7. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Киселевой, Д. Пайара. М.: Метатекст, 1998. 446 с.
8. Золотова Г. А., Ониненко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Московский государственный университет, 1998. 528 с.
9. Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М.: Просвещение, 1976. 239 с.
10. Колесникова С. М. Категория градуальности в современном русском языке. Саранск: Б. и., 1996. 134 с.
11. Лекант П. А. К вопросу о модальных разновидностях предложения // Современный русский язык. Лингвистический сборник. Вып. 6. М.: Московский областной педагогический институт, 1976. С. 92–102.
12. Ломтев Т. П. Предложение и его грамматические категории. М.: Московский государственный университет, 1972. 198 с.
13. Маркелова Т. В. Семантика оценки и средства её выражения в русском языке. М.: Московский политехнический университет, 1993. 125 с.
14. Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. М.: Прогресс, 1967. С. 239–245.
15. Нагорный И. А., Синсинь Ван. Междометия и звукоподражания в русском и китайском языках: семантика и функционирование. Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2017. 191 с.
16. Нагорный И. А. Функционирование русских частиц как утвердительно-отрицательных экспрессивизаторов сообщаемого в модально-кваликативном предложении // Синтаксические средства как экспрессивный ресурс текста / отв. ред. Т. Е. Шаповалова. М.: Постатор, 2022. С. 159–166.
17. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / под ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1987. 348 с.
18. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / под ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1990. 262 с.
19. Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис / отв. ред. Т. В. Булыгина. М.: Наука, 1992. 280 с.
20. Шаронов И. А. Междометия в языке, в тексте и в коммуникации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009. 36 с.
21. Шмелева Т. В. Семантический синтаксис: текст лекций. Красноярск: Красноярский государственный университет, 1988. 54 с.
22. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 343 с.

23. Börjesson K. The Semantics-Pragmatics Interface: The Role of Speaker Intentions and the Nature of Implicit Meaning Aspects // *Dans Languages*. 2016. № 1 (№ 201). P. 15–32.
24. Danes Fr. Cognition and Emotion in the Discourse Interaction: A Preliminary Survey of the Field // *Preprints of the Plenary Session Papers. XIV International Congress of Linguists Organized under Auspices of CIPL*. Berlin, 1987. P. 272–291.
25. Givon T. *Mind, Code and Context: Essays in Pragmatics*. Hillsdale, New Jersey, London, 1989. 456 p.
26. Lakoff R. *The Pragmatics of Modality // Papers from the Chicago Linguistic Society*. Vol. 8. Chicago, 1972. P. 229–246.

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the World of Man]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ., 1999. 896 p.
2. Bally Ch. *Linguistique générale et linguistique française* (Rus. ed.: Ventcel' E. V., Ventcel' T. V., transl. *Obshchaya lingvistika i voprosy francuzskogo yazyka*). Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. 416 p.).
3. Benveniste E. *Acta Linguistica* (Rus. ed.: Stepanov Yu. S., ed. *Obshchaya lingvistika*). Moscow, Progress Publ., 1974. 446 p.).
4. Bondarko A. V. *Funkcional'naya grammatika* [Functional Grammar]. Leningrad, Nauka Publ., 1984. 136 p.
5. Volf E. M. *Funkcional'naya semantika ocenki* [Functional Semantics of Assessment]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 228 p.
6. Gak V. G. [Statement and Situation]. In: *Problemy strukturnoj lingvistiki. 1972* [Problems of Structural Linguistics. 1972]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 349–373.
7. Kiseleva K., Paillard D., eds. *Diskursivnye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya* [Discursive Words of the Russian Language: Experience of Contextual-Semantic Description]. Moscow, Metatekst Publ., 1998. 446 p.
8. Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative Grammar of the Russian Language]. Moscow, Moscow State University Publ., 1998. 528 p.
9. Kovtunova I. I. *Sovremennyy russkij yazyk. Poryadok slov i aktual'noe chlenenie predlozheniya* [Modern Russian Language. Word Order and Actual Division of Sentences]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1976. 239 p.
10. Kolesnikova S. M. *Kategoriya gradual'nosti v sovremennom russkom yazyke* [The Category of Gradualism in Modern Russian language]. Saransk, 1996. 134 p.
11. Lekant P. A. [On the Question of Modal Varieties of Sentences in Modern Russian Language]. In: *Sovremennyy russkij yazyk. Lingvisticheskij sbornik. Vyp. 6* [Modern Russian Language. Linguistic Collection. Vol. 6]. Moscow, Moscow Regional Pedagogical Institute Publ., 1976, pp. 92–102.
12. Lomtev T. P. *Predlozhenie i ego grammaticheskie kategorii* [Sentence and Its Grammatical Categories]. Moscow, Moscow State University Publ., 1972. 198 p.
13. Markelova T. V. *Semantika ocenki i sredstva eyo vyrazheniya v russkom yazyke* [Semantics of Evaluation and Means of Its Expression in the Russian Language]. Moscow, Moscow Polytechnic University Publ., 1993. 125 p.
14. Matezius V. O. [On the So-Called Actual Division of a Sentence]. In: *Prazhskij lingvisticheskij kruzhok* [Prague Linguistic Circle]. Moscow, Progress Publ., 1967, pp. 239–245.
15. Nagornyy I. A., Sinsin Van. *Mezhdometiya i zvukopodrazhaniya v russkom i kitajskom yazykah: semantika i funkcionirovanie* [Interjections and Onomatopoeia in Russian and Chinese: Semantics and Functioning]. Belgorod, Belgorod State National Research University Publ., 2017. 191 p.
16. Nagornyy I. A. [Functioning of Russian Particles as Affirmative-Negative Expressivizers of What is Communicated in a Modal-qualifying Sentence]. In: *Sintaksicheskie sredstva kak ekspressivnyj resurs teksta* [Syntactic Means as an Expressive Resource of the Text]. Moscow, Postator Publ., 2022, pp. 159–166.
17. Bondarko A. V., ed. *Teoriya funkcional'noj grammatiki: Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis* [The Theory of Functional Grammar: Introduction. Aspectuality. Temporal Localization. Taxis]. Leningrad, Nauka Publ., 1987. 348 p.
18. Bondarko A. V., ed. *Teoriya funkcional'noj grammatiki: Temporal'nost'. Modal'nost'* [Functional Grammar Theory: Temporality. Modality]. Leningrad, Nauka Publ., 1990. 262 p.
19. Bulygina T. V., ed. *Chelovecheskij faktor v yazyke. Kommunikaciya, modal'nost', dejksis* [Human Factor in Language. Communication, Modality, Deixis]. Moscow, Nauka Publ., 1992. 280 p.
20. Sharonov I. A. *Mezhdometiya v yazyke, v tekste i v kommunikacii: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Interjections in Language, in Text and in Communication: Abstract of Dr. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2009. 36 p.

21. Shmeleva T. V. *Semanticheskij sintaksis* [Semantic Syntax]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State University Publ., 1988. 54 p.
22. Yakovleva E. S. *Fragmenty russkoj yazykovej kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriyatiya)* [Fragments of the Russian Linguistic Picture of the World (Models of Space, Time and Perception)]. Moscow, Gnozis Publ., 1994. 343 p.
23. Börjesson K. The Semantics-Pragmatics Interface: The Role of Speaker Intentions and the Nature of Implicit Meaning Aspects. In: *Dans Languages*, 2016, no. 1 (no. 201), pp. 15–32.
24. Danes Fr. Cognition and Emotion in the Discourse Interaction: A Preliminary Survey of the Field. In: *Preprints of the Plenary Session Papers. XIV International Congress of Linguists Organized under Auspices of CIPL*. Berlin, 1987, pp. 272–291.
25. Givon T. *Mind, Code and Context: Essays in Pragmatics*. Hillsdale, New Jersey, London, 1989. 456 p.
26. Lakoff R. The Pragmatics of Modality. In: *Papers from the Chicago Linguistic Society*. Vol. 8. Chicago, 1972, pp. 229–246.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Нагорный Игорь Анатольевич – доктор филологических наук, профессор, профессор Института иностранных языков Цзилинского университета (КНР), Академик МАНПО;
e-mail: ignago7@outlook.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Igor A. Nagorny – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Prof., Institute of Foreign Languages, Jilin University (China), Academician MANPO;
e-mail: ignago7@outlook.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Нагорный И. А. Функционально-экспрессивный потенциал эмотивных междометий в текстовом диалоге (на материале рассказов В. М. Шукшина) // Отечественная филология. 2023. № 5. С. 91–101.
DOI: 10.18384/2949-5008-2023-5-91-101

FOR CITATION

Nagorny I. A. Functional and Expressive Potential of Emotive Interjections in a Text Dialogue (Based on the Material of V. M. Shukshin's Stories). In: *Russian Studies in Philology*, 2023, no. 5, pp. 91–101.
DOI: 10.18384/2949-5008-2023-5-91-101

УДК 81'373

DOI: 10.18384/2949-5008-2023-5-102-114

ЛЕКСИКАЛИЗАЦИЯ СОМАТИЗМОВ-ДИМИНУТИВОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Огольцева Е. В., Чжоу Юйфэй

Московский педагогический государственный университет

119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Анализ явления лексикализации как активного процесса в семантике существительных-диминов, называющих части тела человека. В центре внимания авторов полная или частичная утрата исходными формами их «ласкательных» и «экспрессивных» значений.

Процедура и методы. На фоне истории изучения феномена лексикализации анализируется семантическая структура уменьшительно-ласкательных форм, образованных на базе соматизмов. Ставится вопрос о причинах отсутствия диминов у некоторых существительных исследуемой группы. Подробно рассматривается природа полисемии уменьшительно-ласкательных форм. Для решения названных задач используются метод анализа словарных дефиниций, словообразовательный анализ, элементы семного анализа.

Результаты. Выявлены продуктивные и малопродуктивные словообразовательные модели, по которым в русском языке образуются диминовы от наименований частей тела (соматизмов); показаны семантические различия между вариантными формами. Исследован механизм формирования вторичных значений диминов-соматизмов. Вторичные номинации распределены по лексико-семантическим группам. Авторы приходят к выводу, что «уменьшительно-ласкательные формы» следует считать результатом процесса словообразования, поскольку они проявляют самостоятельность в развитии системы переносных значений. Регулярная лексикализация этих форм наглядно свидетельствует об условности границы между модификационным и мутационным словообразованием.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в лексикологию, морфологию, словообразование современного русского языка, а также в теорию номинации. Они могут быть использованы при составлении учебных словарей, предназначенных для иностранных учащихся.

Ключевые слова: диминутив, лексикализация, лексико-семантическая группа, полисемия, соматизм, уменьшительно-ласкательная форма, форма субъективной оценки

LEXICALIZATION OF SOMATIC DIMINUTIVES IN THE RUSSIAN LANGUAGE

E. Ogoltseva, Zhou Yufei

Moscow State Pedagogical University

ul. Malaya Pirogovskaya 1 str. 1, Moscow 119991, Russian Federation

Abstract

Aim. To analyze the phenomenon of lexicalization as an active process in the semantics of diminutive nouns naming parts of the human body. The authors focus on the complete or partial loss of the original forms of their “affectionate” and “expressive” meanings.

Methodology. The article analyzes the semantic structure of diminutive forms formed based on somaticisms against the background of the history of the study of the lexicalization phenomenon. The question is raised about the reasons for the absence of diminutives in some nouns of the studied group. The nature of the polysemy of diminutive forms is considered in detail. To solve these problems, the method of analyzing dictionary definitions, word-formation analysis, component analysis are used.

Results. Productive and unproductive word-formation models are revealed, according to which diminutives from the names of body parts (somatisms) are formed in the Russian language; semantic differences between variant forms are shown. The formation mechanism of diminutive-somatisms secondary meanings has been studied. Secondary nominations are divided into lexical-semantic groups. The authors come to the conclusion that “diminutive forms” should be considered the result of the word formation process, since they show independence in the development of the figurative meanings system. The regular lexicalization of these forms clearly indicates the conventionality of the boundary between modification and mutational word formation.

Research implications. The results of the study contribute to the lexicology, morphology, word formation of the modern Russian language, as well as to the theory of nomination. They can be used in compiling educational dictionaries intended for foreign students.

Keywords: diminutive, diminutive form, lexicalization, lexico-semantic group, polysemy, somatism, form of subjective assessment

Введение

Согласно сведениям «Лингвистического энциклопедического словаря» (ЛЭС), термин «лексикализация» используется для обозначения следующих весьма разнородных языковых явлений: 1) превращение служебной морфемы (аффикса) в слово: «акмеисты, футуристы и прочие -исты»; ультра- – «люди крайне реакционных убеждений»; 2) превращение словоформы или предложно-падежного сочетания в самостоятельное слово, например, наречие («верхом», «вниз», «замертво»), междометие («бабушки!», «караул!»); 3) превращение словосочетания в слово: «спасибо» из «спаси бог», «умалишённый», «заблагорассудится»; 4) фразеологизация, возникновение идиоматичного сочетания из свободного: «бить баклуши», «заморить червячка»¹. ЛЭС даёт следующее определение лексикализации: «превращение элемента языка (морфемы, словоформы) или сочетания элементов (словосочетания) в отдельное знаменательное слово или в другую эквивалентную ему словарную единицу (например, во фразеологизм)»². Далее авторы словарной статьи расширяют сферу использования рассматриваемого понятия, отмечая, что «под лексикализацией понимается также семантическое обособление одной из форм слова или части форм, на-

пример, форм мн. ч. существительных; ср. “бег” и “бега” (скачки), “вода” и “воды” (водные пространства)»³. Аналогичная трактовка термина “лексикализация” представлена в энциклопедии «Русский язык»⁴.

В других источниках это понятие трактуется гораздо уже – как «превращение сочетания слов в устойчивое словосочетание, функционирующее в языке в качестве эквивалента отдельного слова: *железная дорога, белый гриб, заработная плата, красная смородина*»⁵. Обратим внимание: если в ЛЭС в качестве лексикализованных словосочетаний приводятся фразеологические образные единицы, то в словаре Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой даются примеры безобразных устойчивых составных наименований, т. е. лексикализация сочетаний слов понимается принципиально иначе.

Отметим расплывчатость, неопределённость понятия «элемент языка» (ЛЭС). К примеру, относятся ли к «элементам языка» предложения? А слова слабо фразеологизированные или вовсе не идиоматичные, сближающиеся по этому признаку с формами слов (в частности, наименования детёнышей животных или отвлечённые существительные, т. е. модификационные производные и синтаксические дериваты)?

³ Там же. С. 259.

⁴ Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ф. П. Филин. М.: Советская энциклопедия, 1979. 431 с.

⁵ Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителей. 2-ое изд. М.: Просвещение, 1976. С. 162.

¹ Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 258–259.

² Там же.

Лексикализация противопоставляется грамматикализации как процессу, суть которого сводится к отвлечению от конкретного лексического содержания. Некоторые исследователи рассматривают эти явления в историко-лингвистическом ракурсе – как два важнейших взаимодополняющих механизма языковой эволюции, регулирующих тенденцией к асимметрии языкового знака [5, с. 29].

Некоторые особенности лексикализации диминутивов-соматизмов

Мы используем термин «лексикализация» для обозначения семантического переосмысления форм субъективной оценки, а точнее, уменьшительно-ласкательных форм. Суть такого переосмысления заключается в утрате словом первоначального (уменьшительно-ласкательного) значения и обретении этой «формой» значения нового, более конкретного. Это явление, при котором модификационное производное (*ручка, ушко, головка* ребёнка) становится мутационным, поскольку его лексическое значение осложняется новыми семами и более не совпадает со значением деривационным (*ручка* кресла, *ушко* иглы, *головка* стебля). Мы рассматриваем этот процесс на материале диминутивов-соматизмов. Случаев полной лексикализации (когда «диминутив» уже не употребляется в уменьшительно-ласкательном значении) в этой тематической группе относительно немного. Едва ли не единственный пример – существительное *коленце*: *Все, охваченные праздником и музыкой, выделывают ногами кренделя и коленца*¹; *А ещё хорошо бы, может быть, и в самом деле выйти замуж, выкинуть такое коленце, за старого друга, друга молодости, и уехать к нему в Евпаторию*². Чаще всего новое, не уменьшительное, лексическое значение стано-

вится полноправной частью семантической структуры соматизма-полисеманта.

Уменьшительно-ласкательные формы, или **ДИМИНУТИВЫ**, в академической грамматике XX в. рассматриваются в ряду так называемых «форм субъективной оценки», главным способом выражения которых являются суффиксы «с особой, эмоционально-экспрессивной окраской и выражением отношения говорящего к предмету, качеству, признаку». Окраска, которую придают словам суффиксы субъективной оценки – это оттенки «ласкательности, сочувствия, пренебрежения, презрения, уничижения, иронии, а также реального уменьшения или увеличения»³.

В русском языке наиболее высокой частотностью характеризуется значение реального уменьшения, которое нередко проявляется совместно с эмоциональной окраской «ласкательности». Последняя может быть и единственным видоизменением семантики исходного существительного. Существительные-диминутивы достаточно регулярно образуются от существительных разных лексико-грамматических разрядов и лексико-семантических групп. Это наименования лиц (*мужичок, Сонечка, папочка, дядюшка, сестрёнка*), животных (*собачка, коровушка, поросёночек, соловушко, курочка*), конкретных неодушевлённых предметов (*коробочка, фракончик, платище, карандашик*), растений (*травушка, розочка, берёзонька, тюльпанчик, кустик*), веществ (*киселёк, красочка, мастище, вино*). В рамках данной работы мы обратимся к довольно многочисленной лексико-семантической группе имён существительных – к наименованиям частей тела человека или животного («соматизмам»). Непосредственным предметом наших наблюдений являются уменьшительно-ласкательные формы, образованные от этих слов.

По определению Ф. О. Вакка, соматизмы (от греч. “soma” – “тело”) – «имена суще-

¹ Купер А. Истопник // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.03.2023).

² Грекова И. Дамский мастер // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.03.2023).

³ Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителей. 2-е изд. М.: Просвещение, 1976. С. 478.

ствительные с исходным значением частей тела человека или животного» [2, с. 23]. Соматизмы представляют собой один из древнейших и наиболее употребительных пластов лексики любого языка, и русский язык в этом смысле не является исключением. Любое исследование соматической лексики и особенностей её функционирования в научных, научно-популярных, публицистических и художественных текстах – ценный источник сведений о языковой картине мира, о системе ценностей того или иного языкового коллектива. По мнению А. М. Эмировой, «человеческое тело является наиболее доступным и изученным объектом наблюдения человека», в связи с чем «ориентацию в пространстве, свою оценку окружающего мира человеку “удобнее” соотносить прежде всего с частями своего тела» [20, с. 54].

Соматизмы в последние два-три десятилетия исследуются в разных аспектах: историко-лингвистическом, фразеологическом, семасиологическом; ими интересуются учёные, работающие в области когнитивной лингвистики, фольклористики, лингвокультурологии. В меньшей степени изучены деривационный потенциал соматизмов, степень их «словообразовательной активности» и семантика тех лексических единиц, которые от них образуются. В свою очередь, в этой сфере есть научная проблема, которая давно ждёт специального анализа: семантико-стилистическое «перерождение» соматизмов-димиутивов. Одним из первых учёных, заметивших это явление, был М. В. Ломоносов, который в своей «Российской грамматике» упоминает о способности экспрессивных «умалительных слов» становиться нейтральными (так, в семантической структуре слов *сверчок*, *мешок*, *горшок* суффикс *-ок* семантически пустой: он не несёт ни значения уменьшительности, ни субъективно-оценочного значения). М. В. Ломоносов рассматривает подобные лексические единицы как слова, «которые умалительных силу потеряли, только по всему видно, что они бывали некогда умалительными» [8, с. 167]. Несколько позднее, во второй

половине XVIII в., А. А. Барсов также ставит вопрос об утрате семантики уменьшительности существительными с суффиксами *-к*, *-ок*, *-и*; ср. *лавка*, *девка*, *булавка*, *щенок*, *крыльцо* и др. У некоторых из этих слов (например, *девка*) произошла утрата экспрессивной, оценочной функции [1].

Процесс утраты димиутивами «ласкательного» и «экспрессивного» значений трактуется некоторыми учёными XIX–XX вв. как «лексикализация». Многие из подобных лексикализовавшихся впоследствии существительных активно функционировали в XVIII в., о чём свидетельствуют данные толковых словарей той эпохи. Так, в «Словаре русского языка XIII века» зафиксированы такие слова, как *внука* (ср. *внучка*), *ластка* (ср. *ласточка*) и др. К лексикализованным димиутивам могут быть отнесены также *спичка* (от «спица»), *пампушка* (от «пампуха» или «пампуша»); *пузырёк* (от «пузырь»), в семантике которых произошли заметные изменения, так что они уже не могут быть мотивированы своими этимологическими производящими.

Н. И. Греч также упоминает об анализируемом нами процессе: «Случается, что имя существительное, приняв окончание уменьшительного, совершенно изменяется в значении, например: *баба*, *бабка*, *бабочка*; *порох*, *порошок*; *невеста*, *невестка*; *образ*, *образец*, *образчик*» [6, с. 158].

Примерно о том же писал и Г. П. Павский: «Водица называется уменьшительным именем потому, что существует в языке однозначущее с ним слово вода; но корица не может называться уменьшительным именем коры, потому что значение сих слов неодинаково» [11, с. 69]. В качестве одной из причин подобного явления учёный отмечает утрату производящего слова или редкость его употребления: «Например, хотя есть слово *кус*, но так как оно редко употребляется, то производное от него имя кусок приняло только вид уменьшительного, а на самом деле не сделалось уменьшенным» [11, с. 33].

Из исследователей XX в. вопрос о лексикализации димиутивов одной из первых поставила И. В. Червенкова [16]. Позднее

эта проблематика освещалась в работах [10; 13; 15].

Решение вопроса о правомерности употребления термина «лексикализация» по отношению к диминутивам упирается, по сути, в проблему языкового статуса уменьшительно-ласкательных образований. Даже те диминутивы, которые, бесспорно, сохраняют живую связь со своими производящими, вызывают горячие споры среди лингвистов. Они рассматриваются в одном ряду с другими формами субъективной оценки (*чёрный – чёрненький, старый – староватый, худой – худючий, мама – мамочка, дом – домище, дом – домик, стол – столик, ухо – ушко, голова – головка* и проч.) и чисто условно именуются «формами», хотя на самом деле они как бы совмещают в себе признаки формо- и словообразования. Встречаются прямо противоположные мнения по поводу языкового статуса подобных пар. К примеру, А. А. Потебня подчёркивает необходимость «отличать объективную уменьшительность ... от ласкательности и пр., в коей выражается личное отношение говорящего к вещи...» [12, с. 92]. А. А. Шахматов в «Синтаксисе русского языка» отмечает: «Суффиксальные образования, относящиеся сюда, не видоизменяют реального значения основного слова: домик, домище, домишко обозначают то же представление, что и дом...» [18, с. 452–454]. Таким образом, А. А. Шахматов считает, что формы субъективной оценки есть именно «формы», но не особые лексические единицы, поскольку при деривации сохраняется лексико-грамматическая характеристика слова (часть речи) и его лексическое значение: эта категория «обнаруживается не морфологически, как прочие выше рассмотренные категории (число, конкретность – абстрактность, одушевлённость), а «путём словообразовательных суффиксов, дающих основание различать слова со значением увеличительным, уменьшительным, ласкательным, пренебрежительным» [18, с. 454]. Категории субъективной оценки в «Синтаксисе русского языка» посвящён особый параграф (§ 516), в котором

учёный рассматривает существительные со значениями увеличительности, уменьшительности, ласкательности, пренебрежительности.

Совершенно иначе квалифицирует подобные языковые единицы А. И. Соболевский: «Разница между именами простыми и именами увеличительными не синтаксическая и уж, конечно, не морфологическая, а лексикальная (т. е. лексическая. – Е. О., Ю. Ч.) [цит. по: 4, с. 101]». Иными словами, учёный считает, что «дом» и «домик», «красный» и «красненький» – разные слова, а не формы одного слова. Эта точка зрения в принципе продолжает традицию, идущую от трудов М. В. Ломоносова, который отмечал недостаточную регулярность образования анализируемых форм: «...великая часть имён не имеет некоторых увеличительных и уменьшительных» [8, с. 100]. Формообразование отличается от словообразования в первую очередь высокой степенью регулярности, «безотказностью» деривационного процесса.

Мы будем считать уменьшительно-ласкательные формы проявлением словопроизводства (поскольку в образовании этих единиц задействованы именно словообразовательные средства), однако это одна из сфер деривации, занимающая пограничное положение с формообразованием. Именно поэтому мы считаем правомерным использование термина «лексикализация» по отношению к диминутивам, «обросшим» новыми значениями и развившим самостоятельную семантическую структуру.

Семантическая структура уменьшительно-ласкательных форм на базе соматизмов (на основе дефиниций МАС)

В рамках нашей работы мы обратимся к некоторым приёмам лексикографического описания диминутивов-соматизмов. В качестве источника языкового материала мы выбрали МАС¹. По данным этого словаря,

¹ Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М.: Русский язык, 1985–1988.

из 66 лексических единиц, относящихся к ЛСГ «Части тела», 26 не имеют уменьшительно-ласкательных форм. В качестве факторов, препятствующих их образованию, можно отметить следующие: 1) сложную словообразовательную структуру соматизма, его этимологическая производность (*глазница, запястье, кишечник, ключица, лодыжка, мышца, подмышка, поясница, предплечье, туловище*); 2) принадлежность слова к пассивному словарному составу (ср. устар. *десница, ланиты, лава*); 3) морфологические препятствия; к примеру, диминутив не образуется на базе соматизма *лёгкие*, образованного субстантивацией; 4) особенности семантики исходного существительного; так, уменьшительно-ласкательные формы отсутствуют у некоторых наименований жидких тканей организма и жидкостей, выделяемых отдельными органами (*лимфа, желчь* и пр., но *кровушка!*). Среди экстралингвистических факторов можно отметить коммуникативную не востребованность уменьшительно-го значения на основе наименования той или иной части тела (*бедро, голень, кисть, нёбо, нерв, талия* и пр.). Некоторые соматизмы, которые, по сведениям МАС, не имеют уменьшительно-ласкательных форм, на самом деле потенциально способны их образовать. Например, *бёдрышко* (от «бедро»), *кишочка, кишочки* (от «кишка», «кишки»), *кожица* (от «кожа»), *печёнка, печёночка* (от «печень»), *пяточка* (от «пятка»), *ребрышко* (от «ребро»), *подбородочек* (от «подбородок»). Все эти диминутивы легко образуются по продуктивным моделям и появляются в речи сразу же, как только в них появляется необходимость. См. примеры из Национального корпуса: *Вначале с Женей были неприятности – в роддоме его для перестраховки настолько переинжектировали антибиотиками, что нежные стенки детских кишочков не выдержали, начали отторгать пищу*¹; *У кривоногого были курчавые чёрные волосы, густые брови, сросшиеся на*

¹ Евтушенко Е. Волчий паспорт // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.03.2023).

*переносе, острый маленький подбородочек, быстрые, острые мышинные глазки*².

При многозначности мотиватора уменьшительно-ласкательная форма может семантически соотноситься не с наименованием части тела, а с другими лексико-семантическими вариантами (далее ЛСВ) производящего. Так, диминутив «*кисточка*» («уменьш. к кисть») связан не с первым значением существительного «кисть» («часть руки от запястья до конца пальцев»), а с его вторым, третьим и четвёртым значениями: '1. Скопление плодов или цветков на одной ветке, одном стебле; гроздь. 2. Пучок нитей, шнурков и т. п., служащий для украшения чего-л. 3. Прикреплённый к рукоятке пучок щетины, волоса или синтетических волокон, служащий для нанесения краски, клея и т. п. на какую-л. поверхность.'³ Диминутив «*поясок*» не соотносится с «пояс» в значении: '3. Наиболее узкая часть туловища между грудью и животом; талия'⁴, а уменьшительная форма «*тазик*» не связана с «таз» («Часть скелета человека и животных...»)⁵. Соматизмы-диминутивы образуются как по продуктивным, так и по малопродуктивным суффиксальным моделям:

1) существительные жен. р. и ср. р. с суффиксом **-к(а)/-очк(а)**: *бровка, головка, грудка, губка, коленка, ладошка, ножка, печёнка, ресничка (-и), ручка, сердечко, спинка, ушко(-и); шейка, щёчка; кисточка, косточка, пяточка (около 18 дериватов)*;

2) существительные муж. р. и ср. р. с суффиксом **-ик**: *волосик(и), животик, зубик, личико, лобик, мизинчик, носик, пальчик, плечико, ротик, хвостик (11 слов)*;

3) существительные муж. р. с суффиксом **-ок/-ек**: *волосок, глазок, желудочек,*

² Домбровский Ю. О. Факультет ненужных вещей // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.03.2023).

³ Кисточка // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2 / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М.: Русский язык, 1986. С. 52.

⁴ Поясок // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 3 / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М.: Русский язык, 1987. С. 350–351.

⁵ Тазик // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М.: Русский язык, 1988. С. 330.

локоток, ноготок, носок, пупок, черепок, язычок (9 производных);

4) существительные жен. р и pl. t. с суффиксом *-ёнк/-онк*: *глазёнки, головёнка, ручонка* (3 деривата);

5) существительные ср. р. с суффиксом *-ышко(о)*: *горлышко, рёбрышко* (2 слова).

Как видим, самой регулярной в этой лексико-семантической группе оказалась модель с суффиксом *-к(а)* и его вариантами, на втором месте – модель с суффиксом *-ик*, на третьем – с суффиксами *-ок/-ек*. Единичными случаями представлены форманты *-иц* (*кожица*) и *-иц* (*коленице*). От некоторых соматизмов образуются по две уменьшительно-ласкательных формы; как правило, это диминутивы с суффиксами *-ок* и *-ик*: *волосок / волосик* (*волоски / волосики*); *глазок / глазик*; *носок / носик*. Наименования некоторых частей тела женского рода образуют целые ряды диминутивов при помощи суффиксов *-к(а)*, *-ёнк(а) / -онк(а)*, *-еньк(а)*, *-ушк(а)*: *головка, головёнка, головушка; ручка, рученька, ручонка*. Конкуренцию суффиксов *-к(а)* и *-ушк(а)* учёные отмечали ещё в середине XX в. Так, сопоставляя разные словообразовательные типы с общей деривационной функцией в аспекте динамики их продуктивности, А. Г. Черкасова (со ссылкой на «Граматику русского языка» 1953 г.) отмечает: «Производство ласкательных имён от основ существительных женского рода посредством суффиксов *-к(а)* и *-ушк(а)* сохранилось и является продуктивным. Только слова с суффиксом *-ушк(а)* «характерны для разговорной речи и просторечия» [17, с. 54].

В. В. Виноградов в монографии «Русский язык (грамматическое учение о слове)» упоминает о том, что «суффиксы *-ок* и *-ик* образуют иногда парные формы» [4, с. 100]. К. С. Аксаков заметил, что суффикс *-ик* по сравнению с суффиксом *-ок* более экспрессивен в тех случаях, когда параллельные формы на *-ик* и *-ок* не подвергаются лексической дифференциации и не обозначают разных вещей. «В именах мужского рода уменьшительные *-ок* и *-ик* совершенно одинакового значения: но там,

где встречаются оба окончания, есть отенок. Тогда окончание на *-ок* выражает просто уменьшенный вид предмета, между тем как в окончании на *-ик* слышится уже шутка, и если ещё не ласка, то любезность... видно, что уменьшенный, миниатюрный предмет представляется милым» [цит. по: 4, с. 97]).

Ещё более заметно семантическое различие между суффиксом *-к(а)* (*ручка, головка*) и *-ёнк(а) / -онк(а)* (*ручонка, головёнка*). Во втором случае коннотация явно другая: уничижительно-насмешливая, пренебрежительная. Случаи, подобные парам *ротик – роток*, на наш взгляд, могут быть отнесены к проявлениям суффиксальной синонимии. Такой подход к подобным парам принят в дериватологии довольно давно. А. Г. Черкасова, рассматривая данное явление в историческом аспекте, полагала, что «суффиксальные синонимы – это разные суффиксы, соединённые с одной и той же основой и обладающие одним общим значением» [17, с. 43]. Автор цитируемой статьи рассматривает синонимию суффиксов на примере пар однокоренных слов типа *супруга – супружница, немчин – немец, платёжник – плательщик, выпись – выписка, надея – надеяние, царство – царствие*, особо выделяя синонимические отношения в системе суффиксов, вносящих в имена существительные эмоциональную окраску: *икрица – икорка, жёнка – жёнушка – женишка* и т. д. [17, с. 52].

Соматизмы, в семантике которых проявляется только уменьшительно-ласкательное значение, относительно немногочисленны (около 12 случаев): *животик* ‘уменьш.-ласк. к живот’¹; *локоток* ‘уменьш.-ласк. к локоть’²; *лобик* ‘уменьш.-ласк. к лоб’³; *личико* ‘уменьш.-

¹ Животик // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М.: Русский язык, 1985. С. 564.

² Локоток // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2 / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М.: Русский язык, 1986. С. 198.

³ Лобик // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2 / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М.: Русский язык, 1986. С. 194.

ласк. к лицо¹. Ср. также: *грудка, ладошки, пальчик, ротик*. Моносемантами, как правило, являются оценочные соматизмы с суффиксами *-ёнк/-онк*: *глазёнки, головёнка, ручонка*. В подобных случаях мы имеем дело с модификационными производными (лексическое значение деривата отличается от значения производящего слова лишь оценочной (ласкательной) семой, поэтому лексикографы используют отсылочный способ толкования). Тем не менее составители МАС располагают уменьшительно-ласкательные формы соматизмов в отдельных словарных статьях, что косвенно подтверждает признание их самостоятельными лексическими единицами.

Большая часть «уменьшительно-ласкательных форм», образованных на базе соматизмов, – это полисеманты. Так, в семантике диминутива *«горлышко»*, помимо первичного, уменьшительно-ласкательного, значения развивается вторичное, переносное: ‘2. Верхняя суженная часть сосуда’². См. также: *хвостик* ‘1. уменьш. к хвост (в 1 и 9 знач.) 2. Стебелёк, на котором сидит плод растения; плодоножка’³; *бровка* ‘уменьш. к бровь. 2. Линия резкого перелома склона, отделяющая верхнюю пологую его часть от нижележащего крутого участка склона, а также край канавы, кювета или обочины дороги’⁴. Вторые значения связаны с первым по признаку сходства, иными словами, в семантической структуре всех этих диминутивов имеет место метафорический перенос. В самом деле, *узкая часть сосуда* похожа на *горло* по местоположению, *плодоножка растения* похожа на *хвост* по форме и внешнему виду (это как бы не основная часть растения, и при этом она узкая и длинная, как хвостик животно-

го); *край склона или дороги* похож на *бровь* своей изогнутой и вытянутой формой и положением на границе глазной впадины. На наш взгляд, подобные вторичные ЛСВ являются результатом лексикализации первого, модификационного значения, которое по степени отвлечённости и по регулярности своего проявления близко к значениям грамматической природы.

По нашим наблюдениям, соматизмы-диминутивы развивают от двух до пяти подобных вторичных значений, между которыми не наблюдается никаких отношений иерархии: каждый ЛСВ – наименование нового предмета действительности. Вместе с тем все вторичные метафорические значения связаны с первым, безобразным, как бы соподчинены ему. Например, в семантике слова «волосок» три значения: *волосок* ‘уменьш. к волос (в 1 знач.); маленький, короткий волос’. 2. Бот. Нитевидный отросток на кожице растений; ворсинка. 3. Тонкая нить, пружинка, проволока в каком-л. механизме, приборе и т. п. ...’⁵.

Приведём примеры реализации всех трёх значений в контекстах: *Затем он стал меньше ростом, надменно раздул ноздри и сквозь зубы, при этом выщипывая волоски из воображаемых бакенбард, проговорил всё, что было написано о нём в письме*⁶; *Покрывая часто листья и стебли плотным войлоком, отмершие и наполненные воздухом волоски защищают растение от колебаний температуры и потери влаги, что свойственно главным образом высокогорным и пустынным растениям*⁷; *От лампочки расходятся во все стороны сотни прозрачных волосков*⁸.

Похожий случай – слово *косточка*, в семантике которого также три значения:

¹ Личико // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2 / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М.: Русский язык, 1986. С. 192.

² Горлышко // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М.: Русский язык, 1985. С. 335.

³ Хвостик // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М.: Русский язык, 1988. С. 597.

⁴ Бровка // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М.: Русский язык, 1985. С. 116.

⁵ Волосок // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М.: Русский язык, 1985. С. 206.

⁶ Булгаков М. А. Театральный роман // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorp.org.ru> (дата обращения: 10.03.2023).

⁷ Большая советская энциклопедия // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorp.org.ru> (дата обращения: 10.03.2023).

⁸ Приручение света // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorp.org.ru> (дата обращения: 10.03.2023).

‘1. уменьш. к *кость* (в 1, 2, 4 и 5 знач.). 2. Гибкая пластинка из китового уса, металлическая и т. п., вшиваемая в корсет, платье и т. п.; 3. Семя с твёрдой оболочкой в плодах некоторых растений’¹. Подобной семантической структурой характеризуются также *спинка* (5 значений); *ручка*, *плечико*, *носик* (по 4 значения), *сердечко* (3 значения). Очевидно, что в семантике анализируемых единиц много нерешённых, дискуссионных вопросов, в частности, проблема разграничения полисемии и омонимии применительно к системе вторичных значений диминутивов, вопрос о характере мотивации этих значений и др.

Формирование вторичных ЛСВ на базе уменьшительно-ласкательных форм, как правило, связано с изменением сферы употребления исходного деривата. Как правило, перед нами стёртые метафоры, образность которых подчинена целям номинации. Соматизмы-диминутивы нередко снабжены стилистическими пометами, указывающими на их книжный характер. Многие из них употребляются в сфере ботанической, зоологической и анатомической терминологии (ср. пометы «бот.», «зоол.» и «анат.»): **язычок**: 1. ‘Уменьш. язык (в 1 и 8 знач.). 2. Анат. Отросток заднего края мягкого неба у человека. 3. Бот. Небольшой вырост у основания пластинки листа злаковых и некоторых других растений ...’². К ботаническим терминам относятся также *волосок*, *хвостик*, *ушки*, *ноготки*; к зоологическим – *пупок*, к биологическим – *реснички* и т. д. Реже встречается помета «спец.» (*щёчка*, *пятка*, *носик*). Вместе с тем наблюдаются и такие случаи, когда диминутивы-соматизмы используются как разговорные варианты технических либо естественнонаучных терминов: **сердечко** ‘разг. Срединная, внутренняя часть каких-л. предметов, устройств’³. Последнее

слово характеризуется широкозначностью: оно может употребляться для обозначения внутренних частей, деталей самых разнообразных предметов.

В большинстве случаев вторичные значения, которые образуются на базе диминутива, не связаны с системой значений исходного соматизма. Так, у слова «**глаз**» прямое значение – ‘1) орган зрения; переносное значение, оттеночное – хорошее зрение; 2) глаз – способность видеть, зрение; 3) глаз (устар.) = “дурной глаз”’. Оба переносных значения являются метонимическими. У диминутива «**глазок**» мы наблюдаем совсем иную систему значений, причём все они метафорической природы: **глазок** ‘(мн. *глазки*). 1. Уменьш.-ласк. к *глаз* (в 1 знач.); маленький *глаз*. (мн. *глазки*). 2. Круглое пятно, иногда окаймленное цветным ободком (в окраске насекомых, птиц и др.). || Кружок в узоре, рисунке ткани, вышивки и т. п. 3. (мн. *глазки*). Разг. Небольшое (обычно круглое) отверстие в двери, стене для наблюдения, надзора. 4. (мн. *глазки*). Почка, срезаемая с растения для прививки. || Небольшое углубление на поверхности картофельного клубня’⁴. Первое, уменьшительно-ласкательное, значение непосредственно связано с первым значением производящего существительного, а все остальные являются результатом частичной лексикализации диминутива «**глазок**»; механизмом этого процесса является в основном метафора. «**Глазок**» на лепестках цветка – яркое, выделяющееся пятнышко в его расцветке, напоминающее по форме *глаз* (*глазок*). «**Глазок** двери» – отверстие круглой формы, в которое мы смотрим. «**Глазки**» на клубнях картофеля – небольшие углубления, похожие на глазные впадины: *Цветки полумахровые, диаметром около 6 см, ярко-красные с золотисто-жёлтым глазком, собраны в крупные, плотные соцветия*⁵; *Смотрю в глазок, под-*

¹ Косточка // *Словарь русского языка*: в 4 т. Т. 2 / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М.: Русский язык, 1986. С. 113.

² Язычок // *Словарь русского языка*: в 4 т. Т. 3 / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М.: Русский язык, 1987. С. 781.

³ Сердечко // *Словарь русского языка*: в 4 т. Т. 4 / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М.: Русский язык, 1988. С. 79.

⁴ Глазок // *Словарь русского языка*: в 4 т. Т. 1 / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М.: Русский язык, 1985. С. 314.

⁵ Турченкова О. Цветы у ваших ног // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.03.2023).

нимается освещённый лифт, спиной появляется Спиваков в кепке и вытаскивает чемодан¹; Если посадить **глазкí** отдельно, то урожай картошки будет примерно на 30–40% больше обычного².

Лексикализация соматизмов-диминутивов – живой, динамично развивающийся процесс. В текстах Национального корпуса русского языка можно встретить такие случаи употребления соматизмов-диминутивов, которые не зафиксированы словарями, однако, несомненно, активно функционируют в разных сферах коммуникации, постепенно формируя новые лексико-семантические варианты. Ср. «глазок видеокамеры» (Л. Петрушевская), «зелёный глазок приёмника» (Э. Лимонов), «глазок во льду» (А. Б. Сальников), «глазок прибора» (М. Ахмедова), «глазки светофора» (журнал «Знание – сила»).

Возможен и другой подход к анализируемому явлению. Вторичные ЛСВ диминутивов-соматизмов можно считать частным случаем метафорической мотивации, которую детально анализировали такие известные дериватологи, как В. В. Лопатин [9], Е. А. Земская [7], М. Б. Ташлыкова [14] И. А. Ширшов [19] и мн. др. При метафорической мотивации переносные значения производных не связаны непосредственно ни с прямыми (в данном случае это уменьшительно-ласкательное значение), ни с переносными значениями производящего существительного-соматизма – они рождаются как бы в самом словообразовательном акте. М. Б. Ташлыкова в своей статье 1994 г. в качестве одного из типов метафорической мотивации выделяет случаи, когда вторичные ЛСВ многозначного производного слова возникают «при отсутствии соотносительного по значению ЛСВ производящего» и «при отсутствии соотносительного прямого значения у самого производного слова» [14, с. 176].

¹ Спивакова С. Не всё // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.03.2023).

² Технология выращивания картофеля из глазков // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.03.2023).

Отмеченный нами тип мотивированности вторичных ЛСВ охватывает не все диминутивы. Так, в рамках другой тематической группы – «Животные» – многие переносные значения уменьшительно-ласкательных образований формируются непосредственно на базе прямых значений производящих или же на основе их же переносно-метафорических значений. Ср.: овечка ('о смирном, кротком человеке', ... уточка ('о плавно идущей женщине') ... и т. п. [3].

Соматизмы-диминутивы в их вторичных, «лексикализованных» вариантах могут обозначать: 1) части конкретных предметов, чаще всего названные по сходству с исходной частью тела по местоположению и (или) по форме: **горлышко** ('верхняя суженная часть сосуда'); **хвостик** ('стебелёк, на котором сидит плод растения; плодоножка'); **головка** ('передняя часть сапог, покрывающая пальцы и верхнюю часть ступни'); 2) растения и их части: **ноготок** ('народное название календулы'); **реснички** ('биол. тонкие нитевидные отростки на клетках животных, растений'); **волосок** ('нитевидный отросток на коже растений'); **кожица** ('наружный покров листьев, стебля и корня растений'); 3) части тела (похожие по местоположению, по форме на исходные части тела): **пупок** ('зоол. Нижняя мускульная часть желудка птиц'); **желудочек** ('2. Часть сердца, своими сокращениями обуславливающая движение крови по кровеносной системе; 3. Полость в головном мозге'). Встречаются также наименования участков местности (*бровка, щёки*), продуктов питания (*грудка, спинка, ушки*), частей одежды и различных аксессуаров, с ней связанных (*косточка, носок, ушко, плечико*), частей мебели (*ножка, спинка*).

Заключение

Таким образом, уменьшительно-ласкательные формы следует считать проявлением словопроизводства (поскольку в образовании этих единиц задействованы именно словообразовательные средства),

однако это одна из сфер деривации, занимающая пограничное положение с формообразованием. Поэтому мы считаем правомерным использование термина «лексикализация» по отношению к диминутивам, семантическая структура которых обогатилась новыми значениями.

Одна из больших групп существительных русского языка, от которых регулярно образуются уменьшительно-ласкательные формы, – части тела человека или животного (соматизмы). Соматизмы-диминутивы образуются по разным суффиксальным моделям; наиболее продуктивными являются суффиксы *-к(а) / -очк(а), -ок / -ек* и *-ик*. Все эти дериваты рассматриваются в толковых словарях как самостоятельные слова.

Чаще всего уменьшительно-ласкательное значение является семантической базой для формирования одного или нескольких вторичных значений – лекси-

ко-семантических вариантов. Эти ЛСВ не связаны между собой отношениями иерархии, но соподчинены первому, модификационному значению, являясь результатом его метафорического (реже метонимического) преобразования: это наименования частей предметов, растений, технических устройств, предметов одежды, похожих на соответствующие части тела человека (животного) либо по форме, либо по местоположению.

Дальнейший анализ лексикализации соматизмов-диминутивов предполагает обращение как к устаревшим их значениям, так и к новым, появившимся в последние 2–3 десятилетия и зафиксированным словарями нового поколения, а также к индивидуально-авторскому употреблению, ещё не получившему лексикографического отражения.

Статья поступила в редакцию 03.04.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барсов А. А. Российская грамматика. М.: Московский государственный университет, 1981. 776 с.
2. Вакк Ф. А. О соматической фразеологии в современном эстонском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1964. 30 с.
3. Васильева Э. В. Метафорическая мотивация в свете языковой картины мира // Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии: материалы всероссийской конференции, посвящённой 120-летию Томского университета, Томск, 27–29 марта 1998 г. Томск: Б. и., 1998. С. 111–113.
4. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / отв. ред. Г. А. Золотова. 3-е изд., испр. М.: Высшая школа, 1986. 640 с.
5. Глинкина Л. А. Заметки о лексикализации и грамматикализации в аспекте лингводидактики // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. 2016. № 4 (386). С. 25–32.
6. Греч Н. И. Краткая русская грамматика. 12-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. 152 с.
7. Земская Е. А. Виды семантических отношений словообразовательной мотивации // Wiener Slavistischer Almanach. 1984. Bd. 13. С. 337–349.
8. Ломоносов М. В. Российская грамматика. 5-е тисн. СПб.: Академия наук, 1788. 214 с.
9. Лопатин В. В. Метафорическая мотивация в русском словообразовании // Актуальные проблемы словообразования. Т. 143. Ташкент: Б. и., 1975. С. 53–57.
10. Осипова Л. И. Закономерности словообразования и лексикализации диминутивов в русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Московский областной педагогический институт им. Н. К. Крупской, 1968. 16 с.
11. Павский Г. П. Филологические наблюдения. СПб.: Тип. Императорская Российская академия, 1841. 141 с.
12. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике: в 4 т. Т. 3. М.: Просвещение, 1968. 551 с.
13. Рассказова В. Х. Признаки уменьшительности в словообразовательной номинации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2002. 26 с.
14. Ташлыкова М. Б. Метафорическая мотивация и её место в словообразовательной системе // Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках: семантика и функционирование. Ч. 1. Томск: Томский университет, 1994. С. 169–177.

15. Фуфаева И. В. Экспрессивные диминутивы в условиях конкуренции с нейтральными существительными: на материале русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2018. 28 с.
16. Червенкова И. В. О лексикализации уменьшительных существительных в современном русском языке // Филологические науки. 1961. № 2. С. 49–59.
17. Черкасова А. Г. Из истории словообразовательных синонимов // Учёные записки. Т. VI. В. II. Кафедра русского языка. Новгород: Б. и., 1962. С. 39–56.
18. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л.: Учпедгиз, 1941. 620 с.
19. Ширшов И. А. Типы словообразовательной мотивированности // Филологические науки. 1995. № 1. С. 41–54.
20. Эмирова А. М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте. Ташкент: Фан, 1988. 89 с.

REFERENCES

1. Barsov A. A. *Rossijskaya grammatika* [Russian Grammar]. Moscow, Moscow State University Publ., 1981. 776 p.
2. Vakk F. A. *O somaticheskoj frazeologii v sovremennom estonskomazykye: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [On Somatic Phraseology in the Modern Estonian Language: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Tartu, 1964. 30 p.
3. Vasileva E. V. [Metaphorical Motivation in the Light of the Linguistic Picture of the World]. In: *Aktual'nye problemy derivatologii, motivologii, leksikografii: materialy vsrossijskoj konferencii, posvyashchyonnoj 120-letiyu Tomskogo universiteta, Tomsk, 27–29 marta 1998 g.* [Current Problems of Derivatology, Motiveology, Lexicography: Materials of the All-Russian Conference dedicated to the 120th anniversary of Tomsk University, Tomsk, March 27–29, 1998]. Tomsk, 1998, pp. 111–113.
4. Vinogradov V. V. *Russkij yazyk (grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian Language (Grammatical Teaching about the Word)]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1986. 640 p.
5. Glinkina L. A. [Notes on Lexicalization and Grammaticalization in the Aspect of Linguodidactics]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology Sciences], 2016, no. 4 (386), pp. 25–32.
6. Grech N. I. *Kratkaya russkaya grammatika* [Brief Russian Grammar]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2011. 152 p.
7. Zemskaya E. A. [Types of Semantic Relations of Word-Formation Motivation]. In: *Wiener Slavistischer Almanach*, 1984, bd. 13, pp. 337–349.
8. Lomonosov M. V. *Rossijskaya grammatika* [Russian Grammar]. St. Petersburg, Akademiya nauk Publ., 1788. 214 p.
9. Lopatin V. V. [Metaphorical Motivation in Russian Word Formation]. In: *Aktual'nye problemy slovoobrazovaniya. T. 143* [Actual Problems of Word Formation. Vol. 143]. Tashkent, 1975, pp. 53–57.
10. Osipova L. I. *Zakonomernosti slovoobrazovaniya i leksikalizacii diminutivov v russkom literaturnomazykye: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Patterns of Word Formation and Lexicalization of Diminutives in the Russian Literary Language: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, Moscow Regional Pedagogical Institute named after. N. K. Krupskaya, 1968. 16 p.
11. Pavskiy G. P. *Filologicheskie nablyudeniya* [Philological Observations]. St. Petersburg, Imperial Russian Academy Publ., 1841. 141 p.
12. Potebnya A. A. *Iz zapisok po russkoj grammatike. T. 3* [From Notes on Russian Grammar. Vol. 3]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1968. 551 p.
13. Rasskazova V. H. *Priznaki umen'shitel'nosti v slovoobrazovatel'noj nominacii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Signs of Diminutiveness in Word-Formation Nomination: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Krasnodar, 2002. 26 p.
14. Tashlykova M. B. [Metaphorical Motivation and Its Place in the Word-Formation System]. In: *Voprosy slovo- i formoobrazovaniya v indoevropskikh yazykakh: semantika i funkcionirovanie. Ch. 1* [Questions of Word and Form Formation in Indo-European Languages: Semantics and Functioning. Pt. 1]. Tomsk, Tomsk University Publ., 1994, pp. 169–177.
15. Fufaeva I. V. *Ekspressivnye diminutivy v usloviyah konkurencii s nejtral'nymi sushchestvitel'nymi: na materiale russkogoazykye: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Expressive Diminutives in Competition with Neutral Nouns: On the Material of the Russian Language: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2018. 28 p.

16. Chervenкова I. V. [On the Lexicalization of Diminutive Nouns in Modern Russian]. In: *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], 1961, no. 2, pp. 49–59.
17. Cherkasova A. G. [From the History of Word-Formation Synonyms]. In: *Uchyonye zapiski. T. VI. V. II. Kafedra russkogo yazyka* [Scientific Notes, vol. VI, no. II: Department of Russian Language]. Novgorod, 1962, pp. 39–56.
18. Shahmatov A. A. *Sintaksis russkogo yazyka* [Syntax of the Russian Language]. Leningrad, Uchpedgiz Publ., 1941. 620 p.
19. Shirshov I. A. [Types of Word-Formation Motivation]. In: *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], 1995, no. 1, pp. 41–54.
20. Emirova A. M. *Russkaya frazeologiya v kommunikativnom aspekte* [Russian Phraseology in the Communicative Aspect]. Tashkent, Fan Publ., 1988. 89 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Огольцева Екатерина Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета; профессор кафедры славянской филологии Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета;
e-mail: tertiumcomp@mail.ru

Чжоу Юйфэй – аспирант кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета;

e-mail: fzyf9533@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ekaterina V. Ogoltseva – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Department of the Russian Language; Prof., Department of Slavic Philology, St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities;
e-mail: tertiumcomp@mail.ru

Zhou Yufei – Postgraduate Student, Department of the Russian Language, Moscow Pedagogical State University;

e-mail: fzyf9533@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Огольцева Е. В., Чжоу Юйфэй. Лексикализация соматизмов-диминутивов в русском языке // Отечественная филология. 2023. № 5. С. 102–114.

DOI: 10.18384/2949-5008-2023-5-102-114

FOR CITATION

Ogoltseva E. V., Zhou Yufei. Lexicalization of Somatic Diminutives in the Russian Language. In: *Russian Studies in Philology*, 2023, no. 5, pp. 102–114.

DOI: 10.18384/2949-5008-2023-5-102-114

УДК 81'373

DOI: 10.18384/2949-5008-2023-5-115-123

АКТУАЛЕМА «ИРКУТСК» В ЯЗЫКЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ТЕКСТОВ 2019 И 2020 ГГ.

Проконова Д. В.

Государственный университет просвещения

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Изучить смысловой объём актуалемы «Иркутск» в 2019 и 2020 гг.

Процедура и методы. Проанализирован корпус электронных текстов, осуществлён концептуальный анализ, направленный на описание содержания актуалемы «Иркутск».

Результаты. По итогам исследования на примере трансформации актуалемы «Иркутск» сделан вывод о свойстве актуальных концептов относиться к разным дискурсам в ходе своего развития.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование углубляет представление о медиатексте, языке блогов, о понятии «актуалема», развивает теорию об актуализации смысловых компонентов концепта под влиянием социокультурных факторов.

Ключевые слова: актуалема, концепт, концептуализация, лингвоментальная категория актуальности, медиатекст, смысловой компонент

“IRKUTSK” AKTUALEMA IN THE LANGUAGE OF ELECTRONIC TEXTS IN 2019–2020

D. Prokopova

State University of Education

ul. Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To examine the semantic value of “Irkutsk” aktualema in 2019 and 2020.

Methodology. The corpus of electronic texts was analyzed, conceptual analysis aimed to describe the content of “Irkutsk” aktualema was conducted.

Results. In accordance with the results of the study, the conclusion was made on tendency of relevant concepts to relate to various discourses in the course of their development.

Research implications. The study deepens the concept of media text, blog language, the notion of “aktualema” and develops the theory of actualization of semantic components of the concept under the influence of socio-cultural factors.

Keywords: aktualema, concept, conceptualization, linguomental category of relevance, media text, semantic component

Введение

Актуалема – социокультурный концепт, перешедший в светлую зону сознания человека под влиянием внеязыковых факторов [13; 14]. Актуалема «Иркутск» начала распространяться в связи с наводнением, случившимся в конце июня 2019 г. в Иркутской области. По разным

данным, катастрофа унесла жизни более двух десятков человек. Трагедия активно обсуждалась в СМИ, социальных сообществах, личных блогах. По соотнесённости с участвующими в наблюдении и оценке фактов, событий, а далее – в концептуализации, изучаемую актуалему можно отнести к национальной концептосфере. Сравнение смысловых компонентов, фор-

мирующих актуально на разных этапах её развития, позволяет сделать вывод о трансформации структуры концепта: одни понятия закрепляются в ядре концепта, а другие остаются на его периферии. Значит, становится возможным проследить и эволюцию мыслей пользователей, участвующих в обсуждении актуалемы. Интернет, социальные сети позволяют оперативно обмениваться информацией, а отсутствие языкового контроля не ограничивает пользователей в выборе средств репрезентации [2; 5; 12]. Медиапространство становится площадкой для диагностики общественного мнения по важнейшим вопросам [4; 15]. Изучение медиатекста, языка интернета, социальных сетей ввиду их популярности является одним из актуальных вопросов как отечественной, так и зарубежной лингвистики [6; 10; 16; 17]. В своих текстах авторы поднимают проблемы общенародного характера, обнажают тревожащие их вопросы, получают отклик от своих читателей. Таким образом, анализ смыслового содержания концепта на разных исторических этапах позволяет идентифицировать изменения в национальной концептосфере [11].

Смысловой компонент 'бедствие'

Трагедия нанесла большой ущерб инфраструктуре, более 10 тыс. жилых зданий оказались затопленными. Люди потеряли свои дома. С этим связана актуализация лексем, относящихся к понятию 'бедствие'. Семантику трагедии в анализируемых публикациях привносят ресурсы разговорной лексики, исключение составляет один зафиксированный нами контекст употребления книжной единицы: *Тысячи людей остались без крова и сейчас живут "друг у друга на головах"*¹. Коллокация *остаться без крова*, включающая высокое *кров* по сравнению с нейтральным *дом* оказывает на читателя более сильное воздействие:

его понятийное содержание имеет глубину, которую придают традиционно актуальные семы 'защита, охрана' (ср. *покров, укрывать*), определяющие мелиоративный коннотативный ассоциативный аспект и высокую стилистическую значимость: номинируется не просто жилое здание. *Кров* в сознании реципиента вызывает ассоциацию с чем-то незывлемым, с тем, что обязательно необходимо каждому человеку. Благодаря этому убедительнее транслируется смысл трагедии: людей лишили самого главного – их жизненной опоры. Разговорное устойчивое выражение *друг у друга на головах* контрастирует с лексемой *кров*, описывая чрезвычайное положение людей, в котором они оказались.

В следующем контексте сочувствие к людям выражается через негативно окрашенные разговорные лексемы, отражающие критические суждения: *Их пускают в расход, как брёвна. Чтобы просто урвать очередной миллиард?; А вам, лошкам по 100 дерева*². Экспрессивный разговорный фразеологизм *пускать в расход*, рекомендованный для военного дискурса, разговорная лексема *урвать*, разговорно-пренебрежительное существительное *лошки* (уничиж. от жаргонного «лох» – «Неотёсанный, неуклюжий человек, увальень, простак...»³) выражают недовольство положением пострадавших. Перечисленные лексические единицы репрезентируют мнение автора о несправедливом отношении к людям.

Смысловой компонент 'коррупция'

Обсуждая причины трагедии, пользователи в публикациях актуализировали понятие 'коррупция'. Реализовано это при помощи разговорной лексемы *дармовой* («полученный бесплатно, даром»⁴) (обе-

¹ Savvateev. Тулун. Что всё-таки произошло? [Электронный ресурс]. URL: <https://savvateev.livejournal.com/277175.html> (дата обращения: 30.07.2019).

² Крыса из нержавеющей стали. Наводнение в Иркутске [Электронный ресурс]. URL: <https://stainlesstrat.livejournal.com/3875232.html> (дата обращения: 12.07.2019).

³ Лошок // Елистратов В. С. Словарь русского арго: материалы 1980–1990-х гг. М.: Русские словари, 2000. С. 231.

⁴ Дармовой // Большой современный толковый сло-

спечивая Русал почти **дармовой** электро-энергией) и просторечного фразеологизма с местоимённой семантикой неопределённости: *Купить **хрен** знает какое поместье...*¹. Из-за **дармовой** электроэнергии, ради своей выгоды людей подвергли опасности. В связи с этим формируется смежный концептуальный пласт, связанный с недовольством органами власти: *Пока наверху **жадные**, **тупые** неквалифицированные **ублюдки**...*², *Власти **обделались** с наводнением...*³. Разговорно-сниженные лексемы-вульгаризмы *ублюдки*, *обделаться* несут негативную коннотацию, повышают экспрессивность текста и отражают отрицательную оценку событий.

Анализируя действия властей, один из пользователей актуализирует советизмы, сравнивая Россию и СССР: *СССР был не очень хорошим государством, и на сохранение окружающей среды Политбюро всегда было **наплевать**: и кедры в тайге рубили, и в Байкал сливали **дёрмо**, и чего только не творили “**генеральные секретари**”*⁴. Используя разговорные пейоративные лексемы *дёрмо*, *наплевать* (перен. «Проявить равнодушие, безразличие, презрение, не считаясь с кем-либо...»⁵), автор передаёт свою оценку действий «генеральных секретарей», т. е. не оправдавшей себя в глазах народа высшей партийной власти, скованной коррупцией.

варь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://slovar.cc/rus/tolk/22451.html> (дата обращения: 01.12.2022).

¹ Крыса из нержавеющей стали. Наводнение в Иркутске [Электронный ресурс]. URL: <https://stainlesslrat.livejournal.com/3875232.html> (дата обращения: 12.07.2019).

² Там же.

³ Klasson. Власти обделались с наводнением в Иркутской области [Электронный ресурс]. URL: <https://klasson.livejournal.com/128059.html> (дата обращения: 19.07.2019).

⁴ Terraо. Наводнение в Иркутской области: то ли ещё будет... [Электронный ресурс]. URL: <https://terrao.livejournal.com/8533324.html> (дата обращения: 28.07.2019).

⁵ Наплевать // Большой современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://slovar.cc/rus/tolk/56063.html> (дата обращения: 01.12.2022).

Таким образом, актуалема «Иркутск-2019» насыщена смыслами: ‘бедствие’, ‘коррупция’. Приядерную зону экспликаторов составляют используемые в роли предикатов глаголы и глагольные фразеологизмы *пускать в расход*, *урвать*, *обделаться*, *наплевать*, *трещать*, *плясать на костях*, атрибутивы *потерявшие*, *дармовой*, *жадные*, *тупые неквалифицированные*. В ближайшую периферию входит образная номинация – сравнение *пускают в расход*, как *брёвна*. Репрезентация актуалемы осуществлена преимущественно при помощи разговорных или общеупотребительных лексем. Использованная книжная единица *кров* (*лишиться крова*) является не только стилистической, но и смысловой оппозицией, т. к. *кров* – символ беззащитности людей, обездоленных стихией (ядро ‘бедствие’).

Актуалема «Иркутск-2020». Смысловой компонент ‘Левченко’

Особый интерес представляет то, как трансформировалась данная актуалема в 2020 г.: пользователей волновали в большей степени вопросы состоятельности региональных властей, в том числе и в связи с наводнением 2019 г.

Центральным смысловым компонентом, формирующим актуалему «Иркутск» в 2020 г., является прецедентное имя *Левченко*. Сергей Георгиевич Левченко – бывший губернатор Иркутской области, подавший в отставку в декабре 2019 г. Образ политика создаётся в текстах публикаций на разные темы. Так, положительная оценка экс-губернатора даётся в связи с анализом его деятельности по ликвидации последствий наводнения 2019 г. Работа С. Г. Левченко характеризуется как *изнурительная*⁶, что находит обоснование: «... он (Левченко. – Д. П.). “**разжёвывал**” ситуацию при ЧС с наводнением **подробно** и не спеша»⁷. Автор допускает создание плеоназма: *глагол раз-*

⁶ Bg_irkutsk. Как Кремль «спас» Иркутскую область? [Электронный ресурс]. URL: <https://bg-irkutsk.livejournal.com/6745242.html> (дата обращения: 15.10.2022).

⁷ Там же.

жёвывать (разг.) в переносном значении определяется как «объяснять, растолковывать что-либо очень подробно»¹. Таким образом, рассматриваемая лексема уже несёт в себе семантику ‘детально, обстоятельно’, и её совместное использование с наречием *подробно* является ошибочным. Однако в данном контексте речевая избыточность не случайна и направлена на усиление впечатления о качественной работе губернатора. Стилистически, прагматически осознанным представляется и обращение к разговорному стилю речи: это создаёт впечатление более доступного для массового читателя объяснения интенций автора. С целью привлечения внимания читателя журналистом использован такой метод подачи контента, как «информационный пакет»: создано несколько «точек входа» в текст (кричащий заголовок, видео, фото) [8, с. 310–311].

В следующем контексте усилительная однокомпонентная частица *даже* призвана подчеркнуть высокий профессионализм команды С. Левченко, отмеченный местными СМИ: *Газета “Байкальская Сибирь” ... даже вручила благодарственные письма руководителю пресс-службы губернатора...²*. Как «экспрессивное средство выделения ремы» [14, с. 308; ср.: 8, с. 422–427] *даже* является инструментом актуализации внимания читателя. Мы понимаем, что автору важно, чтобы реципиенты отметили, что высоко оценивает деятельность губернатора авторитетный источник – СМИ. Описываемая частица обладает семантикой неожиданности: работа была настолько слаженная, что оказалась удостоенной не просто устной благодарности, а письма. Ю. Д. Апресян так описывает семантику частицы: «*Даже А действовал* = ‘другие действовали, и А действовал, и говорящий не ожидал, что А будет действовать’» [1].

¹ Разжёвывать // Большой современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://slovar.cc/rus/tolk/97433.html> (дата обращения: 01.12.2022).

² Bg_irkutsk. Как Кремль «спас» Иркутскую область? [Электронный ресурс]. URL: <https://bg-irkutsk.livejournal.com/6745242.html> (дата обращения: 15.10.2022).

Но не все так высоко оценили действия губернатора в режиме ЧС. И здесь авторы используют изобразительно-выразительные средства языка с пейоративными коннотациями: *Свою политическую карьеру экс-губернатор практически похоронил во время наводнений...³*, «*Ещё одним событием, которое поставило крест на политической карьере Левченко, стало наводнение...⁴*. Метафора *похоронить карьеру*, разговорный экспрессивный фразеологизм *поставить крест* говорят не только о том, что, по мнению авторов, губернатор не справился со своими обязанностями, но и о том, что наводнение стало главным поражением С. Левченко на политической арене, стоило ему карьеры.

Негативная оценка деятельности политика распространяется на весь срок его пребывания в губернаторском кресле. Так, в большей степени пользователей волнуют коррупционные вопросы. (Левченко. – Д. П.) *приказывает им выдать чиновникам премии за их успешную работу на 600 миллионов рублей. Ну, успешно люди поработали, что тут непонятного?⁵* Междометие *ну* в составе риторического вопроса обуславливает иронический эффект. Созданию иронии, пейоративных коннотаций способствует и лексический повтор: работа чиновников, дважды охарактеризованная как успешная, таковой читателю не представляется, напротив, создаётся впечатление о необоснованности выданной премии. Пользователь под никнеймом *channel_sk1n* в двух своих публикациях называет С. Г. Левченко *закоренелым капиталистом, озабоченным*

³ Channel-sk1n. Никудышный экс-губернатор, член КПРФ Сергей Левченко надеется на второй срок [Электронный ресурс]. URL: <https://channel-sk1n.livejournal.com/1257591.html> (дата обращения: 15.10.2022).

⁴ Vince_crane. Вор и коррупционер: член КПРФ Левченко намерен баллотироваться в губернаторы Иркутской области [Электронный ресурс]. URL: <https://vince-crane.livejournal.com/2467034.html> (дата обращения: 15.10.2022).

⁵ Andrey0100. Ещё одна жертва режЫма? [Электронный ресурс]. URL: <https://andrey0100.livejournal.com/209069.html> (дата обращения: 15.10.2022).

своим благосостоянием, а не проблемами граждан¹ и **заядлым коррупционером**². Существительное *капиталист* в сочетании с прилагательным *закоренелый* («П. Неисправимый, укрепившийся в каких-либо привычках, взглядах (обычно отрицательных)»³) как предикатные единицы несут пейоративную коннотацию, транслируют отрицательную оценку. Во втором контексте разговорная лексема *заядлый* («Сильно пристрастившийся к чему-либо»⁴) усиливает негативную характеристику политика.

Смысловой компонент 'выборы'

Исследование фактического материала показало, что на рассматриваемом историческом этапе в связи с падением рейтинга действующих властей, трудностями в регионе, отчасти спровоцированными наводнением, актуализируется понятие *выборы*. Данный концепт оценивается исследователями как «напрямую связанный с ... государственнообразованием», что позволяет его отнести к политико-институциональному дискурсу [3, с. 190]. Пользователи возмущены желанием С. Левченко вновь баллотироваться на пост губернатора, поэтому в публикациях, посвящённых данному вопросу, встречается и оценка деятельности политика, которая призвана доказать невозможность переизбрания С. Г. Левченко.

Высказывается недоверие к мотивам поступков С. Левченко, мнение о его отношении к своей работе: *Очевидно, что на самом деле Левченко плевать на людей, а это мнимая озабоченность их проблемами не более, чем попытка набрать политические очки накануне выборов*⁵, ... он попросту *умыл руки и бросил граждан в беде. А теперь ... намекает на свои губернаторские амбиции*⁶. С этой целью авторы используют ресурсы разговорной, стилистически сниженной лексики и фразеологии (*плевать, умыть / умыть руки*), которая в данном контексте не только создаёт экспрессию, но и сигнализирует о пренебрежении, безразличии, которые, по мнению авторов, характерны в отношении дела для С. Левченко. А это не достойно политика, который должен служить народу. В первом контексте стремление разоблачить деятельность экс-губернатора поддерживается вводным словом *очевидно* с модальностью достоверности / недостоверности и устойчивым выражением на *самом деле*, что должно создать впечатление об авторе как о человеке, хорошо знающем предмет разговора.

Некоторые заголовки публикаций передают не только их главную мысль, но и отношение авторов к политику: *Коммунист Левченко вновь собрался грабить жителей Иркутской области*⁷; *Вор и коррупционер: член КППФ Левченко намерен баллотироваться в губернаторы Иркутской области*⁸.

¹ Channel-sk1n. Никудышный экс-губернатор, член КППФ Сергей Левченко надеется на второй срок [Электронный ресурс]. URL: <https://channel-sk1n.livejournal.com/1257591.html> (дата обращения: 15.10.2022).

² Channel-sk1n. Оскандалившийся коммунист Левченко захотел вернуться на пост губернатора Иркутской области [Электронный ресурс]. URL: <https://channel-sk1n.livejournal.com/1301834.html> (дата обращения: 15.10.2022).

³ Закоренелый // Большой современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://slovar.cc/rus/tolk/30474.html> (дата обращения: 01.12.2022).

⁴ Заядлый // Большой современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://slovar.cc/rus/tolk/33560.html> (дата обращения: 01.12.2022).

⁵ Vince_crane. Вор и коррупционер: член КППФ Левченко намерен баллотироваться в губернаторы Иркутской области [Электронный ресурс]. URL: <https://vince-crane.livejournal.com/2467034.html> (дата обращения: 15.10.2022).

⁶ Channel-sk1n. Никудышный экс-губернатор, член КППФ Сергей Левченко надеется на второй срок [Электронный ресурс]. URL: <https://channel-sk1n.livejournal.com/1257591.html> (дата обращения: 15.10.2022).

⁷ Lohmatiy77. Коммунист Левченко вновь собрался грабить жителей Иркутской области [Электронный ресурс]. URL: <https://voskhodinfo.livejournal.com/6089074.html> (дата обращения: 15.10.2022).

⁸ Vince_crane. Вор и коррупционер: член КППФ Левченко намерен баллотироваться в губернаторы Иркутской области [Электронный ресурс]. URL: <https://vince-crane.livejournal.com/2467034.html> (дата обращения: 15.10.2022).

Отдельное внимание хочется уделить одной из таких публикаций: *Оскандалившийся ... Левченко захотел вернуться на пост губернатора...*¹. Её автор не только высказывает свою точку зрения, но и пытается оказывать воздействие на читателей. Так, за сентенцией *Напомним, ещё в декабре Левченко **облажался по полной программе***² скрывается желание автора не просто упомянуть об отставке губернатора, а заявить об этом как о провале политической карьеры, для чего использован жаргонизм *облажаться* ('опозориться'). Степень неудачи политика идентифицирована разговорным устойчивым сочетанием *по полной программе* ('в полной мере'). Стилистический интерес вызывает использование предиката *напомнить* («заставлять кого-либо вспоминать о ком-либо или о чём-либо»³), демонстрируется установка на осмысление конституации: читатели действительно могут вспомнить об отставке С. Левченко, но необязательно это событие будет у них ассоциироваться с его поражением. Однако именно это мнение автор намерен сформировать, создавая такую синтаксическую конструкцию и характеризуя в заголовке С. Левченко *оскандалившимся*. Далее возможность переизбрания С. Левченко автор комментирует при помощи вопросно-ответной формы изложения: *Неужели он думает, что жители региона забыли про его **гнилой поступок**? Это маловероятно, тем более, что и без этого случая у Левченко имеются **скелеты в шкафу***⁴. Очевидно, такое построение текста не-

случайно: читателю не предоставляется возможности самостоятельно рассуждать над поставленным вопросом, автор не хочет это допустить, поэтому сразу же приводит свой ответ. Последними словами в анализируемой публикации и её главной мыслью, к которой всеми предыдущими рассуждениями подводил автор, является вывод: *Совершенно очевидно, что ни один уважающий себя человек не станет голосовать за подобного представителя КППРФ с таким "багажом"*⁵. Этот вывод нацелен на формирование впечатления о достоверности представленной информации, точности представленного рассуждения. Таким образом, данная публикация обладает субъективной модальностью, предстающей как модальность достоверности. Учитывая, что «ядерное субъективно-модальное значение достоверности-недостоверности (персуазивности) имеет градуированный характер» [9, с. 16], убеждаемся в том, что уверенность автора в выдвигаемых им суждениях нарастает плавно и достигает своего пика в конце текста публикации.

Смысловой компонент 'жертва режѳма'

В формировании вышеперечисленных смысловых пластов актуалемы участвует также понятие *жертва режѳма*. В данных публикациях подчёркивается принадлежность С. Левченко к политической партии КППРФ. Странники губернатора видят в этом одну из причин его отставки. *Все остались на местах, за исключением Левченко, ... потому что он – коммунист*⁶. Пользователи не согласны с признанием неэффективной деятельности С. Левченко по ликвидации последствий наводнения и начавшуюся после этого критику считают необоснованной. Так, обвинения в недостаточной осведомлённости населения названы *травлей*: *В это же время на-*

¹ Channel-sk1n. Оскандалившийся коммунист Левченко захотел вернуться на пост губернатора Иркутской области [Электронный ресурс]. URL: <https://channel-sk1n.livejournal.com/1301834.html> (дата обращения: 15.10.2022).

² Там же.

³ Напомнить // Большой современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://slovar.cc/rus/tolk/56146.html> (дата обращения: 01.12.2022).

⁴ Channel-sk1n. Оскандалившийся коммунист Левченко захотел вернуться на пост губернатора Иркутской области [Электронный ресурс]. URL: <https://channel-sk1n.livejournal.com/1301834.html> (дата обращения: 15.10.2022).

⁵ Там же.

⁶ Bg_irkutsk. Как Кремль «спас» Иркутскую область? [Электронный ресурс]. URL: <https://bg-irkutsk.livejournal.com/6745242.html> (дата обращения: 15.10.2022).

чалась **“травля”** пресс-секретаря “красного” губернатора Ирины Алашкевич¹. Об искусственно созданной волне статей, порочащих репутацию С. Г. Левченко, сигнализируют существенные кампании, диффамация: *Думаю, не ошибусь, если скажу, что кампания диффамации иркутского губернатора коммуниста Сергея Левченко не обошла никого прошлым летом*². Использование книжной лексики даёт автору преимущество не выражать открыто свои эмоции, однако его вовлечённость в обсуждение данного вопроса показывает употреблённый в переносном значении глагол *обойти* («4. Избежать чего-либо»³).

Статья, заключающая в заголовке риторический вопрос *Ещё одна жертва режЫма?*⁴, посвящена выдвинутому сыну С. Левченко обвинениям в экономических преступлениях. Вульгаризируя форму слова (умышленно допуская орфографическую ошибку) [7, с. 129], автор иронизирует над понятием *жертва режЫма*, говоря о нём как об одном из способов избежать наказания и снять с себя вину. Поддерживает ироническое повествование разговорная лексема *детки*, глагол *творить* («делать что-то плохое»), обладающие в данном контексте пейоративной коннотацией: *Детки продвигаются с самой юности в депутаты, ... творить можно всё, что угодно. ... Чтобы не натворил, вали всё на режим*⁵. Разговорный глагол *валить* создаёт

впечатление небрежности повествования, которая, очевидно, была выбрана специально, в стилистических целях. Автор рисует картину лёгкой, беззаботной жизни «золотой молодёжи», противопоставляя «разные реальности».

Заключение

Развитие актуалемы «Иркутск» в 2020 г. перешло в поле политического дискурса, что повлекло за собой обсуждение характерных для данной сферы общественных отношений тем. Понятийным ядром актуалемы становится прецедентное имя *губернатора* региона *Левченко*, на втором плане находятся понятия ‘выборы’, ‘жертва режЫма’. Но также релевантными остаются смыслы, составлявшие содержание концепта в 2019 г.: ‘наводнение’, ‘коррупция’. Однако смысловой компонент ‘наводнение’ (‘бедствие’) в 2020 г. оказывается в светлой зоне сознания авторов текстов из-за проблем с ликвидацией последствий чрезвычайного происшествия и деятельностью чиновников Иркутской области. Таким образом, актуалема не остаётся закреплённой за каким-либо одним дискурсом, а может переходить из одной области обсуждения в другую в зависимости от смыслового наполнения, которое отражает актуальные, злободневные вопросы, тревожащие пользователей.

Статья поступила в редакцию 21.02.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Значение и оттенок значения // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1974. Т. 32. Вып. 4. М.: Наука, 1974. С. 320–330.
2. Булатова И. З., Билялова А. А. Особенности интернет-коммуникации в системе национального русского языка // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 3–3 (105). С. 107–110.
3. Грошева А. В. Политико-институциональные концепты в российских медиа: к определению понятия // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2019. № 1. С. 184–191.

¹ Bg_irkutsk. Как Кремль «спас» Иркутскую область? [Электронный ресурс]. URL: <https://bg-irkutsk.livejournal.com/6745242.html> (дата обращения: 15.10.2022).

² Pomorjanka. На капиталистическом фронте без перемен [Электронный ресурс]. URL: <https://pomorjanka.livejournal.com/2505272.html> (дата обращения: 15.10.2022).

³ Обойти // Большой современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://slovar.cc/rus/tolk/65255.html> (дата обращения: 01.12.2022).

⁴ Andrey0100. Ещё одна жертва режЫма? [Электронный ресурс]. URL: <https://andrey0100.livejournal.com/209069.html> (дата обращения: 15.10.2022).

⁵ Там же.

4. Дзялошинский И. М. Интернет в системе медиапространства // Медиа. Информация. Коммуникация. 2015. № 13. С. 46–58.
5. Дзялошинский И. М., Лободенко Л. К., Пильгун М. А. Социальные сообщества и коммуникационные сервисы в эпоху цифровой цивилизации. Челябинск: Южно-Уральский государственный университет, 2020. 746 с.
6. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов: опыт исследования современной английской медиаречи. М.: URSS, 2010. 286 с.
7. Котлярова В. В., Куцова Э. Л. Трансформация языка в пространстве интернет-коммуникаций // Манускрипт. 2017. № 2 (76). С. 128–130.
8. Лапко А. В. Эффективные методы подачи контента // Литература и журналистика стран Азиатско-Тихоокеанского региона в межкультурной коммуникации XX–XXI вв.: материалы V Международной научно-практической конференции, Хабаровск, 18–19 ноября 2020 г. / отв. ред. Л. В. Чердниченко. Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2021. С. 308–313.
9. Лутовинова О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса. Волгоград: Перемена, 2009. 476 с.
10. Орехова Е. Н. Субъективная модальность высказывания: форма, семантика, функции. М.: Московский государственный областной университет, 2011. 296 с.
11. Симашко Т. В., Леденёва В. В. Концепт «Либерализм» в осмыслении современного российского социума // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 2. С. 298–316.
12. Тюленева В. Н., Шушарина И. А. Язык Интернета: характеристика, особенности и влияние на речь // Вестник Курганского государственного университета. 2018. № 1 (48). С. 20–25.
13. Черникова Н. В. Лексико-семантическая актуализация как средство отражения изменений в русской концептосфере (1985–2008 гг.). М.: Московский государственный областной университет; Мичуринск: БиС, 2008. 395 с.
14. Черникова Н. В., Рассказов Н. Ю., Орлова И. А. Лингвоментальная категория актуальности и лексические средства её репрезентации // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2021. № 1 (110). С. 89–96.
15. Щербань Г. Е. Частица «даже» как средство организации экспрессивного повтора // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2011. № 13. С. 306–309.
16. Du X. Public Opinion Matters: Mining Social Media Text for Environmental Management // ACM SIGWEB Newsletter. 2020. № Autumn. P. 1–15.
17. Gao D., Bazanova A. E. The Main Lexical Features of the Newspaper-Journalistic Style in Modern Chinese Media Texts // RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism. 2021. Vol. 26. № 2. P. 256–261.

REFERENCES

1. Apresyan Yu. D. [Meaning and Shade of Meaning]. In: *Izvestiya AN SSSR. Otdelenie literatury i yazyka. 1974. T. 32. Vyp. 4* [Izvestia of the USSR Academy of Sciences. Department of Literature and Language. 1974. Vol. 32. Iss. 4]. Moscow, Nauka Publ., 1974, pp. 320–330.
2. Bulatova I. Z., Bilyalova A. A. [Aspects of Internet Communication in the System of the National Russian Language]. In: *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal* [International Scientific Research Journal], 2021, no. 3–3 (105), pp. 107–110.
3. Grosheva A. V. [Political-Institutional Concepts in Russian Media: Define of the Term]. In: *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V. N. Tatishcheva* [Vestnik of the Volga University named after V. N. Tatishchev], 2019, no. 1, pp. 184–191.
4. Dzyaloshinskiy I. M. [The Internet in the Media Space System]. In: *Medya. Informatsiya. Kommunikatsiya* [Media. Information. Communication], 2015, no. 13, pp. 46–58.
5. Dzyaloshinskiy I. M., Lobodenko L. K., Pil'gun M. A. *Sotsial'nye soobshchestva i kommunikatsionnye servisy v epohu cifroy civilizatsii* [Social Communities and Communication Services in the Era of Digital Civilization]. Chelyabinsk, South Ural State University Publ., 2020. 746 p.
6. Dobrosklonskaya T. G. *Voprosy izucheniya mediatekstov: opyt issledovaniya sovremennoj anglijskoj mediarechi* [Issues in the Study of Media Texts: Experience in the Study of Modern English Media Speech]. Moscow, URSS Publ., 2010. 286 p.
7. Kotlyarova V. V., Kutsova E. L. [Transformation of Language in the Internet Communication Space]. In: *Manuskript* [Manuscript], 2017, no. 2 (76), pp. 128–130.

8. Lapko A. V. [Effective Methods of Submission of Content]. In: *Literatura i zhurnalistika stran Aziatsko-Tihookeanskogo regiona v mezhkul'turnoj kommunikacii XX–XXI vv: materialy V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Khabarovsk, 18–19 noyabrya 2020 g.* [Literature and Journalism of the Countries of the Asia-Pacific Region in Intercultural Communication of the 20–21st centuries: Materials of the V International Scientific and Practical Conference, Khabarovsk, November 18–19, 2020]. Khabarovsk, Pacific State University Publ., 2021, pp. 308–313.
9. Lutovinova O. V. *Lingvokul'turologicheskie harakteristiki virtual'nogo diskursa* [Linguistic and Cultural Characteristics of Virtual Discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2009. 476 p.
10. Orekhova E. N. *Subktivnaya modal'nost' vyskazyvaniya: forma, semantika, funkcii* [Subjective Modality of Utterance: Form, Semantics, Functions]. Moscow, Moscow State Regional University Publ., 2011. 296 p.
11. Simashko T. V., Ledenyova V. V. [The Meaning of the Concept “Liberalism” in Modern Russian Society]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of Moscow Region State University], 2020, no. 2, pp. 298–316.
12. Tuleneva V. N., Shusharina I. A. [Internet-language: profile, characteristic features and effect on Speech]. In: *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kurgan State University], 2018, no. 1 (48), pp. 20–25.
13. Chernikova N. V. *Leksiko-semanticheskaya aktualizaciya kak sredstvo otrazheniya izmenenij v ruskoj konceptsfere (1985–2008 gg.)* [Lexico-Semantic Actualization as a Means of Reflecting Changes in the Russian Concept Sphere (1985–2008)]. Moscow, Moscow Region State University Publ., Michurinsk, BiS Publ., 2008. 395 p.
14. Chernikova N. V., Rasskazov N. Yu., Orlova I. A. [Linguomental Category of Relevance and Lexical Means of Its Representation]. In: *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva* [I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin], 2021, no. 1 (110), pp. 89–96.
15. Scherban G. E. [The Particle “Even” in the Creative Process of Expressive Repetitions]. In: *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Current Problems of Philology and Pedagogical Linguistics], 2011, no. 13, pp. 306–309.
16. Du X. Public Opinion Matters: Mining Social Media Text for Environmental Management. In: *ACM SIGWEB Newsletter*, 2020, Autumn, pp. 1–15.
17. Gao D., Bazanova A. E. The Main Lexical Features of the Newspaper-Journalistic Style in Modern Chinese Media Texts. In: *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2021, vol. 26, no. 2, pp. 256–261.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Прокопова Дарья Викторовна – аспирант кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Государственного университета просвещения, младший редактор издательства «Национальное образование»;
e-mail: dariprok@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Daria V. Prokopova – Postgraduate Student, Department of Modern Russian Language named after Professor P. A. Lekant, State University of Education, Junior Editor, Publishing House “National Education”;
e-mail: dariprok@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Прокопова Д. В. Актуалема «Иркутск» в языке электронных текстов 2019 и 2020 гг. // Отечественная филология. 2023. № 5. С. 115–123.
DOI: 10.18384/2949-5008-2023-5-115-123

FOR CITATION

Prokopova D. V. “Irkutsk” Aktualema in the Language of Electronic Texts in 2019–2020. In: *Russian Studies in Philology*, 2023, no. 5, pp. 115–123.
DOI: 10.18384/2949-5008-2023-5-115-123

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2023-5-124-131

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ РОЛЬ СРЕДСТВ КОММУНИКАТИВНОГО УРОВНЯ ЯЗЫКА ПРИ СОЗДАНИИ ИЗОЛИРОВАННОГО КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА (НА МАТЕРИАЛЕ ЭСТРАДНОГО МОНОЛОГА МИХАИЛА ЕВДОКИМОВА «ЛЕС»)

Хуринова В. Ю.

*Военный учебно-научный центр Сухопутных войск «Общевойсковая академия Вооружённых сил Российской Федерации»
119121, г. Москва, пр-д Девичьего Поля, д. 4, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Исследование функциональной роли средств коммуникативного уровня русского языка при создании изолированного комического эффекта в звучащем эстрадном тексте.

Процедура и методы. При проведении исследования применены метод слухового анализа, метод семантического анализа коммуникативных средств звучащего языка, а также общенаучные методы наблюдения, обобщения и интерпретации результатов.

Результаты. Средства коммуникативного уровня участвуют в создании комического эффекта наравне со средствами номинативного уровня, вступая с ними в отношения конъюнкции, инверсии или дизъюнкции. При создании изолированного комического эффекта коммуникативные средства выполняют репризообразующую функцию.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в изучение средств коммуникативного уровня русского языка, а также расширяют знания о механизмах формирования комического.

Ключевые слова: интонация, комическое, коммуникативный уровень языка, юмор

THE FUNCTIONAL ROLE OF THE MEANS OF THE COMMUNICATIVE LEVEL OF LANGUAGE IN THE CREATION OF AN ISOLATED COMIC EFFECT (BASED ON THE MATERIAL OF MIKHAIL EVDOKIMOV'S STAGE MONOLOGUE "FOREST")

V. Khurinova

*Military Educational Research Centre of Ground Forces "Combined Arms Military Academy of Armed Forces of the Russian Federation"
prosp. Devichy Pole 4, Moscow 119121, Russian Federation*

Abstract

Aim. To study the functional role of the means of the communicative level of the Russian language in creating an isolated comic effect in a sounding stage monologue.

Methodology. The main methods of research are the method of auditory analysis, method of semantic analysis of the communicative means of the sounding language, observation, generalization and interpretation of results.

Results. The means of the communicative level participate in creating a comic effect on a par with the means of the nominative level, entering into relations of conjunction, inversion or disjunction with them. When creating an isolated comic effect, communicative means perform a reprising function.

Research implications. The results of the study contribute to the study of the means of the communicative level of the Russian language, as well as expand the knowledge about the mechanisms of the comic effect formation.

Keywords: intonation, comic, communicative level of language, humor

Введение

В современной лингвистике категория комического активно изучается с позиций прагматики, когнитивной лингвистики, теории дискурса. Исследователи едины во мнении, что кажущиеся лёгкость и несерьёзность юмористического дискурса отражают глобальность процессов, происходящих в обществе, а следовательно, этот вопрос актуален для науки. Уже подробно описаны средства и приёмы создания комического, рассмотрены характеристики остроумной коммуникативной личности в разных типах комического дискурса, уделено внимание гендерному аспекту [2; 13; 14]. Однако все существующие работы посвящены анализу роли номинативного уровня русского языка при создании комического. В отличие от номинативного уровня, который передаёт информацию о действительности, преломлённой в языковом сознании говорящего, функция средств коммуникативного уровня языка при создании комического не была исследована, т. к. до недавнего времени была неясна их семантика. Разрешение указанного противоречия является целью данного исследования, т. к. анализ коммуникативной семантики позволяет ввести «новый аспект изучения ... комического с учётом ранее не анализировавшегося семантического пласта» [4, с. 21].

Изучение коммуникативного уровня языка

Начало коммуникативного анализа звучащей речи связано с именем Е. А. Брызгуновой, которая предложила учитывать взаимодействие средств разных уровней языка (лексики, синтаксиса, интонации и смысловых связей предложений) при анализе звучащей речи [8]. Развивая идеи Е. А. Брызгуновой на семантическом уровне, М. Г. Безяева выявила в языке особую систему коммуникативного уровня, характеризующуюся своим набором средств и собственной семантикой [3]. Коммуникативный уровень определяет

ся через позицию говорящего, позицию слушающего и ситуацию. Организующей единицей коммуникативного уровня является понятие целеустановки. Под целеустановкой понимается тип языкового воздействия говорящего на слушающего, говорящего на говорящего (самого себя), говорящего на ситуацию или фиксация типа воздействия слушающего или ситуации на говорящего [4, с. 20]. Каждой целеустановке соответствует вариативный ряд конструкций. Конструкция имеет свои коммуникативные параметры, которые выявляются при сопоставлении с другими конструкциями. Такой подход называют парадигматическим. Например, целеустановка приказа может реализовываться в таких конструкциях, как *инфинитив + ИК-2* (Молча²ть!), *императив + ИК-2* (Ешь!), *форма глагола каузируемого действия совершенного вида в прошедшем времени + ИК-2* (На²чали!), *безглагольные конструкции + ИК-2* (Ого²нь!) и т. д.

Помимо парадигматического подхода, привлекаются и методы синтагматики, которые выявляют инвариантные средства коммуникативного уровня.

Инвариант и его реализация – это набор параметров, которые каждый раз по-разному раскрываются в конструкциях в зависимости от соседствующих значений. Инвариантные параметры подчиняются алгоритму развёртывания: антонимическое развёртывание параметров; развёртывание параметров относительно позиции говорящего, слушающего или ситуации, либо распределение между ними; развёртывание параметров относительно времени (прошлое, настоящее, будущее) и реальности – нереальности [3, с. 21]. Так, средство *ну* обладает инвариантным параметром *ожидаемого*, который по алгоритму развёртывания может реализовываться как соответствие – несоответствие ожидаемому. Приведём примеры: 1) несоответствие ожиданиям говорящего (– Я забыл па²спорт. / – Ну ты даё²шь!); 2) соответствие ожиданиям говорящего (– Я сда² экзамен! / – Ну ещё² бы!); 3) несоответствие

ожиданиям слушающего (– *Извини³шься?* / – *Ну вот ещё!*); 4) соответствие ожиданиям слушающего (– *Устал?* / – *Ну да!*); 5) несоответствие ожидаемому развитию ситуации (– *Лекцию отмени⁴ли.* / *Ну вот!*); 6) соответствие ожидаемому развитию ситуации (*Лекцию отмени⁴ли, / ну мы и пошли домо⁵й*). При этом особенностью коммуникативного уровня является то, что две семантические реализации одного инварианта могут одновременно реализоваться в одной конструкции, т. е. возникают каскады значений, конкретные реализации инвариантов в конструкции. Например, средство *ну* в ответной реплике (– *Ты занят?* / – *Ну!*) имеет две реализации: соответствие ожиданиям слушателя, предположившего, что собеседник занят, и несоответствие ожиданиям говорящего, который ждёт пояснений, почему слушатель задал этот вопрос.

Исследования последних лет, выполненные в русле семантического анализа коммуникативного уровня языка на материале кинодиалогов [9; 10; 11; 12; 15], показали, что все составляющие этой системы (целеустановка, конструкция, ввод того или иного средства, использование той или иной реализации) выполняют разнообразные эстетические функции.

Коммуникативные средства в эстрадном монологе

В качестве материала для анализа был выбран жанр эстрадного монолога, в частности, в работе используются отрывки из выступления Михаила Евдокимова «Лес». Эстрадный монолог интересен для анализа, так как входит в ядро юмористического дискурса, все участники данного жанра разделяют установку на осознанную несерьёзную коммуникацию. Монолог обладает целостностью, завершённостью при ограниченных временных рамках, в нём отсутствует влияние партнёра (как в диалоге), что способствует чистоте исследования функциональной роли коммуникативных средств при создании комического эффекта.

Комический эффект распределяется в классическом эстрадном монологе согласно темпо-ритмической структуре номера: есть кульминации – «взрывы смеха» и есть передышки для зрителей между этими кульминациями [1, с. 62]. В этой связи целесообразно выделить две разновидности комического эффекта в эстрадном монологе: изолированный и связанный. Изолированный комический эффект возникает в репризах – наиболее смешных моментах в монологе, выраженных словесно. Репризу можно относительно легко изъять из текста, и она сохранит свой комический потенциал. Связанный комический эффект распределён между репризами, его сложно изъять из текста без потери смысла, зачастую он вызывает лишь улыбку, а не хохот в зале¹.

Выделенные разновидности комического эффекта, как показало исследование, влияют на употребление актёром коммуникативных средств. Сопоставляя три варианта прочтения монолога «Лес» в исполнении Михаила Евдокимова, мы пришли к выводу, что при формировании изолированного комического эффекта актёр старается сохранять базовые коммуникативные средства во всех прочтениях.

Коммуникативные средства и изолированный комический эффект

Рассмотрим примеры² реприз, после которых следуют «взрывы» смеха.

Пример 1 [«Лес»-1]. Ты заку²сывай. / Заку²сывай, / а то по³мр³ёшь – / по³хо³рони³ть некому, / все на та³нцах. // Шутю², конечно. / Похоро³ним, / *ч⁴там.* / ↓ Не ты¹ первый.

¹ Исследование особенностей функционирования коммуникативных средств при создании связанного комического эффекта не является предметом настоящей работы.

² В исследовании применяется метод слухового анализа, результаты которого отражаются в виде усложнённой интонационной транскрипции, базирующейся на системе интонационных средств, выделенных в работах Е. А. Брыгуновой [7, с. 91–120].

В первой части репризы (до паузы) средства¹ коммуникативного уровня (императив *закусывай*, *а, то*, ИК-2, ИК-3, инфинитив *похоронить*) формируют целеустановку совета-предостережения. Дед предупреждает Мишу, что тот своими действиями (не закусывает) может каузировать для себя небенефактивную ситуацию (помереть), при этом дед хочет каузировать выполнение необходимых действий слушающим (закусывать), воздействуя на его позицию (императив, ИК-2). *А* – ввод Миши в потенциальную ситуацию (помереть); *-то* – представления говорящего о возможном небенефактивном развитии ситуации (помереть), каузация того, чтобы она реализовалась в бенефактивном русле; ИК-3 – ориентация слушающего говорящим на норму деревенского социума. Инфинитив (похоронить) раскрывается антонимически по параметру соответствия / несоответствия норме, а также по позиции говорящего (деда) и слушающего (не только Мишки, но и зрителей). Прежде всего, развёртывание происходит по позиции слушающего как представителя города: ситуация (некому похоронить) не соответствует норме, в связи с чем у слушающего подсознательно возникает недоумение о причине такого несоответствия (почему в деревне нет людей, чтобы похоронить человека?). Вместе с тем эта же коммуникативная единица разворачивается и по позиции говорящего – представителя деревни – данная ситуация (некому похоронить) соответствует деревенской норме. Последующая синтагма (все на танцах) произносится с ИК-3 (параметр ориентации) и ориентирует слушающего на деревенскую норму, известную деду (когда в деревне устраивают танцы, то ничего важнее быть не может). Возникает комический эффект на основе совмещения (конъюнкции) коммуникативного значения со-

вета-предостережения и номинативного объяснения необходимости следовать этому совету (все на танцах). Это первая смеховая точка репризы. После паузы коммуникативная конструкция *чѐ там* выражает целеустановку успокаивания (*что чѐ*) – ситуация не нарушает норму, *там* – дистанцированность, незатронутость интересов говорящего, ИК-1 – нейтральный ввод информации о варианте развития событий). Говорящий оценивает ситуацию (похороны собеседника) как несущественную и не нарушающую норму развития ситуации. Таким образом, возникает комический контраст (инверсия) коммуникативного значения (успокаивание) и номинативного содержания (потенциально возможная смерть гостя от алкогольного отравления). Заключительная синтагма, произнесённая с понижением фонетического регистра (информация, которая не предназначена для ушей Мишки, но одновременно нацеленная на зрителей в зале), пролонгирует комический эффект данной репризы.

А теперь сравним, как звучит эта же реприза в других вариантах прочтениях.

Пример 1 [«Лес»-2]. Ты закусывай. / Заку^{↑2}сывай, / а то померёшь – / похорони^{↑2}ть некому, / все на танцах. // Шутю², конечно. / Похоро²ним, / *чѐ там*.

Пример 1 [«Лес»-3]. А ты аккуратней, / а то померёшь – / похорони^{↑2}ть некому, / все на танцах. // Шутю² опять. / Похоро^{↑3}ним, конечно, / *чѐ там*. / ↓ Не ты¹ первый зашёл.

Как видно из примеров, коммуникативные средства ИК-2, *а, то*, ИК-3, инфинитив, коммуникативное *чѐ там* сохраняются во всех трёх прочтениях, так как выполняют *репризообразующую функцию*.

Если актёр всё же производит меню базового коммуникативного средства, выполняющего репризообразующую функцию, то комический эффект снижается. Рассмотрим на примере репризы, в которой дед жалуется Мишке на инопланетян, которые мешают ему сходить за хлебом.

¹ Семантические инвариантные параметры коммуникативных средств, используемые в данной работе, сформулированы М. Г. Безяевой в её трудах (см. список литературы), а также в курсах лекций, прочитанных ею на филологическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова в 2006–2015 гг.

Пример 2 [«Лес»-1]. Лета²ют / туды²-сюды, / туды³-сюды, туды-... / Я *правда* не видал¹ ни разу.

Пример 2 [«Лес»-2]. ↑И лета²ют, и лета²ют тут, / они лета²ют и лета²ют... / Я-*то* не видал¹, / врать не буду².

Пример 2 [«Лес»-3]. Они же через дорогу планетяны / туда²-сюда, / туда³-сюда, туда... / Я *правда* ни разу не видал.

Выделим репризообразующие коммуникативные средства, сохранённые артистом: лексический повтор, *правда*.

Повтор лексем (*туды-сюды, летают и летают*) – досада говорящего [6, с. 104] на надоевших ему пришельцев. По контрасту с этим коммуникативное *правда* вводит сосуществование идей бенефактивности и небенефактивности [5, с. 38] и указывает, что в действительности говорящий никогда не встречался с инопланетянами (констатация нереализованности ситуации в действительности с учётом позиции слушающего), что бенефактивно для него, однако небенефактивно для слушающего, т. к. дед не является непосредственным очевидцем встречи с пришельцами (целустановка пояснения-признания). Таким образом, комический эффект достигается за счёт работы коммуникативных средств, усиливающих комизм (конъюнкция), заложенный на номинативном уровне (дед уверяет Мишку в правдивости сведений, жалуется и досадует на надоевших ему пришельцев), в последней синтагме появляется контраст за счёт введения уточняющей информации, которая сводит к нулю предыдущие целустановки (инверсия).

Однако во втором варианте прочтения «Лес-2» артист заменил *правда* на средство *то* (Я-*то* не видал), которое обладает параметром несоответствия реализованной ситуации (заданный, но не озвученный на сцене вопрос Мишки, видел ли дед инопланетян своими глазами) интересам говорящего (дед хотел удивить собеседника своим рассказом). Формируется целустановка уступки: дед под напором Мишки вынужден признать, что не встречал пришельцев. Если сравнить комический потенциал сред-

ства *правда* и средства *-то* в данной репризе, то предпочтение сам актёр, как видно по примерам монологов «Лес-1» и «Лес-3», всё же отдавал первому. Дело в том, что средство *правда* показывает, что признание у деда вырывается как бы мимоходом, случайно, причём он не придаёт этому факту большого значения (признался и спокойно продолжил дальше развивать тему инопланетного нашествия на деревню). В то время как средство *-то* показывает, что дед вынужденно идёт Мише на уступки, оправдывается, отвечая на его вопрос, что заметно снижает комический потенциал репризы.

Правильная работа средствами коммуникативного уровня позволяет избежать грубого содержания (дизъюнкция коммуникативного и номинативного содержания). Рассмотрим на примере репризы, в которой дед рассказывает, как деревенский подвыпивший житель Серёга принял полицейскую машину за летающую тарелку. Ответные действия полиции прописаны на номинативном уровне очень скромно, актёр не проговаривает ненужных деталей.

Пример 3 [«Лес»-1]. И шупальца¹ми так его отходи³⁽⁶⁾ ли. / Он домо³й, / сыно², / спиной вперёд³ шёл, / чтоб ребя²тёшек не напужать.

Коммуникативное *и* – в соответствии с предполагаемым (апелляция к предположениям не только слушателя Мишки, основанным на аналогичной ситуации, но и зрителей как членов одного национального социума), *так* указывает, что действия полицейских нарушают норму, из чего проистекают сверхбенефактивные последствия для Серёги. ИК-3(6) – ориентирование зрителей на норму в ситуации (зрители как члены национального социума понимают, как работает полиция в такой ситуации) и привлечение их внимания к неназванной за кадром информации. Таким образом, коммуникативные средства работают с воображением зрителей, которые могут сами представить реакцию полиции и последствия, поэтому нет необходимости прописывать грубые детали.

Рассмотрим данную репризу в других прочтениях:

Пример 3 [«Лес»-2]. И **так** его щупальцами своими отходили. / Миша. / Он же домой-то спиной вперёд шёл, / чтоб не напужать никого.

Пример 3 [«Лес»-3]. И **так** его отходили своими щупальцами. / Он домой спиной вперёд шёл-о́л, / чтоб не напужать ребёнкашек.

Из сопоставления видно, что артист сохраняет репризообразующие коммуникативные средства: *и, так*, – варьируя при этом интонационное оформление данной синтагмы. ИК-3, ИК-6 и комбинированная ИК-3(6). ИК-3 – ориентация зрителей на норму в данной ситуации. ИК-6 – привлечение внимания зрителей к неназванной за кадровой информации.

Заключение

Коммуникативные средства активно участвуют в создании изолированного комического эффекта, выполняя репризообразующую функцию. Актёр как элитарная языковая личность чувствует их значимость, поэтому старается сохранить в разных прочтениях.

Кроме того, из рассмотренных примеров видно, что средства коммуникатив-

ного уровня тесно взаимодействуют с номинативным содержанием. Однако такое взаимодействие может приобретать разные формы:

1) коммуникативные средства поддерживают и усиливают комизм, заложенный на номинативном уровне (конъюнкция коммуникативного и номинативного уровней);

2) коммуникативные средства самостоятельно создают комический эффект при минимальной опоре на номинативное содержание (сюда же включаем случай контраста коммуникативного и номинативного содержаний) (инверсия коммуникативного и номинативного уровней);

3) коммуникативные средства нивелируют или превосходят неудачное, зачастую грубое номинативное содержание, выраженное или подразумевающееся (дизъюнкция).

Изучение функционирования коммуникативных средств не только важно в теоретическом плане, но может быть полезно в практике преподавания русского языка. В частности, результаты исследования могут применяться на практических занятиях с иностранцами, изучающими русский язык на продвинутом уровне, а также со студентами театральных вузов.

Статья поступила в редакцию 22.03.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданов И. А., Виноградский И. А. Драматургия эстрадного представления. СПб.: Академия театрального искусства, 2009. 385 с.
2. Войткова А. Н. Остроумная коммуникативная личность в комическом дискурсе: гендерный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2011. 20 с.
3. Безяева М. Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М.: Московский университет, 2002. 752 с.
4. Безяева М. Г. О специфике коммуникативной интерпретации текста (на материале соотношения письменной основы и звучащего варианта) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2013. № 2. С. 19–36.
5. Безяева М. Г. Слово правда как средство коммуникативного уровня русского языка [Электронный ресурс] // Stephanos. Сетевое издание. Рецензируемый мультиязычный журнал. 2015. № 6 (14). URL: <http://www.stephanos.ru/index.php?cizd=33> (дата обращения: 10.02.2023).
6. Безяева М. Г. Русский повтор как средство коммуникативного уровня языка (материалы к словарю коммуникативных средств) [Электронный ресурс] // Stephanos. Сетевое издание. Рецензируемый мультиязычный журнал. 2016. № 6 (20). URL: <http://www.stephanos.ru/index.php?cizd=39> (дата обращения: 10.02.2023).
7. Брызгунова Е. А. Интонация // Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение.

- Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1980. С. 96–120.
8. Брызгунова Е. А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. М.: Московский университет, 1984. 116 с.
 9. Коростелева А. А. Смена нормы социума как основа коммуникативной композиции фильма (на материале к/ф «Соловей-разбойник») [Электронный ресурс] // Stephanos. Сетевое издание. Рецензируемый мультиязычный журнал. 2021. № 2 (46). URL: <http://www.stephanos.ru/index.php?cizd=65> (дата обращения: 10.02.2023).
 10. Коростелева А. А. Эстетическая функция русских коммуникативных средств в условиях суженной вариативности (на материале мюзикла «Бал вампиров») // Stephanos. Сетевое издание. Рецензируемый мультиязычный журнал. 2020. № 3 (47). URL: <http://www.stephanos.ru/index.php?cizd=66> (дата обращения: 10.02.2023).
 11. Коростелева А. А. Феномен «тёмного двойника» в кино: коммуникативные стратегии персонажей [Электронный ресурс] // Stephanos. Сетевое издание. Рецензируемый мультиязычный журнал. 2021. № 1. URL: <http://www.stephanos.ru/index.php?cizd=64> (дата обращения: 10.02.2023).
 12. Коростелева А. А. Репликация модели коммуникативного поведения как средство создания образа (Л. И. Лемке в к/ф «Город мастеров») // Stephanos. Сетевое издание. Рецензируемый мультиязычный журнал. 2018. № 6 (32). URL: <http://www.stephanos.ru/index.php?cizd=51> (дата обращения: 10.02.2023).
 13. Саркисян О. Н. Гендерные особенности языковой репрезентации комического: на материале американских развлекательных ток-шоу “The Daily Show with Jon Stewart” и “Chelsea Lately”: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2014. 22 с.
 14. Хохонин Д. Е., Анисимова А. Языковые средства создания комического эффекта в современной русской стендап-комедии // Книга в современном мире: проблемы рецепции: материалы международной научной конференции, Воронеж, 27 февраля – 01 марта 2018 г. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2018. С. 288–293.
 15. Чалова О. В. Семантика коммуникативного уровня русского языка в звучащих реализациях литературного текста (сравнение экранизаций романа Ф. М. Достоевского «Идиот» 1958 г. и 2003 г.) // Слово. Грамматика. Речь: сборник научно-методических статей по преподаванию РКИ. Вып. XXI. М.: МАКС Пресс, 2021. С. 270–305.

REFERENCES

1. Bogdanov I. A., Vinogradsky I. A. *Dramaturgiya estradnogo predstavleniya* [Dramaturgy of Variety Performance]. St. Petersburg, Akademiya teatral'nogo iskusstva Publ., 2009. 385 p.
2. Voitkova A. N. *Ostroumnaya kommunikativnaya lichnost' v komicheskom diskurse: gendernyj aspekt: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Witty Communicative Personality in Comic Discourse: Gender Aspect: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Irkutsk, 2011. 20 p.
3. Bezyaeva M. G. *Semantika kommunikativnogo urovnya zvuchashchego yazyka* [Semantics of the Communicative Level of the Sounding Language]. Moscow, Moscow University Publ., 2002. 752 p.
4. Beziayeva M. G. [On Specifics of Communicative Interpretation of the Text (based on the materials demonstrating correlation between the written and spoken versions)]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serya 9: Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9: Philology], 2013, no. 2, pp. 19–36.
5. Bezyaeva M. G. [The Word ‘Pravda’ as a Unit of Communicative Level of Russian Language]. In: *Stephanos. Setevoe izdanie. Recenziruemyj mul'tiyazychnyj zhurnal* [Stephanos. Online Publication. Peer-Reviewed Multilanguage Scientific Journal], 2015, no. 6 (14). Available at: <http://www.stephanos.ru/index.php?cizd=33> (accessed: 10.02.2023).
6. Bezyaeva M. G. [Repetitions of Words in Russian as a Communicative Means (Materials for the Communicative Means Dictionary)]. In: *Stephanos. Setevoe izdanie. Recenziruemyj mul'tiyazychnyj zhurnal* [Stephanos. Online Publication. Peer-Reviewed Multilanguage Scientific Journal], 2016, no. 6 (20). Available at: <http://www.stephanos.ru/index.php?cizd=39> (accessed: 10.02.2023).
7. Bryzgunova E. A. [Intonation]. In: *Russkaya grammatika. T. 1: Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonaciya. Slovoobrazovanie. Morfologiya* [Russian Grammar. Vol. 1: Phonetics. Phonology. Emphasis. Intonation. Word formation. Morphology]. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 96–120.
8. Bryzgunova E. A. *Emocional'no-stilisticheskie razlichiya russkoj zvuchashchej rechi* [Emotional and Stylistic Differences in Russian Sounding Speech]. Moscow, Moscow University Publ., 1984. 116 p.
9. Korosteleva A. A. [Changing the Norm of Socium – the Basis of the Communicative Composition of

- the Film (based on the movie “Nightingale the Robber”). In: *Stephanos. Setevoe izdanie. Recenziruemyj mul'tiyazychnyj zhurnal* [Stephanos. Online Publication. Peer-Reviewed Multilanguage Scientific Journal], 2021, no. 2 (46). Available at: <http://www.stephanos.ru/index.php?cizd=65> (accessed: 10.02.2023).
10. Korosteleva A. A. [The Aesthetic Function of Russian Communicative Means in Conditions of Reduced Variability (based on the material of the musical “Dance of the Vampires”). In: *Stephanos. Setevoe izdanie. Recenziruemyj mul'tiyazychnyj zhurnal* [Stephanos. Online Publication. Peer-Reviewed Multilanguage Scientific Journal], 2021, no. 3 (47). Available at: <http://www.stephanos.ru/index.php?cizd=66> (accessed: 10.02.2023).
 11. Korosteleva A. A. [The Doppelgänger Phenomenon in the Cinema: The Characters' Communicative Strategies]. In: *Stephanos. Setevoe izdanie. Recenziruemyj mul'tiyazychnyj zhurnal* [Stephanos. Online Publication. Peer-Reviewed Multilanguage Scientific Journal], 2020, no. 1. Available at: <http://www.stephanos.ru/index.php?cizd=64> (accessed: 10.02.2023).
 12. Korosteleva A. A. [Replication of a Communicative Behavior Model as Means of the Character's Creation (Lev Lemke in “The City of Craftsmen”, 1965)]. In: *Stephanos. Setevoe izdanie. Recenziruemyj mul'tiyazychnyj zhurnal* [Stephanos. Online Publication. Peer-Reviewed Multilanguage Scientific Journal], 2018, no. 6 (32). Available at: <http://www.stephanos.ru/index.php?cizd=51> (accessed: 10.02.2023).
 13. Sarkisyan O. N. *Gendernye osobennosti yazykovoj reprezentacii komicheskogo: na materiale amerikanskih razvlekatel'nyh tok-show “The Daily Show with Jon Stewart” i “Chelsea Lately”: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Gender Features of the Linguistic Representation of the Comic: based on the Material of the American Entertainment Talk Shows “The Daily Show with Jon Stewart” and “Chelsea Lately”: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Pyatigorsk, 2014. 22 p.
 14. Khokhonin D. E., Anisimova A. [Linguistic Means of Creating a Comic Effect in Modern Russian Stand-Up Comedy]. In: *Kniga v sovremennom mire: problemy recepcii: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Voronezh, 27 fevralya – 01 marta 2018 g.* [Book in the Modern World: Problems of Reception: Materials of the International Scientific Conference, Voronezh, February 27 – March 01, 2018]. Voronezh, Voronezhsky State Pedagogical University Publ., 2018, pp. 288–293.
 15. Chalova O. V. [Semantics of the Communicative Level of the Russian Language in the Sounding Implementations of a Literary Text (Comparison of Film Adaptations of F. M. Dostoevsky's Novel “The Idiot” of 1958 and 2003)]. In: *Slovo. Grammatika. Rech': sbornik nauchno-metodicheskikh statej po prepodavaniju RKL. Vyp. XXI* [Slovo. Grammar. Speech: A Collection of Scientific and Methodological Articles on Teaching RFL. Vol. XXI]. Moscow, MAKS Press Publ., 2021, pp. 270–305.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хуринова Вера Юрьевна – преподаватель кафедры русского языка в Военном учебно-научном центре Сухопутных войск «Общевойсковая ордена Жукова Академия Вооружённых сил Российской Федерации»;
e-mail: khurinovavera@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vera Yu. Khurinova – Lecturer, Russian Language Department at the MERC GF “CAMA AFRF”;
e-mail: khurinovavera@gmail.com.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Хуринова В. Ю. Функциональная роль средств коммуникативного уровня языка при создании изолированного комического эффекта (на материале эстрадного монолога Михаила Евдокимова «Лес») // Отечественная филология. 2023. № 5. С. 124–131.
DOI: 10.18384/2949-5008-2023-5-124-131

FOR CITATION

Khurinova V. Yu. The Functional Role of the Means of the Communicative Level of Language in the Creation of an Isolated Comic Effect (Based on the Material of Mikhail Evdokimov's Stage Monologue “Forest”). In: *Russian Studies in Philology*, 2023, no. 5, pp. 124–131.
DOI: 10.18384/2949-5008-2023-5-124-131

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2023-5-132-140

ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ СЛОВЕСНОГО ПОРТРЕТА В РАННЕЙ ПРОЗЕ А. ГРИНА

Чжан Жуй

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить художественную специфику поэтики словесного портрета в рассказах А. Грина 1900-х–1910-х гг.

Процедура и методы. Прослежена эволюция описания внешнего портрета в ранней прозе Грина от общих социальных характеристик к индивидуальным психологическим; внимание сконцентрировано на динамических свойствах портретов, отражающих сиюминутные изменения в состоянии человека. Используются герменевтический и описательный подходы.

Результаты. Сделан вывод о том, что уже в раннем творчестве Грин заявил о себе как о мастере вербального портрета. Для выразительности портрета использованы многообразие лексики, тропы, колористические и фонологические средства; в текстах применены принципы зеркальности как инструмента самопознания и самоанализа героя; для психологизации портрета продуктивно субъективное восприятие героем себя и окружающей действительности; в дальнейшем развитии событий активен априорный портрет.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в лекционных курсах по истории русской литературы XX в., в специальных курсах по творчеству Грина.

Ключевые слова: априорность, зеркальность, колористика, лексика, словесный портрет, субъективное впечатление

PRINCIPLES OF CREATING THE VERBAL PORTRAIT IN A. GREEN'S EARLY PROSE

Zhang Rui

*Lomonosov Moscow State University
119991, Leninskie gori 1, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify the artistic specificity of the verbal portrait poetics in A. Green's stories from 1900 to 1910.

Methodology. The evolution of verbal portrait in Green's early prose is traced: from the general social characteristics to the individual psychological ones, the attention is particularly focused on the dynamic properties of portraits, reflecting momentary changes in a person's condition. The research relies on descriptive and hermeneutical methods.

Results. It is concluded that Green already declared himself as a master of verbal portrait in his early work. A variety of vocabulary, tropes, coloristic and phonological means were used for the expressiveness of the portrait; the principles of mirroring are used as a tool for self-knowledge and self-analysis of the character; subjective contemplation and perception are productive in increasing the level of psychologization; the functionality of the a priori portrait in the further development of events is also active.

Research implications. The results of the research can be used in lectures on the history of Russian literature of the 20th century and in special courses on Green's work.

Keywords: apriority, the principle of mirroring, coloristics, vocabulary, verbal portrait, subjective impression

Введение

В художественной литературе словесный портрет выступает как неотъемлемый компонент в изображении героя, включающий черты лица, мимику, фигуру (тело), одежду. Во-первых, через статический и динамический портреты, композицию портретных деталей изображается типичное и индивидуальное во внешности героя, передаётся его социальный и культурный статус. Во-вторых, портрет, являясь элементом композиции текста, соотносён с пространством, временем действия, диалогами, обстановкой, сюжетом (в том числе перспективой, ретроспективой [2]). Таким образом, «функции словесного портрета», как и «функции описания самого языка» [14, с. 59], формируют единый лексико-семантический сегмент текста, создаваемый образными средствами по выбору писателя и характеризующий его индивидуальный стиль.

В отличие от распространённых в «интеллектуальной атмосфере 1900–1920-х гг.» представлений об исключительном человеке, например описанном в поэме М. Горького «Человек» (1903), или о человеке, мировоззренчески блуждающем между Денницей (Люцифером) и Богом, как это показал Вяч. Иванов в поэме «Человек» (1919) [12, с. 139], в прозе Грина человек не является неким абстрактным феноменом («чудом») и выразителем философом [4, с. 96], но он изображён во всей конкретике, узнаваемости и с «обнажённой душой» [3, с. 147]. В образной системе его прозы портрет не доминирует, но является первичным средством художественной психологизации с её акцентами на индивидуально-типологические, профессиональные,

гендерные, возрастные, культурные и прочие свойства героя. Кроме того, портретные детали семантически предельно актуализированы, поскольку служат прямым выражением отношения Грина к персонажу.

Общая характеристика словесного портрета в рассказах Грина 1900-х–1910-х гг.

Эволюция мировоззрения А. Грина соотносится, как справедливо полагает В. Ковский, с «принципами решения проблемы “герой и общество”» и «приёмами обрисовки характера» [6, с. 104]. В ранних произведениях Грина выделяют портреты, близкие к «реалистическому письму» и романтическому [11, с. 6]. Причём от рассказа к рассказу стремительно накапливается образительный инструментарий, Грин широко использует повествовательный опыт и реалистов, и романтиков, создаёт портреты и социального, и экзистенциального смысла.

К реалистическим рассказам относятся «Слон и Моська» (1906), «Марат» (1907), «Апельсины» (1908), «Кирпич и музыка» (1907), «Рука» (1908), «Горбун» (1908), «Ерошка» (1908) «Трюм и палуба» (1908) «Капитан» (1908) и др. В них актуализированы социальные характеристики портретов, в которых узнаваемы и «типичные горожане, сугубые горожане»¹ своего времени, в том числе, революционеры, мещане, интеллигенты, солдаты, крестьяне, моряки. Вместе с тем портреты героев Грина не только маркированы социальной общностью, взаимовлиянием человека и окру-

¹ Ревякина А. Примечания // Грин А. С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1 / сост. В. Россельса. М.: Художественная литература, 1991. С. 685.

жающей среды; в самых ранних рассказах писатель проявил себя мастером индивидуального портрета. В изображении характера героя продуктивны отдельные портретные детали, впоследствии играющие доминирующую роль в нарративной манере Грина. Показателен маленький рассказ 1907 г. «Ерошка»: уже в первом абзаце описан субстанциальный портрет, в котором отмечен и ряд внешних деталей Ерошки (он «в длинной рубаше без пояса», «вихры рыжих волос, смешно торчавших из-под маленького, приплюснутого картуза», одутловатое, веснушчатое лицо», глаза «голубые», «бородка белесоватая»), и его черты характера («слабоумный», «лядацкий», «беспокойство», «нетерпение»¹), которые в дальнейшем подтверждены сюжетно-образующим событием.

В ранних произведениях Грина используется специфика разных типов словесного портрета. Так, для усиления акцента на доминантной черте внешности главного героя рассказа «Горбун» Грин сочетает черты «портрета-оценки» и «портрета-описания» [9, с. 122–123]. В дальнейших рассказах активен «портрет-оценка». В «Горбуне» он дан глазами наблюдателя-рассказчика. В нём использованы предикаты со значением зрительного («толстое тело») и чувственного восприятия («уродливое тело», «как огромная ночная птица»²). Далее перечислен комплекс черт облика героя (лоб, глаза, подбородок, волосы, рот, губы, усы), сопровождающийся авторской оценкой («все казалось отдельными, грубо собранными частями разных человеческих лиц»³).

В ряде ранних рассказов Грина обнаруживаются тенденция отойти от изображения устойчивого комплекса черт внешнего портрета и движение к изменчивым деталям, связанным с душевными состояниями в конкретной и единственной ситуации. Речь идёт о «портрете динамическом, переходящем в

пластику»⁴, в котором внимание Грина останавливается на свойствах характера и внутреннем мире человека (например, рассказы «Человек, который плачет» 1908 г., «Мат в три хода» 1908 г., «Воздушный корабль», «Маньяк» 1909 г. и др.). Портрет такого типа свидетельствует о «пристальном интересе к странностям и загадкам человеческой психики»⁵, впоследствии такой портрет коррелирует с магическими, необычайными, таинственными сюжетами рассказов 1910-х–1920-х гг.

В прозе конца 1900-х–начала 1910-х годов принципы создания словесного портрета изменяются, что связано с ориентацией творческой манеры Грина на романтические традиции. Портрет маркирует яркую личность в неординарных обстоятельствах («Штурман “Четырёх ветров”», 1909; «Колония Ланфиер», 1910 и др.). Свою роль играют динамичные портреты, в которых отражено «ускользающее мгновение» [5, с. 40] внутреннего мира персонажей («Она», 1908; «Дача Большого Озера» 1909 и др.).

Е. Фарино справедливо указывает на следующее отличие реалистической и романтической систем вербального портретирования: романтический подход к изображению лица предполагает отражение «экспрессии чувств (эмоций) созерцающего портрет или воспринимающего черты другого лица», тогда как реалистическому портрету свойственно последовательное «разглядывание лица», что, во-первых, придаёт ему статус «связного континуального текста» и, во-вторых, выделяет в чертах «характерологические и психологические свойства-смыслы портретируемого или воспринимаемого лица»⁶. Например, в рассказе «Пролив бурь» (1910) повторяются детали улыбки и взгляда, характеризующие неоднозначность ге-

¹ Грин А. С. Ерошка // Грин А. С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1: Рассказы 1906–1912 / сост. В. Россельса. М.: Художественная литература, 1991. С. 137.

² Там же. С. 132.

³ Там же.

⁴ Юркина Л. А. Портрет // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины / под ред. Л. В. Чернец. М.: Высшая школа: Академия, 1999. С. 303.

⁵ Ковский В. Е. Блистающий мир Александра Грина // Грин А. С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1 / сост. В. Россельса. М.: Художественная литература, 1991. С. 19.

⁶ Фарино Е. Введение в литературоведение: учебное пособие для студентов вузов. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. С. 175.

роя, изменчивость и необъяснимость его настроений; например, его нижняя челюсть как бы смеялась, а верхняя выдавала невозмутимость, глаза в какой-то момент стали твёрдыми, в какой-то – выражали сдержанное возбуждение; отмечено, что в его молодых глазах был блеск, как у охотившейся рыси. В портрете штурмана («Штурман “Четырёх ветров”») использован минимум деталей: рост ниже семи футов, волосы рыжие, на теле шрамы, чёрные глаза, красное лицо, мощные кулаки. Но они передают его темперамент и образно-эмоциональное восприятие рассказчика.

В ряде произведений портрет модифицирован в виде оживающей живописи («Пролив бурь»; «Далёкий путь», 1913; «Искатель приключений», 1915; «Клубный арап», 1918), в поздние годы –двигающейся статуи или статуэтки («Убийство в Кунст-Фише», 1922; «Бегущая по волнам», 1928). Портрет в названных произведениях соотносён с трансформацией реалистических пространственных и хроникальных параметров в модернистскую плоскость, что придаёт повествованию символично-мифологические черты и снимает границу между видением и реальностью. В повествование включаются описания людей с сильным духом, страстью к приключениям и даже с психическим расстройством, абберациями сознания, игрой подсознания, проявлением неконтролируемых инстинктов.

Средства описания и роль словесного портрета в рассказах Грина 1900-х–1910-х гг.

Начиная с 1900-х гг. Грин разнообразил средства портретирования и активизировал значимость портретов в содержании и структуре произведений.

Выразительность портретов достигается за счёт лексического многообразия. Приведём примеры из рассказа «Слон и Моська». В нём используются адвербиальные словосочетания («страшно толст», «непомерно широко»), прилагательные с единой семантикой (например, «круглый», «широкий», «шарообразный») и

соответствующее ей существительное («толстяк»¹), что привносит в описание персонажа зооморфный смысл – сходство со слоном. Сатирическая характеристика образа нового ротного выражена через антиэстетичность телосложения («Он был маленького роста, и поэтому ноги его, толстые, короткие обрубки...»; «Маленький подбородок, утонувший в толстых складках шеи ... бабье выражение»²), зооморфные сравнения (Моська испытывал чувство, как «человек при виде жабы»; «собачий затылок Миллера»³), лексические маркёры безнравственности (в «голубых глазах таилось что-то бесконечно упрямое, высокомерное и жестокое»⁴). Оценочная коннотация [1, с. 52] повторяется в лексеме «убивец!»⁵, употребляемой солдатом Моськой.

В рассказах, например в «Апельсинах», отражён ранний опыт Грина в создании портрета через как нейтральную («скромно одетая, некрасивая девушка с розовыми щеками» и т. д.), так и психологическую лексику («улыбнулась растерянно и жалко» и т. д.⁶). В рассказе «Горбун» для усиления экспрессивности активно применяется лексика с негативным смыслом («жёлтые мешочки орбит», «жидкие волосы», «большие торчащие уши», «тяжёлый угловатый горб»⁷ и т. д.), неблагозвучные аллитерации на «р», созвучные фамилии героя – Гарт: «торчащие», «рот», «саркастическими», «редкие рыжеватые», «грубо», «разные»; «грузный, уродливый, взъерошенный», «производит», «скверное», «крупные брильянты», «топорщицалась впереди, как горб»⁸ и т. д.

¹ Грин А. С. Слон и Моська // Грин А. С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1: Рассказы 1906–1912 / сост. В. Россельса. М.: Художественная литература, 1991. С. 57.

² Там же. С. 57, 58.

³ Там же. С. 60, 58.

⁴ Там же. С. 58.

⁵ Там же. С. 58, 63, 67.

⁶ Грин А. С. Апельсины // Грин А. С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1: Рассказы 1906–1912 / сост. В. Россельса. М.: Художественная литература, 1991. С. 102, 103.

⁷ Грин А. С. Горбун // Грин А. С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1: Рассказы 1906–1912 / сост. В. Россельса. М.: Художественная литература, 1991. С. 132.

⁸ Там же. С. 132, 135.

Художественно результативны для индивидуализации портретов тропы. Например, в рассказе «Штурман “Четырёх ветров”» густота волос уподоблена «июльской ржи», глаза – «двум маслинам», профессиональный цвет лица моряков – мясу («широкое, красное от ветра лицо походило на доску, на которой повар крошит мясо»); о телесной исключительности штурмана говорят гиперболизированные кулаки – «по шести фунтов каждый»¹.

Грин, конечно, использует возможности световых и цветовых характеристик портрета. Например, в «Воздушном корабле»: цвет волос был нежный «особенно в свете лампы», «лицо её, освещённое сверху вниз бронзовым канделябром»; «Три женских лица, слабо озарённые упавшими через тусклый паркет лучами зажжённого канделябра», «в безжалоостном свете раскалённой проволоки ещё жалче и бессильнее было его лицо маленькой твари»².

Цветовая гамма портрета «обладает символической и знаковой» [10, с. 119]. Например, в «Колонии Ланфиер»: «пёстрый от морщин» Ланфиер, его преломившиеся в глазах Горна «красные жилки», а также «тупой, неподвижный блеск» глаз или «выцветшие» глаза, синий «рисунки татуировки, покрывавшей всё тело», «белесоватые рубцы шрамов», «уши и лицо цвета позеленевшей бронзы»³. Колористика перечисленных деталей указывает на грубый, деградирующий образ жизни основателя колонии. Сниженные цветовые характеристики коррелируют со следующими вульгарными деталями: «рваная туля шляпы»⁴, превратившийся в верёвки грязный шарф, куртка без рука-

вов, как у волка открывающая голую грудь. Целостность портретной характеристики обеспечена авторским пояснением: «От всей этой фигуры веяло подозрительным прошлым, тёмными закоулками сердца, притонами, блеском ножей, хриплой злобой и человеческой шерстью, иногда более жуткой, чем мех тигра»⁵.

Грин прибегает к соответствию портрета и акустическому образу, например в «Воздушном корабле»: лицо «мерно колебалось в такт музыке, совсем спокойной и чужое звукам рояля»⁶ и др. Этот же приём использован в рассказе «Кирпич и музыка».

Очевиден вывод о том, что в рассказе Грина усиливалась главная функция портрета – психологизировать повествование. Так, в изображении героя «Марата», революционера Яна, черты портрета, с одной стороны, передают специфику облика («смуглое лицо», «острые цыганские скулы»), с другой – лексемы «решительное», «невозмутимо»⁷ отражают душевное состояние. При этом психологические характеристики в этом раннем рассказе лаконичны, о чём говорят приведённые ниже примеры: «Нельзя сказать, чтобы он был очень бледен. Только волосы, прилипшие на лбу под фуражкой, и тонкая жила, вздрагивающая на шее, выдавали его усталость и возбуждение»; «первое, что я увидел, – это его улыбку, сокрушённую и мягкую»; «Весь он казался лёгким, тонким и маленьким в своём новеньком, с иголки, офицерском костюме»⁸. В первой цитате запечатлены переживания героя после неудачного теракта; во втором примере через соединение в одной фразе семантически разнородных характеристик передана неоднозначность внутреннего состояния героя; в третьем зафиксировано такое свойство характера, как скрыт-

¹ Грин А. С. Штурман «Четырёх ветров» // Грин А. С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1: Рассказы 1906–1912 / сост. В. Россельса. М.: Художественная литература, 1991. С. 241.

² Грин А. С. Воздушный корабль // Грин А. С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1: Рассказы 1906–1912 / сост. В. Россельса. М.: Художественная литература, 1991. С. 209, 210, 213.

³ Грин А. С. Колония Ланфиер // Грин А. С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1: Рассказы 1906–1912 / сост. В. Россельса. М.: Художественная литература, 1991. С. 302.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Грин А. С. Воздушный корабль // Грин А. С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1: Рассказы 1906–1912 / сост. В. Россельса. М.: Художественная литература, 1991. С. 209.

⁷ Грин А. С. Марат // Грин А. С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1: Рассказы 1906–1912 / сост. В. Россельса. М.: Художественная литература, 1991. С. 84.

⁸ Там же. С. 95.

ность. Бесспорной художественной целесообразностью обладает контраст деталей, применённых к изображению антитетичных персонажей. Например, «крадущиеся шаги», «потное рысье лицо» в описании преследующих Яна агентов диссонируют с деталью «сосредоточенно, неторопливо шагала, смотря прямо перед собой»¹ в изображении героя.

В 1900-е гг. Грин разработал инструментарий создания сенсорного вербального портрета. Персонажная и авторская рецепция портретов, их субъективное созерцание занимает существенное место в повествовательной системе и рассказов 1910-х гг. Например, в рассказе «Она» перед героем, несколько лет проведшим в тюрьме, образ Веры Н предстаёт запечатлённым в его субъективном восприятии: «А груз – воспоминание – всё рос, двигаясь, как лавина и звенел забытыми словами, розовым смехом, радостью смущённых ресниц»; «лицо девушки с русыми волосами тонет в клубах едкого табачного дыма»². При этом портрет показан синкретичным, впечатление сохраняет нерасчлённость звука, цвета, запаха, вызванного чувства, использована синестезия («розовым смехом»). Импрессионистичность портретирования повторена в описании группового портрета горожан, увиденных человеком с «розовым лицом» в свете рассвета («И снова сонный рассвет придвигал розовое лицо своё к матовым узорным окнам и восковыми, мертвенными тенями покрывал лица людей»³).

Поэтика впечатления использована Грином как ключевая в повествовании о внешне фантастическом событии, но по сути – о психологической диссоциации героя. Ситуация, положенная в основу «Рассказа Бирка» (1910), повторяется в «Бое на штыках» (1915): участвовавшему в военных действиях Фаникову «казалось», что фуражка, сапоги, спина бежавшего ря-

дом с ним солдата, сама манера его бега ему знакомы, а взглянув в его лицо, он понимает, что это его собственное лицо. В этом рассказе детали портрета, запечатлённые в болезненном сознании героя, моделируют психический процесс, на котором строится повествование – рождение «иллюзии двойственности»⁴ и освобождение от неё.

Отметим, что в прозе Грина другим частым средством раскрытия внутреннего мира человека стало изображение отражения внешности героя в зеркале. В «Рассказе Бирка» зеркало – «портрет-самовосприятие» [13, с. 55–68], символический атрибут самопознания героя, пережившего неудавшийся суицид. В зеркале отражается лицо человека в состоянии психологической травмы, испытывающего трудности самоидентификации: «из большого туалетного зеркала смотрело лицо, воспалённое пьянством, страшное и жалкое. Это было моё лицо. С минуту я смотрел на него, не узнавая себя»⁵. Дальнейшая история Бирка подтверждает тот факт, что зеркальное отражение портрета выполняет гносеологическую функцию⁶ – выявляет «бинарность», «антиномичность» [8, с. 200] сознания и самосознания. Кроме того, в «Рассказе Бирка» Грин вводит в эпизод с зеркалом мотив воображаемого портрета: герой с ненавистью смотрит на отражение своего измученного, угрюмого лица, он ненавидит и проклинает свой зеркальный образ и желает, чтобы его лицо превратилось в каменную маску.

¹ Там же. С. 84.

² Грин А. С. Она // Грин А. С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1: Рассказы 1906–1912 / сост. В. Россельса. М.: Художественная литература, 1991. С. 276, 278.

³ Там же. С. 278.

⁴ Грин А. С. Бой на штыках // Грин А. С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Рассказы 1913–1916 / сост. В. Россельса. М.: Художественная литература, 1991. С. 299.

⁵ Грин А. С. Рассказ Бирка // Грин А. С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1: Рассказы 1906–1912 / сост. В. Россельса. М.: Художественная литература, 1991. С. 343.

⁶ «Человек у зеркала», согласно точке зрения М. М. Бахтина, – средство разрешения вопросов философской антропологии, постановки таких «узловых проблем» философии XX в., как сознание и самосознание, «я» и «другой». Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5 / под ред. С. Г. Бочарова, Л. А. Гогтишвили. М.: Русское слово, 1996. С. 464–466.

Словесный портрет, отражённый в зеркале, выступает «инструментом познания и персонологии» [8, с. 201] героя. В рассказе «Апельсины» отражение внешности революционера-арестанта Брона, его замученного лица, бледного и напряжённого, его сбившихся редких волос, тонкой шеи в смятом грязном воротничке, – показатель депрессивного состояния; в то же время внутреннее напряжение и возбуждение переданы через глаза: он «машинально провёл рукой по глазам, блестящим и живым, и снова задумался»¹. Выбранный Грином формат зеркала, во-первых, позволяет сгустить портретные детали в небольшом фрагменте текста и ограниченной поверхности, во-вторых, объясняет высокую степень психологической напряжённости героя-арестанта, занятого самонаблюдением. Статичный портрет дополнен чертами динамичного портрета: «взгляд Брона упал», «напряжённо взглянуло», «машинально провёл рукой», «блестящим и живым»². Кроме того, в зеркальном отражении «нарушено свойство синхронности изображения» [7, с. 563].

Во других рассказах Грин также придавал портретам свойства и функции, сопутствующие развитию сюжета. Например, в «Штурмане “Четырёх ветров”» серьга в ухе штурмана – композиционная скрепа между прошлым и настоящим, портретная деталь, через которую в рассказ вводится ретроспективная история о смерти жены штурмана и о том, как он вынул серьгу из уха покойницы. В «Маленьком заговоре» (1909) развёрнут подробный портрет главного героя с авторским комментарием по поводу непредсказуемости, необъяснимой изменчивости его внешности; несколькими строками ниже Грин вводит в описание замечание о неопределённости улыбки героя. Через портрет априори указывается на интригу: герой-террорист должен подготовить жаждавшую подвига де-

вушку к совершению теракта, он смотрит на неё («мгновенная неловкость и боль, сверкнувшие в глазах девушки, сделали молчание напряжённым», «Глаза девушки, блестящие странным, тихим светом, удержали его»³) и вопреки решению комитета отговаривает её от убийства. В «Жёлтом городе» (1915) также актуализирована априорность внешнего портрета. События происходят в 1915 г. в разрушенном немцами и обезлюдевшем бельгийском городке, где немногие выжившие лишились рассудка; описание ютившихся в подвале сумасшедших предваряется портретной характеристикой старика, в описании которого использованы ключевые фразы с семантикой неадекватности – «странная фигура», «на костлявом лице судорожно и дико блестили глубоко впалые глаза»⁴.

Заключение

Итак, в прозе Грина 1900-х–1910-х гг. определились оптимальные принципы и многообразные средства создания вербального портрета (портреты оценочные и описательные, субъективность в сочетании с объективной данностью, портрет через поэтику восприятия или впечатления, априорный портрет, лаконичность, зеркальность, статичность и динамичность, цветовые и световые характеристики, синонимичные и повторяющиеся лексемы, тропы, зооморфизм, соответствие акустическим деталям, поэтика артефакта, авторский комментарий и др.), использованные и впоследствии. Изобразительная значимость портрета проявилась в психологизме, акцентировании доминантного мотива в сюжете, указании на социальную репутацию персонажей, их индивидуальные черты.

Статья поступила в редакцию 16.12.2022.

¹ Грин А. С. Апельсины // Грин А. С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1: Рассказы 1906–1912 / сост. В. Россельса. М.: Художественная литература, 1991. С. 96.

² Там же.

³ Грин А. С. Маленький заговор // Грин А. С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1: Рассказы 1906–1912 / сост. В. Россельса. М.: Художественная литература, 1991. С. 181, 183.

⁴ Грин А. С. Жёлтый город // Грин А. С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Рассказы 1913–1916 / сост. В. Россельса. М.: Художественная литература, 1991. С. 302.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вольф Е. М. Метафора и оценка // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 52–65.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2006. 144 с.
3. Горнфельд А. Новые книги: А. С. Грин. Рассказы // Русское богатство. 1910. № 3. С. 145–147.
4. Дмитриевская Л. Н. Пейзаж и портрет. Проблема определения и литературного анализа (пейзаж и портрет в творчестве З. Н. Гиппиус). М.: Ярославль: Литера, 2005. 135 с.
5. Дмитриевская Л. Н. Портрет и пейзаж в русской прозе: традиция и художественные эксперименты. 2-е изд. М.: ФЛИНТА, 2016. 201 с.
6. Ковский В. Е. Романтический мир Александра Грина. М.: Наука, 1969. 296 с.
7. Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика и семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998. 822 с.
8. Лихацкая Л. Н. Портрет в контексте культурфилософских проблем // Известия Томского политехнического университета. 2012. Т. 321. № 6. С. 200–204.
9. Малетина О. А. Типология портрета в художественном дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2006. № 5. С. 122–123.
10. Морщинский В. С. Эмотивная семантика колоративов в прозе Л. Н. Андреева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 5 (71): в 3 ч. Ч. 2. С. 118–122.
11. Саидова М. В. Поэтика А. С. Грина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 1976. 23 с.
12. Солнцева Н. М. «Человек» М. Горького, «Человек» Вяч. Иванова, «Человек» В. Маяковского // Русская литература: XX век и современность. М.: МАКС Пресс, 2020. С. 138–150.
13. Сырица Г. С. Язык портрета в романах Л. Н. Толстого «Война и мир» и «Воскресенье»: дис. ... канд. филол. наук. М., 1986. 254 с.
14. Ульянова Т. В. Фрейм «словесный портрет» в языке и культуре // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2007. № S1. С. 58–60.

REFERENCES

1. Volf E. M. [Metaphor and Evaluation]. In: *Metafora v yazyke i tekste* [Metaphor in Language and Text]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 52–65.
2. Galperin I. R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an Object of Linguistic Research]. Moscow, KomKniga Publ., 2006. 144 p.
3. Gornfeld A. [New Books: A. S. Green. Stories]. In: *Russkoe bogatstvo* [Russian Wealth], 1910, no. 3, pp. 145–147.
4. Dmitrievskaya L. N. *Pejzazh i portret. Problema opredeleniya i literaturnogo analiza (pejzazh i portret v tvorchestve Z. N. Gippius)* [Landscape and Portrait. The Problem of Definition and Literary Analysis (Landscape and Portrait in the Works of Z. N. Gippius)]. Moscow, Yaroslavl, Litera Publ., 2005. 135 p.
5. Dmitrievskaya L. N. *Portret i pejzazh v russkoj proze: tradiciya i hudozhestvennyye eksperimenty* [Portrait and Landscape in Russian Prose: Tradition and Artistic Experiments]. Moscow, FLINTA Publ., 2016. 201 p.
6. Kovsky V. E. *Romanticheskij mir Aleksandra Grina* [Romantic World of Alexander Green]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 296 p.
7. Levin Yu. I. *Izbrannyye trudy. Poetika i semiotika* [Selected Works. Poetics and Semiotics]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ., 1998. 822 p.
8. Lihatskaya L. N. [Portrait in the Context of Cultural and Philosophical Problems]. In: *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta* [News of Tomsk Polytechnic University], 2012, vol. 321, no. 6, pp. 200–204.
9. Maletina O. A. [Typology of Portrait in Artistic Discourse]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie* [Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics], 2006, no. 5, pp. 122–123.
10. Morshchinskii V. S. [Emotive Semantics of Colour in L. N. Andreev's Prose]. In: *Filologicheskie nauki: voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences: Questions of Theory and Practice], 2017, no. 5(71), pt. 2, pp. 118–122.
11. Saidova M. V. *Poetika A. S. Grina: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Poetics of A. S. Green: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Dushanbe, 1976. 23 p.
12. Solntseva N. M. ["Man" by M. Gorky, "Man" Vyach. Ivanova, "Man" by V. Mayakovsky]. In: *Russkaya literatura: XX vek i sovremennost'* [Russian Literature: 20th Century and Modernity]. Moscow, MAKS Press Publ., 2020, pp. 138–150.

13. Syrica G. S. *Yazyk portreta v romanah L. N. Tolstogo "Vojna i mir" i "Voskreseniè": dis. ... kand. filol. nauk* [The Language of Portraits in L. N. Tolstoy's Novels "War and Peace" and "Sunday": Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 1986. 254 p.
14. Ul'yanova T. V. [Frame "Verbal Portrait" in Language and Culture]. In: *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennye nauki* [News of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Sciences], 2007, no. S1, pp. 58–60.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чжан Жуй – аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова;
e-mail: kristinaruirui@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zhang Rui – Postgraduate Student, Department of History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: kristinaruirui@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Чжан Жуй. Принципы создания словесного портрета в ранней прозе А. Грина // Отечественная филология. 2023. № 5. С. 132–140.
DOI: 10.18384/2949-5008-2023-5-132-140

FOR CITATION

Zhang Rui. Principles of Creating the Verbal Portrait in A. Green's Early Prose. In: *Russian Studies in Philology*, 2023, no. 5, pp. 132–140.
DOI: 10.18384/2949-5008-2023-5-132-140

РЕЦЕНЗИИ

«Я ЗНАЮ СИЛУ СЛОВ». РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ГОЛОВИНА Т. А., МАЛИНСКАЯ Т. В., ХАЛИКОВА Н. В. ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ: СБОРНИК УПРАЖНЕНИЙ. М.: ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОСВЕЩЕНИЯ, 2023. 103 С.

Дубова М. А.

*Государственный социально-гуманитарный университет
140 410, г. Коломна, ул. Зелёная, д. 30, Российская Федерация*

“I KNOW THE POWER OF WORDS”. BOOK REVIEW: GOLOVINA T. A., MALINSKAYA T. V., KHALIKOVA N. V. LANGUAGE OF FICTION: HISTORY AND THEORY. COLLECTION OF EXERCISES. M., STATE UNIVERSITY OF EDUCATION PUBL., 2023. 103 P.

M. Dubova

*State Social and Humanitarian University
ul. Zelenaya 30, Kolomna 140410, Russian Federation*

Учебно-методическое пособие Т. А. Головиной, Т. В. Малинской, Н. В. Халиковой «Язык художественной литературы: история и теория: сборник упражнений» адресовано студентам-бакалаврам филологических специальностей по дисциплинам «Язык художественной литературы» и «История языка художественной литературы» и полностью отвечает требованиям утверждённых Государственным университетом просвещения рабочих программ вышеназванных учебных курсов.

Актуализация в современной филологии лингвистики текста (а именно к этой научной области принадлежит рецензируемое пособие) напрямую связана со спецификой развития научного знания в эпоху цифровизации и глобализации, когда «постижение индивидуально-авторских методик двадцатого столетия изменяется»¹ и исследование текста требует адекватного современному уровню развития науки инструментария, в связи с чем разрабатываются новые комбинации известных методик, позволяющие исследователям прочитать текст, вскрывая самые глубинные пласты смысла, что и было продемонстрировано авторами пособия на высоком научно-практическом уровне. Именно требованиями времени объясняется и положенный в основу издания принцип структурирования материала, опирающийся на гипертекстовую технологию.

Несмотря на то, что изучение языка художественной литературы, начиная с одноимённой монографии В. В. Виноградова, входило, входит и, полагаем, будет входить в круг научных интересов многих учёных, представляющих разные лингвистические школы, до сих пор остаются лакуны, требующие восполнения. Текст, особенно художественный,

¹ Головина Т. А., Малинская Т. В., Халикова Н. В. Язык художественной литературы: история и теория: сборник упражнений. М.: Государственный университет просвещения, 2023. С. 4.

является настолько многослойной и многоуровневой субстанцией, что, думается, ещё не скоро будет разработан исчерпывающий алгоритм его изучения, соответствующий природе этого сложного многоуровневого образования. Вследствие сказанного актуальность представленного издания не вызывает сомнений. Более того, от аналогичных учебных пособий оно выгодно отличается структурно-содержательной оригинальностью, соответствующей логике авторского видения изучения текста с позиций органичного сочетания синхронического и диахронического подходов. В принципе структурирования материала и его содержательной специфике – подбор для изучения фрагментов текстов разных эпох с XII по XXI вв. и художественных направлений – и состоит новизна сборника и его научно-практическая значимость. Авторы предлагают свою оригинальную научно-дидактическую концепцию, вызванную к жизни недостаточной проработанностью важных историко-теоретических проблем изучения языка художественного произведения и призванную оптимизировать формирование у студентов-филологов соответствующих универсальных и общепрофессиональных компетенций.

Композиционно сборник упражнений состоит из двух разделов: «Теория языка художественной литературы» и «История языка художественной литературы», включающих 10 тем, логика расположения которых соответствует целевой установке авторов – сформировать представление о развитии художественного дискурса. Безусловным плюсом является единый трёхступенчатый принцип раскрытия содержания заявленных тем: перед началом освоения каждой из них даётся краткий теоретический экскурс, затем предложены теоретические вопросы для аудиторных дискуссий и самостоятельных выступлений студентов и, наконец, система упражнений.

Целесообразным и обоснованным выглядит открывающее сборник введение, знакомящее с понятийным аппаратом и научным инструментарием, знание которого необходимо для выполнения упраж-

нений двух разделов пособия. Здесь авторы формулируют задачи изучения языка художественной литературы: «1) описание формы и семантики единиц в иерархической структуре художественного текста; 2) изучение поэтической функции всех элементов текста, законов «неслучайного сочетания слов»; 3) изучение разделов ЯХЛ, методов анализа художественного текста и смежных дисциплин: структурной поэтики, функциональной поэтики, лингвокультурологии»¹, последовательно реализуемые при подборе языкового материала и в формулировке заданий, предполагающих работу с научными источниками (труды В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, И. Р. Гальперина, Ю. М. Лотмана, А. М. Пешковского, А. А. Потебни, А. А. Реформатского, Ю. Н. Тынянова, Р. Якобсона² и др.), обоснованность и целесообразность которой в формировании навыков анализа языка художественного произведения у студента-филолога трудно переоценить.

Первый раздел «Теория языка художественной литературы» включает 5 тем: «Семантика художественного слова и образа», «Художественный текст и его категории», «Экспрессивные возможности лексики и фразеологии», «Изобразительность фоносемантики», «Грамматические средства выразительности», – в которых теоретические вопросы преломляются в плоскости практических наблюдений над конкретным языковым материалом. Подчеркнём индивидуальный авторский подход к подборке художественных текстов, в основу которого положен принцип органичного сочетания поэтических (А. Ахматова, И. Бродский, В. Брюсов, С. Есенин, А. Кудряков, Д. Мережковский, Вс. Некрасов, Б. Окуджава, Д. Рубина, А. Тарковский, В. Хлебников, М. Цветаева) и прозаических (А. Белый, И. Бунин, А. Варламов, Н. Гоголь, Е. Замятин, В. Набоков, А. Пушкин, П. Санаев,

¹ Головина Т. А., Малинская Т. В., Халикова Н. В. Язык художественной литературы: история и теория: сборник упражнений. М.: Государственный университет просвещения, 2023. С. 5–6.

² Там же. С. 8–12.

И. Тургенев, А. Усачёв, А. Чехов, В. Шукшин) фрагментов из произведений писателей XIX–XXI вв., принадлежащих к разным литературным школам и направлениям, обращение к идиостилиям которых наглядно демонстрирует, как «художественное слово получает своё значение в зависимости от вхождения в то или иное поле произведения: семантическое, концептуальное, ассоциативное, эмоционально-оценочное»¹.

Во втором разделе учебно-методического пособия «История языка художественной литературы» (XII–XIX вв.) (Тема 7. Язык произведений Киевской Руси и Московского царства; Тема 8. Язык поэтических произведений XVIII в.; Тема 9. Язык прозы Н. М. Карамзина, А. Н. Радищева, Д. И. Фонвизина; Тема 10. Язык классической литературы XIX в.) предложены разнообразные задания на составление (выявление) и характеристику образных парадигм², стилистическое функционирование поэтизм, архаизмов, старославянизмов³ и других групп лексики в древнерусских текстах⁴, стилистическую окраску и стилистическую оценку; выявление фонетических, лексических, словообразовательных, синтаксических особенностей текстов Киевской Руси и Московского царства⁵, на анализ поэтического языка М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, Г. Р. Державина, В. К. Тредиаковского, И. А. Крылова⁶, прозаического языка А. П. Радищева и Н. М. Карамзина с позиций их сопоставительной характеристики⁷, наконец, на исследование языка классической литературы XIX в. (Ф. М. Достоевский, Н. В. Гоголь, М. Ю. Лермонтов, Н. А. Некрасов, А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев)⁸.

Высокой оценки заслуживает стремление авторов постичь текст во всей целокупности этой интегративной субстанции, что вызвало появление в сборнике заданий, направленных на изучение художественного произведения с позиций аудиального, визуального и сенсорно-перцептивного восприятия. Именно этим настойчивым авторским стремлением «донести до обучающихся живой голос артистов, читающих текст произведения, воспринять его через фонетическую оболочку, сравнить словесные образы с живописными»⁹ можно объяснить появление в сборнике упражнений заданий на сопоставление словесных образов с живописными, театральными, кинематографическими, что, в свою очередь, позволит сформировать представление о тексте как «целостной единице художественного сознания, классе образов, обобщающей перцептивной модели»¹⁰.

Не обойдём вниманием и расположенный в конце учебно-методического пособия солидный список литературы, структурируемый по разделам и содержащий перечень словарей, монографий, статей и интернет-источников, которые призваны сориентировать обучающихся в исследовании языка художественной литературы при подготовке к каждой из предложенных тем, углубить и расширить их знания в соответствии с заданным в каждой теме вектором исследования.

Без сомнения, рецензируемое пособие оптимизирует учебный процесс бакалавров по дисциплинам «Язык художественной литературы» и «История языка художественной литературы», совершенствуя навыки разноаспектного анализа языка художественного текста (лингвостилистического, концептуального, структурного) в органичном соединении синхронического и диахронического подходов.

Сборник упражнений, без сомнения, заслуживает самого пристального внимания не только студентов-филологов, но и научной общественности, а также широкого круга читателей, интересующихся вопросами языка художественной литературы.

¹ Головина Т. А., Малинская Т. В., Халикова Н. В. Язык художественной литературы: история и теория: сборник упражнений. М.: Государственный университет просвещения, 2023. С. 7.

² Там же. С. 63–64.

³ Там же. С. 66.

⁴ Там же. С. 69–73.

⁵ Там же. С. 69–72.

⁶ Там же. С. 75–78.

⁷ Там же. С. 78–83.

⁸ Там же. С. 84–97.

⁹ Там же. С. 4.

¹⁰ Там же. С. 4.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дубова Марина Анатольевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Государственного социально-гуманитарного университета;
e-mail: dubovama@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina A. Dubova – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Department of the Russian Language and Literature, State Social and Humanitarian University;
e-mail: dubovama@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Дубова М. А. «Я знаю силу слов». Рецензия на книгу: Головина Т. А., Малинская Т. В., Халикова Н. В. Язык художественной литературы: история и теория: сборник упражнений. М.: Государственный университет просвещения, 2023. 103 с. // Отечественная филология. 2023. № 5. С. 141–144.

FOR CITATION

Dubova M. A. “I Know the Power of Words”. Book Review: Golovina T. A., Malinskaya T. V., Khalikova N. V. Language of Fiction: History and Theory. Moscow, State University of Education Publ., 2023. 103 p. In: *Russian Studies in Philology*, 2023, no. 5, pp. 141–144.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

XV МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЯЗЫКОВЫЕ КАТЕГОРИИ И ЕДИНИЦЫ: СИНТАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ»

Ковальчук Е. В., Кузнецова Е. А., Пименова М. В., Рыкин Е. Ю., Соколова О. И.

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

600000, Россия, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Горького, д. 87, Российская Федерация

XV INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE “LANGUAGE CATEGORIES AND UNITS: SYNTAGMATIC ASPECT”

E. Kovalchuk, E. Kuznetsova, M. Pimenova, E. Rykin, O. Sokolova

*Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs
ul. Gorkogo 87, Vladimir 600000, Vladimir Region, Russian Federation*

26–28 сентября 2023 г. во Владимирском государственном университете прошла XV Международная научная конференция «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект», посвящённая 70-летию кафедры русского языка. Опубликованный к началу конференции сборник её материалов открывается очерком профессора В. И. Фурашова, знакомящим с основными вехами истории старейшего структурного подразделения опорного вуза Владимирской области. Продолжают и дополняют данный очерк статьи памяти профессора А. Б. Копелиовича, профессора А. Б. Пеньковского, доцента С. А. Фессалоницкого, доцента Р. С. Кануновой, доцента В. В. Носковой, проработавших на кафедре долгие годы и многое сделавших для её становления и развития.

В работе конференции приняли участие учёные-лингвисты из различных городов России: Белгорода, Владимира, Воронежа, Ижевска, Казани, Коломны, Красноярска, Липецка, Луганска, Магнитогорска, Москвы, Нижнего Новгорода, Ростова-на-Дону, Санкт-Петербурга, Саранска, Симферополя, Смоленска – а также зарубежных стран: Беларуси (г. Витебск), Китая (гг. Тайбэй, Яньтай), Туркменистана (г. Кушка), Узбекистана (г. Термез), Украины (г. Киев). На пленарном заседании, четырёх секциях, IV Всероссийском научном семинаре с международным участием для молодых учёных «Язык и ментальность в диахронии» и III Всероссийском круглом столе «Проблемы региональной ономастики: памяти В. В. Носковой» было заслушано и обсуждено 98 докладов (69 очно и 29 дистанционно), в которых рассматривались вопросы функционирования и взаимодействия языковых категорий и единиц на основе их синтагматических свойств в рамках принятого современной лингвистикой антропоцентрического взгляда на язык.

В открывшем пленарное заседание докладе Н. В. Богановой-Бегларян (г. Санкт-Петербург) анализировалось выражение *своего рода*, сочетающее в своих употреблениях функции аппроксимации, рефлексии на сказанное или готовящееся к произнесению / написанию и хезитации. Н. А. Герасименко (г. Москва) остановилась на особенностях такой активной синтаксической конструкции в современном русском языке, как бисубстантивное предложение. Н. М. Девятова (г. Москва) проанализировала отдельные

синтаксические реализации концепта «дорога» и их когнитивный потенциал. Е. И. Зиновьева (г. Санкт-Петербург) рассмотрела устойчивые словесные комплексы с глаголом *имать* в семантическом пространстве русского обиходно-делового языка XVI–XVII вв. С. Г. Шулежкова (г. Магнитогорск) наметила перспективы диахронического исследования русских сверхсловных библеизмов с опорой на фразеологический словарь старославянского языка, в котором описаны устойчивые словесные комплексы из сохранившихся памятников X–XI вв. и приведены данные об их фиксации в словарях разных эпох. Т. В. Романова (г. Нижний Новгород) представила обоснование методологического и инструментального подходов к созданию словаря-справочника тезаурусно-энциклопедического типа, отражающего ядро терминосистемы когнитивной лингвистики. Объектом рассмотрения в докладе Т. Е. Шаповаловой (г. Москва) были сложные фразеологизированные конструкции с временной семантикой, в которых строевые лексические элементы выступают как аксиологические знаки грамматической формы художественного текста. И. В. Якушевич (г. Москва) рассказала о символах-орнитонимах в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». М. В. Пименова (г. Владимир) посвятила своё выступление «удвоению» онимов и апеллятивов в составе древних по происхождению моделей лексико-семантических сочетаний, к числу которых относятся изученные А. Б. Пеньковским таунтоимы.

Насекции «Вопросы изучения грамматики: язык и ментальность» Е. Н. Широкова (г. Нижний Новгород), рассмотрев корреляцию левополушарной и правополушарной грамматик при продуцировании диалога больными с психическими заболеваниями, показала, что нарушения правополушарной грамматики проявляются в отсутствии целостности, бинарного тема-рематического развёртывания текста, в трансформации модусов ментальных состояний / реальности. И. А. Меркулова (г. Воронеж) представила результаты на-

блюдения за процессом редупликативных конструкций, состоящих из частицы *прямо* (*прям*) или местоимения *такой* и удвоенного существительного, в русской разговорной речи. В докладе Сян Янань (г. Санкт-Петербург – г. Яньтай, Китай) были выявлены структурные реализации прагматического маркера-аппроксиматора *типа* в русской повседневной речи и его функции (прагматические значения) в повседневном общении. Е. Ю. Рыкин (г. Владимир) на материале текстов древнерусского и великорусского периодов рассмотрел два значения творительного падежа – творительный идентификационный и творительный квалификационный. О. И. Соколова (г. Владимир) проанализировала особенности употребления тире в современной литературе и отражение правил его постановки в нормативных справочниках по правописанию, обозначив тенденцию к его универсализации.

Доклады секции «Вопросы изучения текста: язык и ментальность» включали в себя анализ роли в речевых произведениях следующих языковых средств: концепта «путь» в автобиографии святителя Луки Крымского «Я полюбил страдание...» (О. Л. Арискина, г. Саранск), прагматических аспектов заговорного текста (И. И. Чумак-Жунь, г. Белгород), лексемы *коломенский* в объективации авторской языковой картины мира на материале романа Б. Пильняка «Волга впадает в Каспийское море» (М. А. Дубова, г. Коломна), компьютерной метафоры в прозе В. Пелевина (Д. В. Дозорова, г. Москва), метафорического развития значений лексем СП 'употребление спиртных напитков' в идиолекте О. Митяева (А. А. Козакова, г. Ростов-на-Дону), языкового пространства города Коломны и его окрестностей рубежа XIX – начала XX в. в тексте романа «Голый год» Б. Пильняка (А. Ю. Козлова, г. Коломна), способов лексической объективации бинарности в поэтическом мире С. Парнок (Е. А. Ивашевская, г. Коломна).

Секция «Вопросы изучения лексики / фразеологии: язык и ментальность»

открылась докладом Ф. И. Карташковой (г. Иваново), посвящённым отражению в паремиологии статусно-ролевых отношений в русском и английском союзах XVIII в. Л. Г. Смирнова (г. Смоленск) рассмотрела оценочный потенциал имён в системе русского языка и его реализацию в медиатекстах. В выступлении А. И. Лызлова (г. Смоленск) был проанализирован фразеологизм «тёмная лошадка» / “dark horse” в английском и русском дискурсе. А. С. Алёшин (г. Санкт-Петербург) посвятил своё сообщение особой модели организации русских паремий компаративной семантики. Л. В. Валева (г. Симферополь) рассказала о конструктах лексического повтора в поэтическом тексте И. Сельвинского. Исследование Е. В. Мариновой и Е. А. Волочек (г. Нижний Новгород) касалось особенностей сочетаемости в русском языке цифрового общества прилагательных *цифровой – цифровой – диджитал*. В центре внимания работы О. Ю. Казмирчук (г. Москва) находились некоторые особенности функционирования фразеологизмов в поэтических текстах (на материале лирики В. Маяковского, Б. Пастернака, В. Высоцкого). А. В. Михайловым (г. Красноярск) было представлено отношение к приёмам выявления связей лексических единиц в ментальном тезаурусе русской языковой личности (область ‘своё’). Выступление М. В. Серебряк (г. Луганск) было посвящено библеизму *Гефсиманский сад* как потенциальному сценарному концепту русской лингвокультуры. Семантические особенности аллитерированных бинарных фразем немецкого языка были рассмотрены в работе Е. Н. Цветаевой и Е. С. Панкратьевой (г. Москва). В. И. Бурмина (г. Москва) представила результаты исследования номинации деталей русской печи как соматического кода.

Онлайн-секцию «Языковые категории и единицы: язык и ментальность» открыл доклад П. У. Бакирова (г. Термез, Узбекистан) о словообразовательном освоении русским языком тюркизмов – назва-

ний лиц. Сообщение Т. Е. Владимировой (г. Москва) было посвящено ментальным истокам русской категории безличности. И. Н. Юдкин-Рипун (г. Киев, Украина) проанализировал семантику меронимов в романе М. Горького «Жизнь Клима Самгина». Д. Г. Демидов (г. Санкт-Петербург – г. Тайбэй, Тайвань) рассмотрел приставочную, суффиксальную и конфиксальную связи корня в русском словообразовании. О. В. Доница (г. Воронеж) остановилась на выявлении и описании класса «Острое» в русском языке. Е. И. Колосова (г. Казань) рассказала о специфике функционирования русских глаголов, вербализующих фрустрационные эмоции. В центре внимания Е. М. Лазуткиной (г. Москва) были особенности позиционной семантики предложения. О. В. Ланская (г. Липецк) на материале стихотворения Ю. П. Кузнецова «Сказание о Сергии Радонежском» осветила проблему «Герой в пространстве бытия». Предметом рассмотрения Е. Н. Подтележниковой (г. Воронеж) стали семантические и структурные особенности сочинительных рядов со словом *радость* и его производными в романе К. Е. Антаровой «Две жизни». Д. К. Шадиева (г. Термез, Узбекистан) на материале русского и узбекского языков показала способы переноса фразеологизмов из одного языка в другой.

На проходившем в рамках конференции IV Всероссийском семинаре с международным участием для молодых учёных «Язык и ментальность в диахронии» прозвучали как доклады известных исследователей, так и сообщения начинающих авторов – аспирантов и магистрантов. Вопросы взаимоотношения языка и ментальности обсуждались с различных точек зрения: рассматривалась эволюция гендерных различий в представлении красоты (Л. И. Богданова, г. Москва), реконструировались символические значения слова *кузютка* (‘домовой’) (И. В. Якушевич, г. Москва), анализировалось соотношение номинации и коннотации в древнерусском слове *смьрдъ* (А. В. Алексеев, г. Москва), эксплицировалось выражение оценки в

древнерусском языке при помощи ментальных и эмоциональных предикатов (Т. В. Михайлова, г. Красноярск), на примере слов с корнем *-зл-* описывались системные отношения однокоренных слов в диахроническом аспекте (У. С. Загребина, г. Ижевск), представлялись ценности и антиценности в аксиосфере русского институционального политического дискурса (Т. В. Романова, г. Нижний Новгород), структурировались единицы ментальности на основе трудов В. В. Колесова (М. В. Пименова, г. Владимир). В пяти докладах исследовались устойчивые сочетания разных структурно-семантических типов в древнерусском и старорусском языке: Е. В. Генераловой (г. Санкт-Петербург), Е. С. Константинова (г. Владимир), М. С. Лобеевой (г. Санкт-Петербург), В. Т. Макухи (г. Санкт-Петербург), О. С. Русановой (г. Ижевск).

Завершал научную часть конференции III Всероссийский круглый стол «Проблемы региональной ономастики: памяти В. В. Носковой». Во вступительном слове к 85-летию со дня её рождения Е. А. Кузнецова рассказала об основных вехах жизни, этапах научной и преподавательской работы известного владимирского ономаста. В сообщениях участников круглого стола рассматривались различные аспекты функционирования имён собственных в рамках региональных ономастических систем. В первом докладе Л. И. Богдановой (г. Москва) была рассмотрена специфика зоонимов в региональной культуре, на основе чего сделан вывод о преобладании негативных характеристик над позитивными. А. Ю. Козлова (г. Коломна) обозначила основные проблемы изучения микротопонимии в Московской области, к числу

которых автор отнесла отсутствие серьёзных научных публикаций по теме. В докладе И. Д. Михайловой (г. Москва) проблема изучения лингвогеографии была рассмотрена с позиции преподавателя, при этом автор представил конкретные шаги, которые помогут ввести студентов в городскую топонимическую систему. Е. В. Сердюкова (г. Ростов-на-Дону) проанализировала виды топооснов в русских донских говорах. Тема взаимодействия диалектологии и топонимики была продолжена в докладе М. В. Флягиной (г. Ростов-на-Дону), которая на материале донских говоров указала на то, что микротопонимы могут быть источником для изучения диалектной лексики. Развивая идею особого статуса микротопонимов и важности их исследования, Т. В. Старостина (г. Коломна) в своём докладе предложила рассматривать микротопонимию ещё и как источник исторических, географических и экономико-социальных сведений. В финальном докладе круглого стола Е. А. Кузнецова (г. Владимир) представила проект первого выпуска «Топонимического словаря Владимирской области», посвящённого названиям населённых пунктов Александровского района.

Участники конференции указали на плодотворность присутствовавшего в большинстве выступлений синтеза традиционных (классических) подходов к анализу языковых фактов с новейшими методиками и приёмами, отметив высокий научный уровень докладов и активность обсуждения. Принято решение опубликовать итоговые материалы IV Всероссийского научного семинара и первый выпуск «Топонимического словаря Владимирской области».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ковальчук Елена Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых;
e-mail: kovalchuk_helen@mail.ru

Кузнецова Екатерина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых;
e-mail: e.a.kuznetsova@list.ru

Пименова Марина Васильевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых;
e-mail: pimenova-vgpu@yandex.ru

Рыкин Евгений Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых;
e-mail: eugeny.rikin@yandex.ru

Соколова Ольга Ивановна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых;
e-mail: sok.ol@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena V. Kovalchuk – Cand. Sci. (Pedagogical Sciences), Assoc. Prof., Department of the Russian Language, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs;
e-mail: kovalchuk_helen@mail.ru

Ekaterina A. Kuznetsova – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Department of the Russian Language, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs;
e-mail: e.a.kuznetsova@list.ru

Marina V. Pimenova – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Head of the Department, Department of the Russian Language, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs;
e-mail: pimenova-vgpu@yandex.ru

Evgeny Y. Rykin – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Department of the Russian Language, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs;
e-mail: eugeny.rikin@yandex.ru

Olga I. Sokolova – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Assoc. Prof., Department of the Russian Language, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs;
e-mail: sok.ol@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

XV Международная научная конференция «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект» / Е. В. Ковальчук, Е. А. Кузнецова, М. В. Пименова, Е. Ю. Рыкин, О. И. Соколова // Отечественная филология. 2023. № 5. С. 145–149.

FOR CITATION

Kovalchuk E. V., Kuznetsova E. A., Pimenova M. V., Rykin E. Yu., Sokolova O. I. XV International Scientific Conference “Language Categories and Units: Syntagmatic Aspect”. In: *Russian Studies in Philology*, 2023, no. 5, pp. 145–149.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ

2023. № 5

Над номером работали:

Литературный редактор В. А. Кулакова
Переводчик А. Ю. Назарова
Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова
Корректор И. К. Глудунов

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.philologymgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".

Тираж 500 экз. Усл. п. л. 9,5, уч.-изд. л. 12.

Подписано в печать: 28.12.2023 г. Дата выхода в свет: 09.01.2024 г. Заказ № 2023/12-08.

Отпечатано в ГУП

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А